4
3-55

Земская Е.А.

Словообразование
как
деятельность

М., 1992

86936

4
3-55

Е.А.ЗЕМСКАЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

·Наука·

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.А.ЗЕМСКАЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В библиотеку
Института русского
языка РАН
от автора
5 мая 94 г.

МОСКВА
"НАУКА"
1992

ББК 81.2Р
З 55

Ответственный редактор
академик Д.Н. ШМЕЛЕВ

Рецензенты:
доктора филологических наук О.П. ЕРМАКОВА, И.С. УЛУХАНОВ

Редактор издательства В.С. МАТЮХИНА

Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Ин-т рус. З-55 языка РАН. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
ISBN 5-02-011082-5

В монографии исследуется динамический аспект словообразования в русском языке: функции словообразования, вклад производных слов в систему номинативных средств языка, условия действия механизма словообразования, типические особенности окказиональных и потенциальных слов. Исследование основано на богатом материале современного русского языка — периодической печати, живой разговорной речи, художественной и научной литературы.

Для широкого круга лингвистов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также для всех, кто интересуется современным состоянием русского языка, общим и русским словообразованием и лексикологией.

З — 4602020101-042 / 042(02)-92 511-92, II полугодие ББК 81.2Р

Zemskaya E.A. World-formation as an activity.

The book is an investigation of dynamic aspect of Russian word-formation: its text functions, roles in the system of nomination, mechanisms of word-formation, pecularities of occasional and potential words. The monograph is based on rich and diverse linguistic data — press, spoken language, dialogues, fiction and scientific literuture.

Meant for linguists, university professors, post-graduates, students of philology and other specialists interested in modern Russian.

ISBN 5-02-011082-5 3-4/55

© Е.А. Земская, 1992
© Российская Академия наук, 1992

Там, где по счастливому случаю человечество в лице какого-либо народа достигает высот развития и язык обладает способностью сплести объективное и субъективное, при том, что превосходство первого не ущемляет прав второго, там и распускается прекрасный цветок человеческого общения. Живо построенная, основанная на обмене чувствами и идеями беседа сама по себе является как бы центром языка, сущность которого можно представить как звук и ответный звук — как речь и ответную речь; происхождение и преобразования языка никогда не принадлежат одному человеку, но только — общности людей; языковая способность покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении.

Вильгельм фон Гумбольдт

Подлинной причиной изменений узуса является не что иное, как обычная речевая деятельность... В ней не обнаруживается ничего иного, кроме намерения, связанного с испытываемой в данный момент потребностью сделать свои желания и мысли достоянием других.

Германн Пауль

ВВЕДЕНИЕ

Название этой книги может вызвать недоумение или недовольство читателя. «Ну, хорошо, — скажет он, — положим, можно говорить о языке как деятельности. Вспомните знаменитое гумбольдтовское: "Язык не эргон, но энергейя"[1]. Но словообразование!!»

Интерес к идеям Гумбольдта присущ современному языкознанию[2]. "Гумбольдт близок нашей эпохе с характерным для нее стилем теоретического мышления не только своей деятельностной трактовкой языка, но некоторыми другими сторонами... В частности, представляет интерес свойственный ему... антропологический подход, акцентирующий особую роль естественного языка в духовной жизни человека. В настоящее время наблюдается тенденция к синтезу ряда смежных наук и отказу от глубоко разъединяющих процессов все возрастающей и часто неоправданной дифференциации научных дисциплин. В этом плане Гумбольдт, выдвигающий идею создания целостной науки о человеке, оказывается близким нашей эпохе" [Постовалова, 1982, 67].

Деятельностный характер языка активно изучается в современном языкознании. Понятие языковой деятельности используется в разных направлениях лингвистики и понимается при этом по-разному[3]. Ср. формулировку А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни: "Конечной идеальной целью наших исследований является создание модели языковой деятельности, а не модели естественного языка (как формулировалась задача в этой области еще несколько лет назад)" [Моделирование..., 1987, 9]. При этом важнейшими принципами исследования объявляются "принцип говорящего" и "принцип динамизма": "Языковые явления рассматриваются не с классификационной статической точки зрения, а в динамике, в процессе. В идеале имеется в виду процесс построения, создания языковой формы говорящим, ввиду чего языковое выражение мыслится как конечный результат текстосозидательного процесса, а не исходный объект лингвистической интерпретации" [там же, 10]. С нашей точки зрения,

[1] См.: [Гумбольдт, 1984].

[2] Показательно, что на XIV Международном конгрессе лингвистов (Берлин, 1987) целое пленарное заседание было посвящено теме "Вильгельм фон Гумбольдт и современное языкознание" (см.: [Malberg, 1987; Nehmann, 1987; Robins, 1987]; см. также: [Рамишвили, 1978; Степанов, 1985, 124]).

[3] Ср., с одной стороны, работы психолингвистического характера (например: [Сахарный, 1980]), с другой — формальные описания естественного языка, осуществляемые на основе моделирования языковой деятельности (например: [Моделирование..., 1987]).

такой подход к исследованию языка плодотворен и обещает дать новые результаты.

В этой книге в центре внимания находится деятельностный, динамический характер самого языка, понимаемого как система систем. Объект нашего исследования — одна из составляющих систему языка: система словообразования.

Избранный аспект исследования языка направлен на изучение словообразования в контексте функционального описания языка.

Цель книги — осмыслить и охарактеризовать современное словообразование как один из важнейших действующих механизмов языка, который используется говорящим в процессе общения в различных целях (о функциях словообразования см. ниже). В понимание языка как деятельности мы включаем два компонента: систему языка и языковую компетенцию говорящих. Таким образом, мы не отказываемся от изучения языковой деятельности отдельных говорящих и социума, от рассмотрения вопроса о том, как говорящий, опираясь на систему языка и используя свою языковую компетенцию, строит слова и тексты. Считаем вполне справедливым то уточнение основной заповеди современной лингвистики ("за каждым текстом стоит система языка"), которое вносит в нее Ю.Н. Караулов: "...нынешний этап, никоим образом не отменяя этой заповеди, позволяет теперь чуть-чуть ее расширить, сказав, что за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка" [Караулов, 1987, 27].

С этим "человеческим аспектом" исследования словообразования связаны такие вопросы: речевые намерения говорящих при построении неузуальных слов; действие словообразовательного механизма в процессах индивидуальной и коллективной номинации; явления экспрессивной оценки; функции словообразования в построении текста; использование словообразования как творческого, эстетического начала в "языковой игре".

Значение словообразования в языках типа русского трудно переоценить. Благодаря словообразованию язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа. Именно словообразовательный механизм в первую очередь обеспечивает язык бесконечным разнообразием слов, отвечающим всем потребностям общения.

Автор не ставил задачу рассмотреть весь массив производных слов современного русского языка. Это сделано достаточно хорошо во многих работах. Следуя широко известному мнению Л.В. Щербы о необходимости разграничения того, как сделаны готовые слова, и того, как делаются новые слова, мы обращаемся именно к этому динамическому аспекту словообразования. Наша задача — выяснить, как делаются новые слова в современном русском языке.

Вот вопросы, которые интересовали автора в первую очередь:

— какие функции выполняет словообразование в языке?

— какие тематические группы лексики активно пополняются производными словами?

— каков вклад производных слов разных частей речи в номинативную систему русского языка?

— какие условия коммуникации способствуют действию механизма словообразования?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо:

— установить набор деривационных значений, наиболее активно реализуемых в разных сферах современного языка;

— определить используемый при этом набор деривационных средств;

— охарактеризовать наиболее активно действующие способы словообразования, функционирующие в разных сферах языка;

— рассмотреть текстовые условия, способствующие порождению ad hoc производных;

— охарактеризовать функции словообразования в построении текста;

— проанализировать приемы производства слов, рождаемых вопреки законам узуального словообразования.

Освещение названных выше проблем поможет представить ту наивную картину мира, которую рисует наш современник с помощью словообразования[4]. В общей проблеме "Язык и человек", "Язык и языковая личность" (см.: [Караулов, 1987]) более частная проблема "Словообразование и личность" должна занять подобающее ей место.

О СТРУКТУРЕ КНИГИ

Очевидно, что в одной книге и одному автору невозможно описать все современное активное словообразование. Необходимо было произвести рациональный отбор изучаемых явлений и исследуемых сфер языка, отбор проблематики. Введение содержит краткий раздел, излагающий авторское понимание структуры современного русского литературного языка и оценку исследованного материала. Кроме того, во Введении дается общая краткая характеристика функций словообразования в языке.

В гл. I "О некоторых понятиях теории синхронного словообразования" рассматриваются вопросы, имеющие важное значение для теории синхронного словообразования, освещение которых было необходимо предпослать конкретному рассмотрению материала.

Общая картина современного активного словообразования дана в гл. II "Новые производные слова по данным лексикографии", содержащей суммарный очерк новых явлений в словообразовании.

Характеристика тематических групп слов, наиболее активно порождаемых словообразованием нашего времени для выполнения функций номинации, составляет содержание гл. III "Активное номинативное словообразование (Суффиксальные существительные)". В этой главе исследуется суффиксальное производство существительных, так как именно в нем преимущественно содержатся те новые слова, которые

[4] Ср.: [Николаева, 1983; Апресян, 1986; Арутюнова, 1987; Шведова, 1988]. Когда работа над этой книгой уже была завершена, вышла в свет коллективная монография: [Роль человеческого фактора в языке, 1988].

создаются в языке той или иной эпохи для наименования новых предметов и явлений.

Гл. IV "Словообразование и текст" посвящена проблематике, связанной с новой лингвистической дисциплиной — лингвистикой текста. Каковы текстовые функции словообразования? Прежде всего можно назвать когерентную, актуализирующую и экспрессивно-стилистическую. В этой главе исследуется вопрос о том, какие именно контекстуальные условия способствуют порождению производного слова; каковы те стимулы, которые побуждают человека строить слова в процессе общения.

Изучение текстовых функций словообразования отчасти обусловливает рассмотрение материалов неузуального словообразования. Тем не менее мы сочли целесообразным посвять этому явлению особую главу (гл. V "Неузуальное словообразование (Окказиональные и потенциальные слова)", так как неузуальное словообразование, являясь ярким свидетельством того, как действует словообразовательный механизм языка в ту или иную эпоху, показывая те возможности, которые таит в себе язык, характеризует его специфические стороны.

Материалом для этой книги послужил русский литературный язык новейшего времени — 60—90-х годов XX в. В ряде случаев, однако, используются и факты более раннего времени — русского языка послевоенного периода (1945—1960) и лишь в отдельных случаях рассматриваются явления иных периодов.

Современный литературный язык отличается сложностью строения. Он включает две разновидности — кодифицированный (книжный) литературный язык (КЛЯ) и разговорный язык (РЯ), который часто в силу установившейся традиции называют термином "разговорная речь" (РР) (см.: [Русская разговорная речь, 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]). КЛЯ, в свою очередь, разделяется на функциональные стили, или сферы языка: научный, официально-деловой, газетно-публицистический, каждый из которых отличается своеобразием инвентаря словообразовательных средств и реализации моделей словообразования [Виноградова, 1984].

Как пишет Е.В. Красильникова, "отношения между книжным литературным языком (КЛЯ) и РР, между ними и языком художественной литературы, между стилями внутри КЛЯ качественно различны" [Красильникова, 1982, 136]. Изучение того, как именно действует словообразовательный механизм во всех перечисленных сферах языка, составляет задачу специального исследования. В этой книге представлены материалы обеих разновидностей литературного языка, однако их разграничение не положено в основу построения книги[5]. Мы считали важным, не объединяя между собой словообразование КЛЯ и РЯ, но, напротив, выявляя различие между этими разновидностями литературного языка, основное внимание обратить на проблематику иного рода, которая и определила композицию книги.

---

[5] Описание словообразования РЯ см. в кн.: [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. См. там же литературу вопроса.

Материалы, послужившие базой для книги, собирались автором в течение последних 20 лет. Это, с одной стороны, данные РЯ, с другой — данные КЛЯ. Последние черпались прежде всего из периодической печати. Такой отбор материала не случаен. Названные сферы языка обнаруживают наибольшую живость, подвижность, восприимчивость к новому. Данные специальных сфер КЛЯ (научной и деловой) использовались лишь в той мере, в какой они попадают в общелитературный язык через газеты, журналы, радио, телевидение и профессиональную устную речь. В ограниченной мере анализировалась также устная публичная речь (радио, телевидение). Язык художественной литературы привлекался как дополнительный материал. Задача анализа авторского своеобразия отдельных писателей в книге не ставилась.

Наблюдения автора пополнялись материалами толковых словарей русского языка, словарей новых слов и значений и специальных лингвистических исследований.

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Деривационный механизм языка по своим функциям неоднороден. В самом общем виде можно выделить пять функций словообразования: 1) собственно номинативная; 2) конструктивная; 3) компрессивная; 4) экспрессивная; 5) стилистическая.

Эти пять функций словообразования отражают различные коммуникативные установки говорящего: 1) создать необходимое наименование; 2) изменить синтаксическое построение речи; 3) произвести более краткую номинацию; 4) получить экспрессивную форму выражения; 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи, т.е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения.

Поясним, что мы имеем в виду, производя такое разграничение, и дадим очень краткую характеристику названным функциям.

1. Собственно номинативное словообразование. Для краткости в дальнейшем будем опускать "собственно". Производное создается для наименования какой-то реалии, часто новой, или для переименования[6] старой — предмета, действия, признака. Вот ряд примеров: *космодром; лунодром, лунник, луноход; электромобиль, газомобиль; экранолет; рассолопровод; тепловизор; человековедение, науковедение; компьютеризация; анти-спид, антироман; суперкубок, антиобледенитель, сверхпроводимость, разгосударствление, состыковаться, прилуниться, разгерметезировать; беспилотный полет, сверхскоростной самолет, компьютерное обучение.*

2. Конструктивное словообразование. Производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи. Эту функцию обслуживают так называемые синтаксические дериваты (по Е. Ку-

[6] Явление переименования заслуживает специального изучения (см., например: [Девкин, 1984]).

риловичу), т.е. производные, отличающиеся от базовых слов не по значению, но принадлежностью к иной части речи: отглагольные существительные со значением отвлеченного действия, отадъективные существительные со значением отвлеченного признака.

В современном языке в этой функции наиболее интенсивно действуют суф. *-ость* и *-ние*, проявляя активность и в КЛЯ, и в РЯ. При этом нередко порождаются неузуальные производные: Ведь прежде чем "*моржевать*" ребятишек, пришлось все тщательно продумать... Тут стоит вспомнить, что именно у ленинградцев по части "*моржевания*" давние традиции (Пр. 1984. 9 апр.; ср.: ...того, как *моржевать*); (экскурсовод:) Ну вот мы с вами *прокуролесили* товарищи / вынужденно / по улицам нашего города //; (реплика из группы:) Уж лучше бы без этого *куролешения* //; — Школа близко // Самое главное что не *возить*! — Вот этого *возения* не будет //; (разговор знакомых о пересадках в метро:) — Придется мне *поколесить*! — Хоть и много будет *колешения* внутри / но все-таки легче чем на трамвае //.

Он создает серию *гротесковых* портретов. Его сатирические персонажи при всей *гротесковости* убедительны и достоверны (из газет); Два действующих лица... выступали... "старший" и "младший". Причем "*младшесть*" свою сын преувеличивал (Е. Книпович, Страницы тех лет); (о к/ф "Покаяние") — По-моему эта фраза лишняя // — А мне эта фраза понравилась // Уж раз это притча / то *притчевость* и хороша //.

Создание и употребление производных типа *моржевание, куролешение, возение, младшесть, притчевость* и под. упрощает синтаксическую структуру высказывания, так как происходит номинализация пропозиции.

3. Компрессивное словообразование служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Оно включает разного рода сокращенные номинации. Компрессивное словообразование обслуживают разные способы словообразования: суффиксальная универбация, сложносокращенный способ, аббревиация. Суффиксальные универбаты (*пятиэтажка* — пятиэтажный дом, *сокращенка* — сокращенная дорога, *двухсменка* — работа в две смены, *подсобка* — подсобное помещение и под.) свойственны прежде всего РЯ. Сложносокращенные слова (*старпом* — старший помощник, *завлаб* — заведующий лабораторией и под.) тяготеют к профессиональной речи; аббревиатуры функционируют преимущественно в КЛЯ.

4. Экспрессивное словообразование. Производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресату речи, его микромиру (см.: [Девкин, 1976, 140; Volek, 1987]): Ну и *старушенция*! Еле избавился! (говорящий выражает свое раздражение, досаду с помощью производного); (разговор по телефону:) — Чем занимаешься? — *Здоровьишко* свое поправляю // (самоирония); (массажистка — пациенту:) Мы с вами встретимся *в понедельничек* / в восемь сорок //; (врач больному:) *На бочок* ко мне повернитесь // Потом *часик* отдохнуть //; Ну я тебе скажу и была *эпопейка*!; ...Вот такой *аргументик* в пользу своего переезда он привел (Пр. 1986. 15 окт.).

Употребляя слова типа *старушенция, здоровьишко, понедельничек, эпопейка* и т.п., человек прежде всего выражает свое отношение и оценку. Именно эта задача у него на первом плане при создании производного слова, а не факт наименования.

5. Стилистическое словообразование. Эта функция словообразования в чистом виде представлена не широко и мало изучена, поэтому рассмотрим ее подробнее.

Говоря о стилистической функции словообразования, мы имеем в виду явления двух родов: а) производное отличается от базового лишь стилистической окраской; б) слово, содержащее тот или иной словообразовательный аффикс, отличается от однокоренного слова, включающего иной словообразовательный аффикс, не семантикой, но стилистической окраской и/или прагматическим компонентом значения.

В случаях типа "б" стилистический член противопоставления не является дериватом своего противочлена, но находится с ним в иных отношениях, чаще всего — в отношениях кодеривации. Однако явления и типа "а", и типа "б" мы относим к сфере словообразования, так как носителем стилистической окраски выступает словообразовательный аффикс.

Тип "а". Продуктивным средством стилистической маркировки является суффикс существительных *-к(а)*. В литературной разговорной речи суф. *-к(а)* порождает производные существительные, назначение которых — соответствовать той ситуации непринужденности, неофициальности, которая присуща этому виду коммуникации. Таковы целые серии слов типа *табуретка, коленка, тетрадка, свечка, селедка, сковородка, кастрюлька* и мн. др. По значению эти слова ничем не отличаются от существительных *табурет, колено, тетрадь, книга, свеча, сельдь, сковорода, кастрюля*. Это — слова экваты (термин В.Д. Девкина). В разговорной речи подобные слова на *-к(а)* нейтральны. Там их родина. Попадая в книжную литературную речь, они приобретают оттенок легкой сниженности. Их порождение объясняется тем, что бессуфиксные существительные типа *табурет, колено, сельдь, тетрадь, сковорода* кажутся слишком книжными для разговорной речи и говорящий, не желая быть "лингвистическим занудой", пускает в ход стилистически маркирующий суф. *-к(а)*, который следует отличать от суффиксов *-к(а)* иной функциональной нагрузки: 'уменьшительность', 'женскость', 'имя действия' и др.

Кроме того, к стилистическому словообразованию типа "а" относятся отдельные производные с иными суффиксами и приставками. Ср.: *кобыла* и *кобылица* (книжн.), *лиса* и *лисица* (книжн.), *забыть* и *позабыть* (разг.). Число таких производных в русском языке не так велико.

Тип "б". Этот тип стилистической маркировки наиболее характерен для профессиональной и официально-деловой сферы языка. Здесь в этой функции обнаруживает активность глагольный префикс *за-* [Земская, 1962]. Ср. *похоронить* и *захоронить; похоронить* — чисто видовая префиксальная пара к *хоронить; захоронить* — гла-

гол официально-бюрократический. Впервые отмечен в Сл. Уш. с пометой: *нов. книжн. офиц.* Глаголы с приставкой *за-* (*заслушать — заслушивать, зачитать — зачитывать*) — типическая примета официально-деловой сферы речи; ср. нейтрально-литературные *прочитать, прослушать.* Глаголы *заслушать* и *зачитать* обозначают действия, совершаемые в официальном месте (на собрании, заседании); глагол *зачитать* (в отличие от *прочитать*) включает обязательный компонент 'вслух'.

Активно образуются глаголы с приставкой *за-* в профессиональной речи. Если такие глаголы попадают в словари, они получают там помету *спец.* Вот несколько примеров: *заснять* (ср. общелитературное *снять*), *зафотографировать* (не отмечено в словарях; ср. *сфотографировать*), *засолить* (ср. *посолить*), *закроить,* спец. (ср. *скроить, выкроить*). Новообразование *завесить* не отмечено словарями[7]. Между тем оно активно используется в профессиональной речи работников торговли и нередко сосуществует в одном коммуникативном акте с нейтрально-литературным *взвесить.* Ср. такой диалог покупателя и продавца: — *Взвесьте* мне пожалуйста эту рыбу // — Сейчас я вам *завешу* //.

В ряде случаев соответствующие отглагольные существительные имеют больше права на существование, чем глагол. Таково, например, *захоронение,* наделенное специальным значением 'место, где похоронено', например: *захоронение* древних славян.

Другие префиксы не порождают таких серий специальных образований. Можно отметить лишь отдельные глаголы типа *пошить* (ср. *сшить*).

Оценивая подобные явления с точки зрения культуры речи, мы, без всяких сомнений, видим в них порчу языка. Однако, рассматривая словообразование как деятельность, мы должны признать наличие в современном языке тенденции словообразовательно маркировать специальные действия. В этом отношении интересно сопоставить глаголы *измерить* и *замерить* (в Сл. Уш. отсутствует). Называемые ими действия, как кажется, не различаются. МАС толкует *измерить* как *сов.* к *мерить,* хотя помещает и *измерять.* Глагол *замерить* имеет помету *спец.* и толкование: "Произвести измерения чего-л.". В этом толковании показательно слово *измерение,* свидетельствующее о смысловой близости между *измерить* и *замерить,* ведь есть и специальное существительное *замер.* Можно думать, что действия, называемые этими глаголами, идентичны, но *измеряют* и *производят измерения* ученые (например, физики, химики), а *замеряют* и *делают замеры* строители, прорабы и т.п., т.е. глаголы различаются сферами употребления, стилистической окраской и тем, что называют прагматический компонент семантики.

Выделяя подобные явления в особую сферу словообразования — стилистическую, мы хотим подчеркнуть их отличие от экспрессив-

---

[7] Показательно, что в Сл. Уш. глагол *завесить* дан лишь в нормальном значении — *завесить что чем* (*завесить* окна). Так же толкует *завесить* и МАС. В словарях НС-70, НС-80 отсутствует.

ного словообразования[8]. Существительные типа *табуретка, коленка, селедка,* глаголы типа *замерить, заснять* и под. не несут никакой экспрессии в отличие от производных типа *старушенция, выпивоха, ветрюга, рассужденьица, сказануть* и под.

Предлагая функциональный подход к словообразованию, следует подчеркнуть два момента:

1) производные всех разновидностей, а не только номинативной, выполняют номинативную функцию, ибо являются словами, а любое слово именует: *книженция* — это иронически-пренебрежительное название книги, *главинж* — это сокращенное название именно главного инженера и т.п. Поэтому в целях точности первую сферу мы и называем собственно номинативной;

2) в акте коммуникации некоторые производные могут выполнять одновременно не одну функцию. Особенно характерны в этом отношении универбаты с суф. *-к(а)*. Назвав девятиэтажный дом *девятиэтажкой* или персональное дело *персоналкой,* говорящий одновременно порождает однословную номинацию взамен словосочетания, т.е. создает более удобный и краткий способ выражения (компрессивное словообразование), присущий непринужденной разговорной речи (стилистическое словообразование).

Несмотря на наличие такой полифункциональности, мы считаем предложенное разграничение важным, так как оно позволяет более четко охарактеризовать функции словопроизводства.

Для того чтобы понять, как устроена и как работает система современного словообразования, необходимо изучить состав активных деривационных морфем и охарактеризовать их с функциональной точки зрения. Такой подход является необходимым дополнением к аналитическому способу описания словообразования.

НОВЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА И ИХ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Новые слова не проходят незамеченными. Их встречают, как новичков в школе, приветливо или насмешливо, неприязненно. Действует *amor linguae — любовь* говорящего к своему языку [Караулов, 1987, 259—260]. Именно это чувство заставляет людей относиться неравнодушно к новым словам. Оценки новых слов говорящими, приемы ввода новых слов в текст, свидетельствуя об активном характере словопроизводства, дают интересный материал для анализа языкового сознания нашего современника.

Возьмем обычное для городской жизни слово *универсам.* Вот отрывки из двух заметок центральных газет за 1971 г. Одна так и называется: «Знакомьтесь: „*универсам*"»: В ряде городов нашей страны

[8] "Русская грамматика" (1980) в разделе "Словообразование существительных" выделяет "стилистические модификации" (с. 267); здесь объединяются, однако, с нашей точки зрения, различные единицы: морфема *-к(а),* маркирующая слова как разговорные, и наделенные яркой экспрессией суффиксы *-ага, -уга, -уха, -аха, -оха, -енциj(а).* В словообразовании глагола стилистические морфемы не отмечаются.

вводится строительство "*универсамов*" — торговых предприятий, специально предназначенных для самообслуживания (К. пр.). Заметка в "Правде" также содержит в названии это слово: "Приглашают *универсамы*": «В рабочем районе Москвы — Люблинском — поднялось здание из бетона и стекла. „*Универсам*" — светятся буквы на его фасаде. Это крупный универсальный магазин самообслуживания. *Универсам*... Еще не так давно это слово было незнакомо покупателю. Сейчас оно становится привычным». Показательно, что автор вводит в контекст пояснение: "Это крупный универсальный магазин самообслуживания". Слово *универсам* прижилось быстро. Этому помогли, несомненно, важность этого явления для жизни, четкое осознание структуры слова, а также соотношение с другими аббревиатурами близкой семантики; ср. *универсам* и слова *универмаг, самострой*.

Прошло 15 лет. И вот диалог на улице Москвы: А. Не скажете / Игральная улица / как пройти? Б. (задумчиво повторяет) Игральная // Идите прямо по бульвару / по центру бульвара // Как дойдете до *универсама* / налево она пойдет (1989). Говорящему не приходит в голову, что слово *универсам* может нуждаться в пояснении.

Не все новые слова так удачливы. Многие из них не принимаются нашими современниками. Причины этого различны. Одна из них — неудачность, неприемлемость, с точки зрения автора, оценки самого слова, его формы, звучания, избитости, невыразительности. Вот как страстно пишет человек о замене исконного названия города *Марково* на реке Лене искусственным названием *Нефтеленск*: Не умолчу о горестном чувстве, которое испытал я, покидая Марково и увидев на берегу выложенное камнем название будущего города — *Нефтеленск*, да еще вычитал в недавно изданной книжке "По Ленереке" такое: "Марково официально по-прежнему так и называется. Но геологи, продолжающие разведку недр, называют его городом *Нефтеленском*. Да будет так!" А во мне все протестует, кричит — пусть так не будет! При всем уважении к нефти и к продуктам перегонки довольно с нас *Нефтеабада, Нефтеюганска, Нефтегорска*... Пусть останется доброе старое название, неподвластное вкусам приезжих людей... (Изв. 1967).

Другая важная причина неприятия новых слов — *их семантика*. Эта причина имеет социальный характер и отражает отрицательную общественную оценку тех явлений, которые называют эти слова. В этом отношении показательны слова *подселять, подселенец* и *подселенка*, появившееся, по всей вероятности, в конце 60-х годов (отмечено в НС-70). Е. Кононенко гневно пишет в газете "Правда": Есть такое слово или нет — *подселенки*? Нет такого слова в толковых словарях русского языка. Нет у Даля, нет в последующих. Это слово породила война, тяжелейшая, кровавая битва с гитлеровцами, что смяла, спалила тысячи наших городов, поселков, селений, унесла миллионы жизней. До сих пор с жильем у нас еще нелегко, хоть и поднялись давным-давно из развалин новые здания, улицы, целые города. И все же, улучшая жилищные условия рабочих и служащих, мы еще пока не в состоянии всем предо-

ставить отдельные квартиры, мы еще вынуждены вселять (*вселять*, а не *подселять* — вычеркните из обихода это слово!) одинокого человека в одну из комнат новой квартиры, предоставленной какой-то семье (1969).

Слова *подселенец* и — чаще — *подселенка* употребляются и нейтрально, но редко. На них как бы лежит печатать тяжелой судьбы; показательно, что эти слова обычно даются в кавычках: Практические нормы распределения жилой площади во многих городах и районах пока таковы, что подселяют в "отдельную" квартиру просто вынужденно. От таких "*подселенцев*", одиноких людей, чаще всего стариков, попавших в чужую им семью, в редакцию приходят прямо-таки трагические письма (ЛГ. 1968).

Как сложится судьба этих слов, покажет будущее. Сейчас можно лишь отметить, что помимо значения оказывает влияние и структура этих слов (имена лиц, соотносительные со страдат. причастиями прош. времени и существительными на *-ние,* как правило, страдают стилистической ущербностью), и семантический ореол их структурных соседей (ср. *разведенка, брошенка; разложенец, разведенец* и т.п.).

Далеко не всегда, однако, оценка слов влияет на их судьбу. Вот еще ряд слов, пополнивших наш язык в 60-е годы: *некоммуникабельный, некоммуникабельность.* Эти слова были встречены враждебно некоторыми говорящими. Приведем заметку из газеты "Известия", автор которой подробно объясняет причины неприятия слова *некоммуникабельность*: Сейчас по страницам некоторых газет и журналов кокетливо разгуливает модное словечко — "*некоммуникабельность*". Особенно полюбилось оно литературным критикам-женщинам, пишущим предпочтительно о Кафке, Камю, Сартре, Ионеско и прочих деликатесах, на которые они облизываются, как кот на сметану. "*Некоммуникабельность*" — слово не столько переводное, сколько сконструированное. В оригинале оно звучит как "lack of communication", что в прямом переводе означает, "недостаток общения". Мне не нравится неологизм — "*некоммуникабельность*" потому, что его основа — слово "коммуникация" вызывает в русской речи любые ассоциации, кроме самой в данном случае необходимой — общения между людьми. Когда мы произносим "коммуникация", то в нашем представлении возникают уходящие в бесконечность железнодорожные шпалы, похожие на нотные линейки, телеграфные провода, паутина полевого телефона и даже, простите, канализационные трубы. Слово "коммуникация" пропитано техникой (1967). Автор оказался не прав. Не только слова *коммуникабельный* и *коммуникабельность* и их производные с приставкой *не-* вошли в язык, но и у исходного слова *коммуникация* поблек технический ореол. Мы называем теорию общения теорией коммуникации, употребляем слова *общение* и *коммуникация* как синонимы. Показательно, что в те же, 60-е годы слово *некоммуникабельность* употреблялось и безоценочно: Взаимное уважение — вот главное из правил социалистического общежития. Без него плохо. Без него бывает взаимное непонимание. И еще хуже *некоммуникабельность* (К.› пр.

1967). Словарь НС-70 дает слова *коммуникабельный, -ость* с толкованиями "общительный, -ость" и иллюстрациями 70-х годов, не содержащими отрицательной оценки.

Наша печать уделяет большое внимание вопросам языка. "Литературная газета" постоянно вовлекает в споры о языке широкий круг читателей. Приведем с небольшими сокращениями письмо читателя Ф. Озерского из Вологды, чтобы показать, как дорога людям судьба языка, насколько чуток к языку может быть любой человек, в том числе не связанный профессионально с языком: «Истинным бедствием является засилье в периодической печати, радио и телепередачах унылых языковых штампов и фальшивых словесных „красивостей", изобилие ненужных метафор и просто слов-уродов. Уже несколько лет мельтешат на страницах газет и порхают в эфире такие словечки с претензией на изящность, как „добротный", „весомый", „хлеборобы", „корабелы", „сельчане", „заводчане"...

Придумали какие-то ласкательные названия для воров и пьяниц: „несун", „выпивоха". *Несун,* по свидетельству Е. Ельшова, уже попал в словарь, кстати, любопытно, как мудрые наши лингвисты предлагают именовать, скажем, задержанную на проходной мясокомбината даму, обмотавшуюся по талии сосисками. *Несушка? Несунья? Несуха?* С воровкой было куда как проще».

Яркой иллюстрацией того, как именно может протекать процесс сознательного наименования и сколь многочисленные факторы действуют при этом, может служить рассказ о своеобразном конкурсе, который в апреле 1965 г. проводили газеты "Вечерняя Москва" и варшавская "Экспресс вечорны". Читателям был задан вопрос, как назвать передвижение человека в космосе после выхода его из космического корабля. Напомним, что выход этот осуществил космонавт Алексей Леонов. Читатели очень активно откликнулись на этот конкурс. Среди предложенных глаголов были такие, которые исходили из "космических" базовых слов, — *траекторить, спутничать, космировать, космосовать, невесомиться.* Очевидно, что все они неудачны по разным причинам. Были предложения использовать старые слова *парить, витать, носиться.* Но большинство читателей предложило глагол *леонить.* "Вечерняя Москва" в статье "Так как же это назвать?" пишет: Большинство москвичей и варшавян голосуют за глагол "*леонить*". Этому выбору было дано обоснование, которое мы бы теперь определили словами "человеческий фактор". Большинство авторов писем, присланных в редакции "Вечерней Москвы" и "Экспресс вечорны", считают, что подвиг Алексея Леонова должен быть увековечен в языке. Многие читатели предлагают глагол "*леонить*", определяющий новый способ передвижения: "Введение этого глагола будет подчеркивать личный героизм космонавта, его приоритет и, самое главное, очередное достижение человечества, которое все больше и больше берет в свои руки власть над природой" (ВМ. 1965. 10 апр.).

В пользу этого глагола выдвигались и аргументы другого рода: врач В.А. Косарев обращает внимание на то, что от него легко образовать иностранные глаголы — английский *to leon,* немецкий *leonen,*

французский *leoner* (ВМ. 1965). Этот глагол понравился всем. Открывая в эти дни устный выпуск журнала "Авиация и космонавтика", генерал Каманин сказал: — Космонавтам нравится глагол "*леонить*". Потом обратился к сидевшему в президиуме Леонову: — А теперь, Алеша, расскажи, как ты там *леонил*! (ВМ. 1965).

Этот конкурс очень показателен. Он свидетельствует об активном и сознательном отношении "обычных говорящих" к языку: они очень заинтересованно относятся к нему и охотно строят новые слова, используя действующие языковые модели. Знаменателен и тот факт, что большинство говорящих избрало одну и ту же словообразовательную модель. Это свидетельствует о том,что в языковую компетенцию говорящих входит активное владение словообразовательным механизмом языка, его использование. Однако законы языка сложнее конкурсов.

Несмотря на такой успех, ни глагол *леонить*, ни его конкуренты не вошли в язык. Причина, по-видимому, не лингвистическая, а прагматическая. Нет нужды в специальной номинации этого действия; отметим для сравнения, что другое "космическое" действие — 'высадка на поверхность какой-либо планеты или другого объекта, имеющего имя' — получает именование специальными глаголами. См. глаголы *прилуниться* и *прилунить;* употребляются *примарситься, приводниться* и под.: Наш корабль *примарсился* точно в срок (ТВ. 1965); 13 марта "Апполон-9" должен *приводниться* неподалеку от Бермудских островов (К. пр. 1969).

ГЛАВА I

О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ТЕОРИИ СИНХРОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Какой принцип следует избрать при описании словообразования, чтобы избежать атомарности, показать движение системы, ее жизнь? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые наиболее существенные понятия теории синхронного словообразования.

Словообразование сейчас вступило в такой этап, когда в центре внимания дериватологов находится изучение комплексных единиц системы словообразования, прежде всего таких, как словообразовательная парадигма (СП), словообразовательная цепь, словообразовательное гнездо.

О ПОНЯТИИ "СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА"

Рассмотрим более подробно одну из комплексных единиц — словообразовательную парадигму, ибо эта единица наиболее отчетливо показывает системное устройство словообразования. Понятие СП — новое в теории словообразования. Возникновение этого понятия связано с поисками изоморфизма между строением разных систем языка, стремлением выявить парадигматические отношения в словообразовании (см.: [Земская, 1978]). Знаменательно, что понятие СП почти одновременно начали использовать разные ученые[1], что свидетельствует о его важности для теории синхронного словообразования. Мы предлагаем различать два вида СП — конкретные и типовые. Конкретная СП — это набор производных одного базового слова, находящихся на одной ступени словообразования. Типовую СП получаем, отвлекаясь от средств выражения словообразовательного значения.

www.ruslang.ru

Введение в словообразовательную теорию понятия СП дает возможность подойти к словообразованию не как к совокупности отдельных производных слов, но как к упорядоченной определенным образом системе. При этом упорядоченность достигается разбиением всего массива базовых основ по грамматико-семантическим признакам.

СП является той матрицей, заполнение клеток которой воплощает действие механизма словообразования.

[1] Одним из первых использовал это понятие (под названием "словообразовательно-семантическая парадигма") Р.С. Манучарян [Манучарян, 1971]. См. также: [Земская, 1973, 205—206; Лопатин, 1974; Тихонов, 1985]. По отношению к французскому языку понятие СП применил Л. Гильбер [Guilbert, 1975, 73].

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА

Для того чтобы уяснить себе матричное строение массива производной лексики современного языка, необходимо изучить деривационный потенциал каждой лексико-семантической группы всех частей речи. Эта работа еще только начата[2]. Но уже сейчас можно утверждать, что основной состав производных слов создается в пределах тех возможностей, которые ему диктует СП. Так, названия механизмов, устройств порождают имена лиц, профессионально связанных с данным механизмом. Ср. также разнообразные имена лиц нашего времени: *комбайнер, бульдозерист, ракетчик, компьюторщик, эвээмщик*. Названия городов порождают существительные со значением 'житель' и прилагательное со значением 'относящийся к...' Ср.: *волгоградец, саратовец, москвич, пермяк* и т.п., *волгоградский, саратовский, московский*... Следовательно, можно утверждать, что подобно тому как в морфологии имя существительное имеет формы падежей, но не может иметь формы времени или лица, так и в словообразовании каждая лексико-семантическая группа слов порождает свои, закономерно ей присущие производные, а каждое узуальное производное есть реализация словообразовательного потенциала определенного базового слова.

Выявление и описание словообразовательного потенциала слов разных частей речи составляет важнейшую задачу системного изучения словообразования и лексики.

Рассматривая словообразовательный потенциал слов определенной части речи и определенных лексико-семантических групп, или, иными словами, устанавливая состав СП определенных лексико-семантических групп, мы создаем некоторую научную абстракцию (конструкт), отражающую свойства реального объекта, но лишь в общем виде, ибо мы отвлекаемся от тех коррективов, которые в явления системы языка вносит ее реализация узусом и нормой. Именно этими различиями между абстрактным строением системы и ее реализацией и объясняются расхождения между типовыми и конкретными СП, которые нередко обнаруживаются, потому что на состав конкретных СП влияет лексический состав языка, а именно явления словообразовательного супплетивизма (ср. *лев — львица, тигр —тигрица* и *баран — овца, бык — корова* и под.; см.:[Апресян, 1974]), а также различные виды ограничений, действующие при соединении морфем (см.: [Земская, 1973]).

Остановимся более подробно на рассмотрении соотношения типовых и конкретных СП. В общем виде соотношение между этими понятиями представляется вполне ясным: конкретная словообразовательная парадигма (КСП) включает набор производных одного слова, находящихся на одной и той же ступени деривации. Типовая словообразовательная парадигма (ТСП) — единица плана содержания. ТСП составляется совокупностью деривационных значений,

---

[2] Назовем несколько диссертационных исследований и связанных с ними публикаций, посвященных соответствующей проблематике: [Морозова, 1980; Клобукова, 1982; Юсупова, 1980; Яруллина, 1980; Пугачев, 1987; Давыдова, 1989]. См. также [Актуальные проблемы..., 1987].

реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящими в единую лексико-семантическую группу (ЛСГ).

ТСП составляется на основе тех "семантических мест", которые имеются в каждой КСП слов, относящихся к одной ЛСГ. Парадигма каждого слова ЛСГ способствует выявлению набора семантических мест, формирующих ТСП. Отмечена такая закономерность: КСП может не содержать какого-либо члена, который есть в ТСП, и, следовательно, ТСП может иметь семантические места, которых нет в той или иной КСП.

Из сказанного вытекает, что среди КСП имеются по́лные и неполные. Полные представляют собой реализацию всех деривационных значений, представленных в ТСП. В неполных парадигмах отсутствует хотя бы один из членов ТСП. Так, ТСП названий животных имеет семантическое место 'помещение для животного'. Ср.: *коровник, телятник, птичник, пчельник, обезьянник, бегемотник* (в зоопарке), *голубятня* и под., но отсутствие производных с соответствующим значением в КСП слов *жирафа, морж* и мн. др., хотя при необходимости соответствующие производные могут быть созданы. Нами отмечены слова *журавлятник, соболятник,* не зафиксированные в словарях:

Возникает вопрос: имеют ли право на включение в типовую СП все до единого деривационные значения, представленные хотя бы в одной конкретной СП? Этот вопрос требует специального рассмотрения. Проанализируем два примера.

В ЛСГ 'учреждение' (*завод, музей, почта, театр, аптека* и т.п.) только одна КСП — сло́ва *почта* — имеет семантическую единицу 'главное учреждение', которая содержит унификс *-амт* (*почтамт*).

В ЛСГ 'материалы' (*железо, стекло, камень, дерево* и т.п.) только КСП слова *стекло* имеет производное, содержащее унификс *-'арус — стеклярус,* обозначающее предмет, сделанный из стекла и предназначенный для изотовления украшений. Подобное словообразовательное значение — 'название предмета по материалу с указанием его предназначения (для изготовления украшений)' — не встречается в других словах русского языка.

Следовательно, перед нами парадоксальный случай — КСП богаче ТСП, или иными словами: в наборе семантических мест КСП встречаются такие члены, которые отсутствуют в ТСП. Очевидно, что включать подобные деривационные значения в ТСП нет оснований, так как они являются словообразовательными аномалиями. Аномальность соответствующих явлений состоит в следующем.

1. Данное деривационное значение не представлено в других словах, т.е. в словообразовательной системе русского языка оно является семантической аномалией.

2. Данное средство выражения уникально, оно не является полноценным аффиксом, т.е. оно асистемно в плане выражения.

Отсюда следует вывод, что подобные семантические места не имеют право на вхождение в ТСП, так как они арегулярны, не заданы словообразовательной системой языка, поскольку система словообразования не предполагает появления таких членов у иных ба-

зовых слов этих ЛСГ. Приведенные случаи относятся к наиболее очевидным расхождениям между ТСП и КСП.

Рассмотрим случаи иного рода: КСП включает деривационные значения, которые представлены лишь у одного слова, хотя средство его выражения не уникальное.

В ТСП не следует включать и те деривационные значения, которые: 1) не представлены в данном языке, хотя и выражены обычным, "нормальным" аффиксом; 2) выражены "нормальным" аффиксом, имеются в данном языке, но для слов данной ЛСГ являются анормальными.

Пример 1-го типа: В ЛСГ названия временны́х отрезков и — у́же — названия времен года у слова *зима* есть производное *озимь* — 'посеянные на зиму'. Это слово можно считать производным, так как в его толкование входит базовая основа *зима;* в его внутренней форме есть связь с зимой. Подобная формальная модель *о-*+ базовая основа со смягчением конечного согласного + ∅ встречается с иной семантикой при глагольных основах; ср. *сыпать — о* + сып' + ∅.

К 1-му типу относятся также производные *веснушка* (от *весна*), *снегурочка* (от *снег*).

Примеры 2-го типа: слово *канцелярит,* которым К.И. Чуковский назвал болезнь языка — 'излишнее употребление канцелярских слов и выражений'. Детище Чуковского произведено по образцу названий болезней *плеврит, бронхит* и под., но базовая основа называет не часть человеческого организма (ср. *плевр-ит, бронх-ит*), а нечто принадлежащее совсем иной семантической сфере. Очевидно, что в ТСП названий учреждений, т.е. той ЛСГ, в которую входит слово *канцелярия,* семантического места 'болезнь' (название заболевания того, что обозначает базовое слово) нет, так как иметь болезни — свойство живых существ. Кроме того, слово *канцелярит* обозначает болезнь языка, а не канцелярии. Базовая основа выражает отношение к причине и средству (ср. *болен чем из-за чего*).

Вопрос о том, какие из слов, входящих в КСП, имеют право дать семантическое место для ТСП, следует решать, применяя тот же принцип, который действует при решении других вопросов о разграничении аномалий и нормальных явлений языка: если какое-либо средство используется для выражения данного значения более чем один раз (хотя бы дважды), оно может считаться нормальным; если какое-либо значение у производных от данной ЛСГ встречается более чем один раз (хотя бы у двух слов данной ЛСГ), оно может быть признано нормальным. Нормальные значения имеют право на включение в ТСП.

Кроме того, проверяемое деривационное значение должно быть согласовано с данным базовым словом, т.е. они должны иметь общие семантические компоненты, на основании естественных пресуппозиций согласовываться с ним семантически; отглагольные производные должны реализовать какую-либо из валентностей глагола.

Проиллюстрируем это примерами. В СП ЛСГ 'жилище' (например, *дом, квартира, комната, пещера* и т.д.) не у всех исходных существительных есть производные со значением 'лицо'. Так, с СП

исходного существительного *комната* нет "комнатник" (хотя оно возможно потенциально, впрочем, как и "камерник" при существующих *сокомнатник, сокамерник,* ср. *сопалатник*). Однако данное значение присутствует в производных от других исходных (*пещерник, домовик* и др.). Подобные производные семантически согласуются с базовыми словами, ибо слова группы 'жилище' и 'лицо, живущее там-то' имеют общий семантический компонент, эта связь естественна. Поэтому значение 'лицо, живущее там-то' (от базовых слов — названий жилищ) имеет право присутствовать в ТСП.

У слова *изба,* входящего в ЛСГ 'жилище', отмечено производное *избач.* Существительное *избач,* однако, не имеет значения 'житель' и с этой точки зрения незаконно: *избач* — это не тот, кто живет в избе, но 'руководитель работы избы-читальни'. Слово *избач* произведено не от *изба* — жилище, но от *изба-читальня* — учреждение. В чем же дело? Деривационный потенциал слова чутко реагирует на изменение его значения. С изменением семантики слова меняются его порождающие способности. Оно начинает создавать производные, характерные для новой ЛСГ. Именно поэтому некоторые деривационные значения, незаконные с точки зрения основного значения слова, оказываются вполне закономерными, если учесть появление у него новых значений. Следовательно, существительное *избач* входит не в группу производных со значением 'житель', но в группу со значением 'работник, член учреждения' (ср.: *циркач, аптекарь, киоскер, лавочник, школьник* и под.). В этой словообразовательной категории оно — законный член.

Проблема законных и незаконных членов СП тесно связана с разграничением потенциальных и окказиональных слов [Земская, 1972]. Как правило, потенциальные слова, т.е. слова, реализующие деривационные возможности словообразовательной системы, входят не только в КСП отдельных слов, но и в ТСП данной ЛСГ[3], тогда как окказиональные слова (т.е. слова — нарушители законов словообразования) в ТСП не входят. Именно поэтому окказиональное слово *канцелярит* не входит в ТСП названий учреждений. Производные слова-"чужаки" в той или иной ТСП, как правило, являются окказиональными словами, необычность которых резка и выразительна. Ср. многочисленные шутливые производные на *-дром* типа *стиходром, поэтодром, рюходром, собакодром, змеедром* и под. Производящими для "нормальных" слов на *-дром* должны были бы быть или названия механизмов (ср. узуальные слова *ракетодром, автодром, танкодром*), или названия пространств, поверхностей (ср. *космодром, лунодром, вододром* и т.п.).

Если в общем виде разграничение потенциальных и окказиональных слов проводится легко и четко, то в ряде случаев граница между ними не столь очевидна, и, следовательно, вопрос о том, нарушает ли данное производное границы словообразовательной си-

[3] В типовой СП зоонимов семантическое место 'мясо животного' может быть представлено как узуальными, так и потенциальными словами (ср. узуальные *баранина, конина, телятина, свинина* и не отмеченные словарями, но вполне допустимые и встречающиеся в текстах *кенгурятина, китятина, моржатина* и под.).

стемы или оно лишь расширяет ее потенции, является дискуссионным.

Рассмотрим с этой точки зрения одно новообразование нашего времени. Вошедшее в обиход существительное *вещизм*, производное от *вещь*, представляет в этом отношении особый интерес, демонстрируя сложный сплав лексического и грамматического в словообразовании. Это отвлеченное существительное, включающее продуктивный суффикс *-изм*, имеет значение свойства, склонности: 'повышенный интерес к вещам, к обладанию ими в ущерб духовным интересам' — так толкует его НС-70. Слово *вещизм* стоит особняком в ряду производных на *-изм*, не являясь, как другие отсубстантивные производные на *-изм*, названием направления, системы взглядов, сферы деятельности (см. [Гр.-80, 193]). Оно примыкает к названиям заболеваний. Ср., с одной стороны, синоним слова *вещизм* — сочетание *вещная болезнь*, с другой — производные *алкоголизм, идиотизм*. Вопрос о том, включать ли соответствующее деривационное значение в типовую СП той ЛСГ, в которую входит слово *вещь*, остается дискуссионным. Существительное *вещь* имеет очень широкую семантику, называя как конкретные предметы, так и отвлеченные понятия, и, следовательно, может входить в разные ЛСГ. Слово *вещизм* обращено к разным ипостасям базового слова, так как любовь к конкретным вещам оно изображает как стремление к вещи как таковой, как фетишизацию вещи. Именно это как будто дает основание для включения его в типовую СП нарицательных существительных абстрактной семантики (ср. *центр — центризм, уклон — уклонизм* и *вещь — вещ-изм*). Получая обертоны своего ближайшего соседа по семантике *фетишизм* (*вещизм* — фетишизация вещи), слово-оценка *вещизм* обретает сатирическую направленность, клеймит отрицательно оцениваемые обществом явления.

Понятие СП используется при построении общих теорий парадигматики [Белошапкова, 1982; Парадигматика..., 1987].

Критика теории СП дана в работе Е.В. Красильниковой [Красильникова, 1989].

Сравнение СП слов разных частей речи, разных семантических групп и разных ступеней словопроизводства обнаруживает сходства и различия в словопорождающих способностях разных классов лексических единиц и выявляет резкое различие в этом отношении между именем и глаголом, свойственное русскому языку вообще.

Своеобразие глагола как части речи, играющей центральную роль в построении предложения, обнаруживается и в структуре СП, имеющих глагол в качестве базового слова. СП глаголов строятся как реализация валентностей глагола. Глагол называет целую ситуацию, участники которой могут быть поименованы отдельными производными словами. При этом выявляется такая закономерность: не каждая валентность глагола может быть реализована производным словом, но нет производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности [Buzássyová, 1974; Апресян, 1974; Морозова, 1980].

СП глагола и прилагательного, т.е. частей речи, обозначающих

Таблица 1

Часть речи производного	Семантические места
Глагол	пространственные модификации временные модификации модификации по степени интенсивности
Существительное	имя деятеля имя пассивного лица имя объекта имя инструмента имя расходуемого продукта имя отвлеченного действия
Прилагательное	активный процессуальный признак пассивный процессуальный признак
Наречие	процессуальный признак признака

процессуальный и непроцессуальный признаки, обнаруживают черты сходства, отличающие их от структуры СП имени существительного. Эта общность заключается в следующем: наличие в составе парадигмы субстантивного блока со значениями 'отвлеченное действие' и 'отвлеченный признак'; наличие типов прилагательных и глаголов (соответственно) со значением количественной модификации степени признака (ср. *красноватый, черноватый...; краснущий, чернущий...* и *напевать, пританцовывать, подпевать, названивать...*). Вместе с тем в парадигме глагола есть члены, обозначающие временные модификации действия, которые отсутствуют в СП существительного и прилагательного. Приведем для примера суммарную типовую СП глагола (табл. 1).

Для сопоставления представим суммарно, абстрагируясь от членения базовых имен на ЛСГ, набор деривационных значений[4], входящий в типовую СП существительного (табл. 2).

Уже простое сопоставление СП субстантива и глагола показывает глубокое различие между теми деривационными значениями, которые их формируют. Естественно, что словообразовательный потенциал и имени, и глагола зависит от семантики базовой основы, но если структура СП глагола определяется его валентностными свойствами, то в строении СП существительных и прилагательных синтаксическая сочетаемость базового слова не играет такой роли. Структура СП существительного определяется в первую очередь составом семантических компонентов базового слова, таких, например, как личность (+, –), одушевленность (+, –), конкретность (+, –), вещественность (+, –), темпоральность (+, –), локативность (+, –) и т.п.[5]

[4] Даем самые общие формулировки деривационных значений.

[5] Интересная попытка изучения этой проблематики содержится в кандидатской диссертации З.К. Резановой, которая рассматривает деривационный потенциал шести групп существительных: имена биофактов, артефактов, места, времени, лица, неконкретных существительных [Резанова, 1983].

Таблица 2

Часть речи производного	Характер значения	Семантические места
Существительное	модификационные	собирательность единичность невзрослость женскость уменьшительность/увеличительность оценочность
	мутационные	имя лица, имеющего отношение к... имя предмета, имеющего отношение к...
Прилагательное		относящийся к... принадлежащий кому/чему свойственный..., подобный кому/чему наделенный чем... наделенный в большом количестве чем...
Глагол		процесс, имеющий отношение к тому...

Семантико-синтаксические связи также влияют на порождающие способности существительного. Так, для названий музыкальных инструментов характерна связь с предикатом *играть на,* поэтому *пианист* — 'кто (играет на) пианино', *гитарист* — 'кто (играет на) гитаре' и т.п., для названий обществ, учреждений характерно значение принадлежности — 'член коллектива': *динамовец, спартаковец, торпедовец, миитовец, мхатовец* и т.п.

Характер словообразовательного потенциала существительного зависит в значительной степени от его семантической структуры: предметно-идентифицирующие или признаковые имена, денотативный или сигнификативный характер семантики, вид отношения к референту (онтологический, функциональный или эпистемический).

Применение идей логического и коммуникативного синтаксиса к словообразованию находим в работах И.Б. Шатуновского. В его кандидатской диссертации и ряде публикаций [Шатуновский, 1985а; 1985б] изучаются связи словообразования с логическим и коммуникативным синтаксисом. Автор использует разграничение лексики на идентифицирующую и предикатную (в другой терминологии — на жесткие и нежесткие десигнаторы). Он показывает, что базой деривации может быть не только денотативное, но и сигнификативное значение слова.

Разграничение явлений денотативной и сигнификативной деривации и изучение феномена сигнификативной деривации в данной работе, насколько мне известно, предпринято впервые. И.Б. Шатуновский подробно рассматривает сферу словообразовательной транспозиции существительного (отсубстантивные глаголы, номинализации существительных, отсубстантивные прилагательные), исследуя, какие типы производных порождаются от денотативного, а какие — от сигнификативного значения базового слова.

Те явления, которые изучает И.Б. Шатуновский, попадали в поле зрения ученых и ранее, но получали иную интерпретацию. Так, отмечалось, что существительные на *-ство* могут выражать как отвлеченное значение признака (*воровство позорно; учительство, профессорство...*), так и собирательное значение (*советское учительство*). Это явление рассматривалось как множественность мотивации и объяснялось наличием у суф. *-ство* разных значений. И.Б. Шатуновский рассматривает это явление как отражение разных связей: предикативное значение имени (сигнификат) порождает отвлеченное производное, идентифицирующее значение (денотат) — собирательное производное.

Полагаем, что предлагаемое И.Б. Шатуновским разграничение денотативного и сигнификативного словообразования плодотворно и дает более глубокое истолкование целому ряду фактов языка, чем это делалось ранее. Вместе с тем остается невыясненным целый ряд общих вопросов. Сколь широка область сигнификативной деривации? Можно ли все словообразовательные типы распределить на сферы сигнификативной и денотативной деривации? Или граница между этими видами деривации может проходить только внутри одного словообразовательного типа производных?

Рассмотрение системы словообразования через выявление СП различных ЛСГ слов разных частей речи — один из плодотворнейших путей исследования. Для наших целей, однако, мы избрали иной путь, так как мы ставили перед собой задачу охарактеризовать не потенциал базовых основ, но конечный продукт процесса словообразования — производное слово. Именно поэтому в данной работе мы идем от рассмотрения словообразовательных значений и более крупных единиц плана содержания — словообразовательных категорий.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ВИДЫ

Изучение активного словообразования показывает, что жизнь новообразований, их рождение (появление), ослабление и умирание (вытеснение другими словами и выход из языка) происходит в рамках той комплексной единицы системы словообразования, которую называют словообразовательной категорией. М. Докулил указывает, что словообразовательная категория — это более общее понятие, чем словообразовательный тип. Она отличается от словообразовательного типа тем, что отвлекается от единства форманта [Dokulil, 1962, 203]. Мы будем исходить из этого общего определения, суть которого сводится к тому, что словообразовательную категорию характеризует единство словообразовательного значения при различии средств выражения. В это общее определение требуется внести некоторые уточнения и конкретизировать их (ср.: [Улуханов, 1975]).

Следует ли объединять в одну словообразовательную категорию производные, образованные разными способами, например суффиксацией и префиксацией? В принципе ответ должен быть положитель-

ным. Однако в реальности производные, имеющие общее словообразовательное значение, но созданные разными способами, в русском языке встречаются редко. Так, основные категории — имена лиц, имена действий и признаков — создаются суффиксацией, тогда как чистая префиксация имен лиц, действий и признаков не порождает. В немногих случаях производные слова, имеющие одинаковое словообразовательное значение, создаются такими способами, как суффиксальный и префиксально-суффиксальный (ср. *честно* и *по-честному*, *умно* и *по-умному*), суффиксация и словосложение (ср. *рыбак* и *рыболов*).

Лишь в редких случаях семантически сближаются суффиксация и префиксация (ср. *братски* и *по-братски; честно* и *по-честному; милейший* и *премилый; высоченный* и *превысокий, тяжеленный* и *сверхтяжелый*), но во всех таких случаях между соответствующими производными имеется различие в сферах употребления и оттенках смысла. В целом же префиксация и суффиксация в русском языке резко противопоставлены по многим признакам, в том числе и по характеру значений, выражаемых суффиксальными и префиксальными производными. Если суффиксы en masse порождают слова со значением лица, предмета, действия, признака, то префиксы en masse порождают слова со значением 'высокая степень', 'отрицание', 'противоположность', 'совместность' и т.п. Очевидно, что сам тип значений, выражаемых аффиксами того или другого рода, различен. Следовательно, ответ на поставленный вопрос должен быть таким: в одну СК можно включать те немногочисленные производные разных способов, имеющие единое словообразовательное значение (например, высокая степень), которые имеются в языке.

Как соотносятся значения такого рода, как имя лица и имя действующего лица (производителя действия), имя предмета и имя инструмента, орудия, вещества...? Являются ли равноположными СК, в основе которых находятся словообразовательные значения разной степени обобщения? Очевидно, что СК, как и значения, выделяемые в составе производных слов, могут быть разной степени абстракции. СК, объединяющие такие крупные и абстрактные по своему характеру ряды наименований, как лицо, предмет, признак, можно называть гиперкатегориями. Единицы меньшей степени абстракции, выделяемые внутри трех основных гиперкатегорий, предлагаем называть словообразовательными категориями (без уточнений).

Гиперкатегория лица включает такие, например, категории: имя действующего лица, имя жителя, имя члена коллектива (см. о них подробнее в гл. III); гиперкатегория предмета включает категории: названия инструментов, механизмов, помещений, веществ, минералов и т.п.

СК, в свою очередь, делятся на более мелкие единицы — субкатегории. Так, СК лица — производителя действия делится на субкатегории по характеру действия, которое данное лицо производит (создать предмет, изучать предмет, иметь склонность к предмету... — см. подробнее в гл. III).

Полное исчисление субкатегорий возможно лишь как результат

детального рассмотрения всей системы словообразования под определенным углом зрения. Здесь мы хотим лишь подчеркнуть иерархический характер строения плана выражения словообразовательной системы языка, в том числе и иерархический характер такой единицы, ориентированной на план выражения, как словообразовательная категория[6].

В.В. Виноградов в своем классическом труде "Русский язык" [Виноградов, 1947] описывал русское словообразование, исходя из словообразовательных категорий — лица, предметности и отвлеченности. В наше время внимание к словообразовательным категориям ослаблено. Они принадлежат к числу незаслуженно забытых в теории словообразования[7], между тем изучение системы словообразования в ее жизни и развитии невозможно без обращения к этой категории. Производные слова рождаются и живут преимущественно в пределах словообразовательных типов, а сами словообразовательные типы, не как схемы построения слова, а как рамки, включающие и готовые слова, и модели построения новых слов, живут, функционируют и взаимодействуют в пределах СК разной степени абстракции. Показать живое взаимодействие словообразовательных типов, осуществляемое в пределах СК, — одна из задач этой книги.

О ПОНЯТИИ "СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ"

Производное слово отличается от слова непроизводного наличием у него особого вида значения — словообразовательного значения (СЗ). Это положение считается общепризнанным в дериватологии. Однако само понятие СЗ не нашло еще в науке четкого определения.

Какова процедура выделения СЗ? Сколько СЗ выделяется в языке? С какой степенью абстрактности следует выделять СЗ?[8]

Эти и целый ряд других вопросов еще не имеют ясного однозначного ответа. Между тем от решения вопроса о том, что такое словообразовательное (деривационное) значение, как его следует выделять, каков набор деривационных значений, в значительной степени зависит результативность любого словообразовательного исследования.

Можно признать справедливыми следующие общие положения (рассматриваем только СЗ простых, т.е. несложных, слов).

1. В семантике слова для словообразования важна не его лексическая конкретность, а то общее, что отражено в строении ряда

---

[6] Ср. стремление установить такую иерархию в работах: [Улуханов, 1975; Горбань, 1987].

[7] Показательно, что Гр.-80 дает такие комплексные единицы системы словообразования, как тип, цепочка и гнездо, но не дает такой единицы, как словообразовательная категория.

[8] Ср. следующее замечание Д.Н. Шмелева: "Значение знака определяется не только его "предметной отнесенностью, но и тем, как он представляет тот смысл, который закрепился за ним" [Шмелев, 1973, 15].

слов, наделенных семантической общностью и имеющих общие формальные показатели в структуре.

2. Словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотнесения ряда базовых и производных слов, характеризуемых общностью семантики и вычленяющих один и тот же словообразовательный формант.

3. То общее, что свойственно значению ряда производных слов и отражено в их формальном строении, т.е. связано с семантикой форманта, является их словообразовательным значением.

4. СЗ обладают разной степенью абстрактности. Среди них есть достаточно конкретные (типа 'невзрослость', 'маленький') и очень абстрактные (типа 'относящийся к тому, что названо базовой основой' — таково значение относительных отсубстантивных прилагательных, формируемых суффиксами *-н-, -ов-, -ск-*: *речной, газовый, институтский*).

Эти общие положения, как кажется, исчерпывают то бесспорное, что можно сказать в настоящее время о СЗ. Дальше начинаются вопросы и разногласия. Попытаемся внести посильный вклад в разрешение этой проблемы.

В начале этой книги говорилось о функциях словообразования (было выделено пять функций: собственно номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая). Разные участки словообразовательной системы, реализующие разные функции словообразования, имеют СЗ разного типа.

Начнем со сферы номинативного словообразования. В этой сфере словообразования понятие СЗ представляется наиболее сложным и туманным. Рассмотрим два описания русского словообразования, представляющие различные подходы к решению проблемы СЗ.

Одно из возможных решений предлагают В.В. Лопатин и И.С. Улуханов — авторы раздела "Словообразование" в Гр.-70 и Гр.-80. В Гр.-80 в разделе "Суффиксальные существительные" выделяются такие значения: у существительных отглагольных — два: носитель процессуального признака, отвлеченный процессуальный признак; у существительных отадъективных — два: носитель признака, отвлеченный признак; у существительных отсубстантивных — одно: носитель предметного признака. Итого — пять значений. Как модификационные выделяются такие значения: женскость, невзрослость, подобие, собирательность, единичность, субъективно-оценочные. Итого — шесть значений. Всего, таким образом, выделяются 11 значений (пять мутационных и шесть модификационных).

Не будем касаться здесь рассмотрения модификационных типов. Их классификация является наиболее очевидной. Что же касается мутационных производных, то именно их классификация представляет при описаниях наибольшие трудности. Выделение вышеуказанных пяти типов значений дает их очень общую характеристику: в зависимости от соотношения части речи базовой и производной основ устанавливаются два разряда отвлеченных существительных и три разряда конкретных. Можно ли по этой классификации составить представление о реальном наполнении словообразовательных типов?

Как кажется, нет. Для этого служат семантические подтипы, выделяемые внутри типов. Среди последних есть и производные со значением 'место' (§353), и производные со значением 'мясо' (§354), и ряд других. Однако, помещая подобные значения в семантические подтипы, авторы тем самым низводят их из ранга словообразования в более низкий (лексический?) ранг. Принятый в Гр.-80 способ характеристики и выделения СЗ, на наш взгляд, отличается чрезмерной абстрактностью. Ср. мнения, высказанные в недавнее время двумя дериватологами в одном и том же сборнике статей: "...при описании семантики словообразовательной модели в чересчур общих терминах (процесс, имеющий отношение к субстанции) мы проигрываем в конкретности описания и лишаем его чисто содержательных характеристик (ведь обычно интересно и важно не только то, что данный суффикс служит, например, образованию глаголов от имен, но и то, какие именно содержательные классы глаголов он формирует). Напротив, чрезмерно детализируя семантические расхождения и начав описывать лексические рубрики отдельного словообразовательного ряда (мы сказали бы — типа. — *Е.З.*), мы нарушаем строгость формального описания деривации и рискуем упустить из виду то общее, что свойственно всем единицам ряда" [Кубрякова, 1986, 77]. «Характеристики типа „процесс, имеющий отношение к субстанции", „субстанция, имеющая отношение к признаку" и „признак, имеющий отношение к процессу"... слишком общи и не могут передать семантическое своеобразие многих разрядов и групп производных» [Зверев, 1986].

Иной, чем в Гр.-80, можно сказать противоположный, способ описания принят в работе Х. Яхно и его соавторов. На основе анализа существительных-неологизмов, зафиксированных в словаре НС-60, выделяются 104 дескриптора, с помощью которых, по мнению авторов, можно описать словообразование значительного числа стандартных литературных европейских языков 60-х годов XX в. (в том числе русского) [Jachnow, 1980].

Применяемый Яхно и соавторами термин "дериватема" можно сопоставить с русским термином "словообразовательное значение". Яхно исходит из следующего понимания дериватемы: "...значение дериватов (дериватем) может быть описано аналогично тому, как описываются семемы лексических базисных морфем. Различие между значениями обоих типов знаков заключается, конечно, не в их качестве, но в дистрибуции и в частотности системного окружения" [Jachnow, 1980, 40].

Дескрипторы, которые даны в книге, по мнению авторов, делятся на два вида: 1. Дескрипторы, представляющие сему (семантические примитивы), например женскость (FEM). 2. Дескрипторы, представляющие пучок сем (больше чем одну сему), например *био-, кардио-*. В целом дескрипторы рассматриваются как семы, понимаемые как языковые конституенты деривационных семем.

Список дескрипторов содержит расположенный в алфавитном порядке перечень единиц такого типа (приведем для примера описание нескольких дескрипторов):

ACTIO	— человеческая деятельность, поступок, активность.
AERO	— воздух, воздушное пространство.
AQUA	— вода, относящийся к воде.
BON	— хороший, хорошего качества.
CARDIO	— сердце, относящийся к сердцу.
HYPOKOR	— мелиоративная оценка говорящим (дескриптор прагматических признаков).
MUS	— музыка, к музыке относящийся.
NEG	— отрицание, уничтожение, аннулирование.

В число дескрипторов, таким образом, включены очень разнородные элементы.

1. Реальные части, формирующие целые серии сложных слов в современных высокоразвитых европейских языках (типа *агро-, кардио-, аэро-, био-, хим-, гидро-, авто-, фото-* и под.). Их более 50.

2. Дескрипторы типа 'женскость'(FEM), 'высокая степень'(EXTREM), 'отрицание' (NEG). За ними закреплены определенные словообразовательные средства. Именно их можно считать реализующими словообразовательные значения.

3. Дескрипторы — семантические множители языка, не имеющие словообразовательных средств выражения.

Разница между этими тремя группами очень существенна. Третья группа не работает на словообразование. Оставим ее в стороне. Первая и вторая группы работают на словообразование, но по-разному. Различие между этими группами состоит не только в том, на что указывает Яхно: одна сема/пучок сем. Между этими группами существует более глубокое различие, относящееся и к плану выражения, и к плану содержания. Чтобы говорить об этом более доказательно, приведем список дескрипторов, который мы отнесли в первую группу: *aero, agr, aqua, astr, auto, automov, benz, bio, cardio, chem, cinem, doc, domest, electr, escul, fibr, foto, gaz, hel, herm, hydro, lum, mat, medic, meteo, metr, mil, mim, mot, mov, mus, nerv, nov, pop, produc, psych, radio, rat, receptac, rot, scient, scrib, simul, spat, syst, telemech, televis, temper, ter, therm, traf, us, var, vestim, vet, vis.*

Высказанное Яхно мнение о том, что различие между лексическими (корневыми) и словообразовательными морфемами заключается не в характере выражаемого ими значения, мы считаем справедливым[9]. При этом, однако, необходимо учитывать три момента:

1. Различие между группами 1 и 2 заключается в первую очередь в том, что вторая имеет специализированные средства выражения — форманты. Именно поэтому она может считаться собственно словообразовательной. Так, дескриптор *экстрем* имеет в качестве средства выражения приставки *сверх-, супер-, гипер-, ультра-*. Поэтому, соглашаясь с мыслью о том, что различие между лексическим значением и СЗ заключается не в самом выражаемом значении, но в способе выражения этого значения, мы подчеркиваем, что необходимым признаком СЗ является наличие у него словооб-

[9] См.: [Апресян, 1974]. Мы писали об этом уже давно (см.: [Земская, 1973, 23—24]).

разовательных (в классическом случае — аффиксальных) средств выражения. Ср.: У нас директор — строгая *женщина* и Наша *директорша* строгая; *Детеныши волка* напоминали щенят и *Волчата* напоминали щенят; Он *очень модный* и Он *супермодный*.

2. Первая группа содержит дескрипторы совсем другого типа. Это лексические морфемы, активно участвующие в производстве сложносокращенных слов (см. о русских словах этой группы в гл. II этой книги), но не имеющие закрепленных за ними аффиксальных средств выражения. Считать морфемы типа *био-, агро-, хим-, муз-* и под. аффиксами, на наш взгляд, нет оснований.

Приведем ряд слов из НС-82: *биоблок, биотоксин, агрогород, агрозащита, агрокарта, музшкола, музчас, химкомната, химпрополка*. В этих и других, столь характерных для современных языков, словах происходит лишь компрессия сочетания с прилагательными *биологический, музыкальный, химический*. Таким образом, в принципе такие сложносокращенные слова подобны сложным словам. Они, как и сложные слова, имеют особый тип СЗ — соединительный [Лопатин, 1977, 54—55]. Этот тип СЗ характерен для компрессивного словообразования. Однако средством выражения этого значения отнюдь не являются такие компоненты, как *био-, агро-* и под.[10] Подобные единицы — такие же части слова, как компоненты *англо-, франко-, стекло-, паро-, стено-* и многие другие части сложных слов, которые, однако, Яхно в список дескрипторов не включает.

3. Признавая принципиальную возможность общности отдельных лексических и СЗ, необходимо провести их разумное разграничение. Приведем мнение М.Я. Гловинской, с которым мы полностью солидарны, высказанное ею при анализе многозначного суффикса *-ник*: "...где вести границу между словообразовательным и лексическим значением. Естественно считать словообразовательными (не лексическими!) как минимум такие значения, которые выражаются в языке другими грамматическими средствами — словоизменительными или синтаксическими" [Гловинская, 1975, 35].

Таким образом, в принципе существует разница между СЗ и ЛЗ. Для первых характерны обобщенные, категориальные значения, для вторых — и те, и другие. Так, если среди ЛЗ есть и конкретные значения, реализуемые словами типа *сахарница, селедочница, сухарница, салатница; чайник, кофейник*, и обобщающие значения 'место', 'вместилище', то среди СЗ есть значения 'место', 'вместилище', но нет конкретных значений типа 'сахарница', 'сарай', 'чайник', 'кофейник'. Среди ЛЗ есть значения 'маленький', 'крохотный', 'малюсенький' и др., но есть одно обобщающее СЗ — 'маленький' (или 'небольшого размера').

Если СЗ отдельных слов могут иметь такой же характер, что и лексические значения (ЛЗ), то это возможно лишь при наличии соответствующего специализированного средства выражения ('маленький' — суф. *-ик* и др., 'большой' — суф. *-ище, -ина* и др.). Именно поэтому выделять в разряд дескрипторов единицы типа *био-, агро-,*

[10] О средствах выражения значения в сложных словах см. Гр.-80.

хим-, муз- и др., *не имеющие ни аффиксальных средств выражения*, ни обобщающего категориального значения, нет оснований[11]. Их переходу в разряд аффиксов (или аффиксоидов) могло бы способствовать такое обстоятельство: если бы выражаемое ими значение получило в языке обозначение с помощью несомненных аффиксов. Ведь именно этими признаками единицы типа *-дром, -тека* и под. резко отличаются от единиц типа *био-, агро-*. Поэтому первые можно признать аффиксами: 1) их значение — категориальное ('место' для *-дром*, 'совокупность' для *-тека*); 2) эти значения выражают в языке несомненные аффиксы *-ница, -лка* ('место'), *-ство, -ия* ('совокупность').

При настоящем же положении дел рассматривать эти элементы как дескрипторы, отражающие дериватемы (хотя и неодносемные!), на наш взгляд, неправомерно. Это усеченные лексические морфемы, специализирующиеся на производстве сложносокращенных слов.

Мы рассмотрели два описания русского словообразования, опубликованные в один год — 1980-й. Первое устремлено в грамматику, второе устремлено в лексику и недостаточно отражает абстрактный, моделирующий характер словообразования.

Итак, вопрос о том, как именно следует выделять СЗ, какую степень абстрактности применять при этом, представляет большие трудности. Внутри этого общего вопроса наибольшее количество разнообразных решений и разногласий имеет вопрос о том, как следует выделять СЗ у существительных предметной семантики. Приведем еще один интересный для наших рассуждений пример предложенного недавно анализа СЗ. А.Д. Зверев в упомянутой выше статье предлагает свой анализ разных типов производных: *футболист* — "тот, кто играет в футбол", *читатель* — "тот, кто читает что-либо", *зеленеть* — "становиться зеленым", *остановка* — "место, где останавливаются троллейбусы, трамваи и другие транспортные средства для перевозки людей" (какое? — где останавливаются), *объявление* — "письменный документ, в котором объявляется, сообщается" (какой? — в котором объявляется); *начес* — "волокно, полученное путем начесывания" (какое? — которое начесали) и др. [Зверев, 1986, 43].

Показательно, что если толкование с помощью перифраз имен лиц и отыменных глаголов является общепринятым и не вызывает возражений, то толкование предметных слов не представляется убедительным. Остается неясным, откуда извлекаются начальные члены перифраза ("место", "документ", "волокно"). Очевидно, что они имеют разную степень обобщенности (ср. "место" и "документ", "волокно") и что считать словообразовательными значения типа 'волокно', 'документ' нет оснований. Значения подобного рода никак не выражены в составе слова, они не представлены в рядах одинаковым образом сконструированных слов. Включать их в перифразы-толкования как начальные члены (подобно таким, как 'тот, кто...') неправомерно.

---

[11] Вызывает удивление, что Яхно и его соавторы не включили в список дескрипторов настоящие полуаффиксы типа *-ход, -воз* и под. См. о последних: [Минина, Бартков, 1986].

С нашей точки зрения, одна из основных сложностей описания системы словообразования и выделения СЗ объясняется тем, что сама система словообразования устроена по-разному на разных участках. Даже в пределах номинативного словообразования это различие очень велико. На одних участках системы имеются четко выделяемые значения, столь же четко соотносимые со средствами их выражения (это относится, например, к именной префиксации, к модификационному суффиксальному словообразованию существительных). На других участках системы один и тот же (или, по другому мнению, омонимичные) аффикс, например *-ник*, формирует производные с самыми разнообразными значениями[12].

Как найти решение, которое и отразило бы "лексичность" словообразования, его предназначенность для порождения новых слов, т.е. единиц достаточно атомарных и конкретных, и вместе с тем выявило бы обобщающий характер словообразования?

Анализ словообразовательной системы показывает, что различие ее устройства связано прежде всего с теми различиями, которые присущи разным классам производных. Рассмотрим строение словообразовательно самой богатой части речи русского языка — имени существительного. В ней выделяются три класса производных: имена отвлеченных признаков (процессуальных и непроцессуальных), имена лиц и имена предметов. Это членение соответствует коммуникативно-логическому членению лексики на пропозициональную и конкретно-идентифицирующую [Арутюнова, 1976], при котором имена лиц выделяются как класс слов, имеющий специфический статус. Имена отвлеченных признаков (процессуальных и непроцессуальных) — это синтаксические дериваты (по Е. Куриловичу), реализующие конструктивную функцию словообразования. Они предназначены для свертывания пропозиции. Именно на этом участке системы наблюдаются наибольшая упорядоченность и структурированность: имеются специализированные средства выражения соответствующих значений со своими лидерами (*-ость* и *-ние*) в каждой группе производных. Таким образом, "наименее лексические" слова имеют наиболее упорядоченное, наиболее грамматическое словообразование, что вполне естественно.

Наиболее резкий контраст с этим участком системы представляют имена предметов. Они (за исключением некоторых новых заимствованных аффиксов) почти не имеют специфических средств словопроизводства (см. об этом подробнее ниже), т.е. используют те же средства, что имена лиц и отвлеченных признаков [Ревзина, 1969]. На этом участке системы — в сфере мутационного словообразования — представлена наибольшая фразеологичность семантики производного слова [Ермакова, 1984]. Словообразование этого класса слов наиболее лексично.

Обратимся к словообразованию имен лиц. По степени упорядоченности, грамматичности оно занимает промежуточное положение между сферой конструктивного словообразования (синтаксические дериваты)

[12] О трудностях выделения СЗ у суф. *-ник* писала М.Я. Гловинская [Гловинская, 1975, 35—36].

и словообразованием предметной лексики. Имена лиц распадаются на несколько словообразовательных категорий, в зависимости от ономасиологической структуры производного (см. их подробное описание в гл. III, раздел "Имена лиц").

Модификационное словообразование противопоставлено мутационному. Оно покоится на универсальных вненациональных категориях (типа 'женскость', 'невзрослость', 'единичность', 'собирательность' и т.п.), которые присущи многим народам и языкам и свободны от алогичности наивной картины мира, отображаемой в словообразовании предметов.

Из сферы мутационного словообразования, как уже говорилось выше, наиболее универсально производство синтаксических дериватов. Соответствующие СЗ (не конкретные средства выражения!) представлены во многих языках, они — анациональны. Наиболее же специфично, наиболее ярко отражает национальное своеобразие отдельных языков — словообразование имен предметов[13].

В соответствии со сказанным мы и будем по-разному описывать словообразование имен лиц, отвлеченных признаков и предметов. Мы считаем, что, исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что есть основание для выделения конкретных значений (не аналогичных грамматическим значениям!) в тех случаях, когда для них имеются специализированные средства выражения. Существует такой вечный вопрос: следует ли в словах типа *конина, баранина, свинина, медвежатина* выделять значение 'мясо животного', названного базовой основой, связывая его с формантами *-ин-(а), -атин(а)*, или же в таких словах выделять лишь общее значение предметности, считая, что значение 'мясо' слишком конкретно для того, чтобы быть СЗ? И то, и другое мнение имеет своих приверженцев.

Я думаю, что для выделения конкретного значения 'мясо' есть основания, так как в русском языке имеется специализированное средство выражения этого значения — активный формант *-'атина*. Любое название животного в соединении с этим формантом порождает слово, которое осмысливается как наименование вида мяса: *китятина, моржатина, кенгурятина, гнучатина* и т.п.[14].

Другой пример. В классе предметной лексики получают в наши дни особую активность так называемые аффиксоиды[15] — типизированные компоненты, выражающие узкоспециализированные, конкретные СЗ, реализуемые в сравнительно небольших группах слов (*-ход, -воз, -лет, -логия* и др. под.; см. их описание в гл. III). Учитывая наличие таких специализированных средств выражения, полагаем возможным выделять значения типа 'средства передвижения', 'наука' и др. В современных европейских языках аффиксоиды фор-

---

[13] См., например, значения, выделяемые у имен предметов в чешском языке [Daneš, Dokulil et al., 1967, 767].

[14] О суф. *-атина* см.: [Земская, 1975].

[15] Мы избираем для краткости этот термин. В языкознании без достаточно четкого разграничения используется целый ряд терминов для называния подобных элементов — "аффиксоиды", "полуаффиксы", "опорные компоненты" и др. См. посвященную этой проблематике книгу: [Полуаффиксация в терминологии..., 1986].

мируют, как правило, именно конкретную предметную лексику (и отчасти имена лиц).

Таким образом, окружающий нас вещный мир, который должен быть представлен в языке, диктует свои законы словообразованию, порождая обилие тематических групп внутри этого класса слов и — более того — способствуя созданию специфических предметных формантов.

Среди новых формантов, образующих предметную лексику, есть два разряда: аффиксоиды (*-ход, -воз, -лет* и под.) и аффиксы (ср. "молодые" суффиксы типа *-дром, -тека*). Основное различие между ними заключается в следующем: 1) первые сохраняют связи с корневыми морфемами (ср. *-ход* и *ходить, -лет* и *летать*), тогда как вторые таких связей не имеют (см. подробнее о единицах типа *-дром* в гл. III), ибо в языке (в данном случае — русском) нет слов с корнями *-дром, -тека* и под.; 2) вторые имеют особый — аффиксоподобный — характер значения.

Рассматривая выше словообразовательные значения, мы говорили преимущественно о СЗ, свойственных номинативному словообразованию, лишь отчасти касаясь конструктивной и компрессивной функций словообразования.

Повторим: конструктивное словообразование имеет абстрактное СЗ, суть которого — категориальная транспозиция (процесса или признака в субстанцию, предмета в процесс или признак).

Компрессивное словообразование имеет иные виды СЗ. При словосложении и аббревиации — это значение соединения. Его предложено называть синтагматическим [Лопатин, 1977, 54—55]. При аффиксальной универбации — это значение другой природы. В этом случае суть акта деривации в переводе словосочетания в слово (типа *пятиэтажный дом — пятиэтажка*). Какое же СЗ имеется в этих случаях? Думаю, что роль суффикса здесь — оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. СЗ можно формулировать как значение предметности.

Компрессивное словообразование, представленное способом усечения (типа *маг, баскет, бутер, диссер*), характеризуется отсутствием СЗ. Показатель производности — иная стилистическая окраска и сфера употребления слова. Явления этого рода смыкаются со стилистической сферой словообразования.

В производных, относящихся к сфере стилистического словообразования, есть "нормальные" показатели производности — аффиксы. Что они выражают? Маркируют особую стилистическую принадлежность слова — *захоронить* (офиц.), *помереть* (сниж.) и т.п. Общее СЗ в таких случаях может быть названо стилистическим, его конкретные разновидности: *сниж., офиц.* и др.[16]

Экспрессивное словообразование представлено производными суффиксами типа *-енциj(а), -ул'(а), -уд'(а)* и под. Каково оно? На наш взгляд, оно должно отмечаться указаниями типа тех, которые дают словари в качестве экспрессивных помет, например: *бумаженция* —

[16] Ср. понятие стилистически модифицирующего суффикса в Гр.-80.

шутл., пренебр.; *мамуля* — ласк., *бабуся* — ласк. Некоторые аффиксы совмещают номинативное и экспрессивное значение, т.е. имеют синкретичный характер. В таких случаях и СЗ соответствующих производных должно содержать оба компонента.

Провести границу между экспрессивными производными и стилистическими модификациями не всегда легко. Мы считаем, что в разряд стилистических модификаций следует включать лишь производные, лишенные яркой экспрессии и связанных с ней коннотаций и прагматических оценок[17]. Ср. чистые стилистические модификации *стенка, печка, кастрюлька, свечка* и экспрессивы *собаченция, штормяга, жарюга* и под.

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ "СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП"

В дериватологии принято определение словообразовательного типа (СТ), которое в качестве обязательного компонента включает общность части речи базовых основ. Ср. в Гр-80: СТ — "схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или др[угие] словообразовательные средства)" (с. 135)[18].

Конструируя то или иное понятие лингвистической теории, следует исходить из задачи наиболее рационального объяснения и адекватного описания фактов языка. С этой точки зрения приходится признать, что принятое сейчас понимание СТ не соответствует этим требованиям. Многие производные слова, характеризуемые внутренним единством семантического строения, общностью способа словопроизводства и единым формантом, попадают в разные СТ[19], тогда как в один СТ включаются производные, имеющие в качестве базовой основы слова́ одной и той же части речи, но обнаруживающие различие словообразовательного значения и ономасиологической структуры.

Рассмотрим для примера характеристику одного из СТ, данную в Гр-80: имена существительные с суф. *-ец*, имеющие общее значение "предмет (одушевленный или неодушевленный), явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом" (с. 168). Этот СТ объединяет: 1) существительные, образованные от качественных прилагательных (*храбрец* и под.); 2) "существительные, мотивированные страдательными причастиями и отглагольными прилагательными и потому опосредствованно мотивированные глаголами (*посланец, разведенец*)" (с. 168); 3) "существительные... семантически мотивированные словосочетаниями с мотивирующими прила-

---

[17] Иное мнение отражено в Гр-80; см. также: [Виноградова, 1984, 73—77].

[18] Аналогичное определение дано в работах: [Очерки по исторической грамматике..., 1964, 279; Земская, 1973].

[19] Об этом мы писали ранее [Земская, 1974, 77].

гательными" (*Дзержинский район — дзержинец*); 4) существительные, которые "непосредственно мотивируются относительными прилагательными" (*вузовец, деповец, комсомолец, просвещенец, американец, ленинградец, стахановец* (с. 168—169)[20].

Разнородность этого СТ очевидна. Авторы сами осознают это, разделяя этот СТ на четыре подтипа. Это решение, однако, не спасает положения. Соотносительные с качественными прилагательными слова типа *храбрец, мертвец,* как качественные характеристики, резко противостоят наименованиям по отношению к чему-либо (предмету, лицу, учреждению) типа *комсомолец, суворовец.* Этим производным противостоят существительные, в основе которых "упрятан" глагол: слова типа *просвещенец,* обозначающие отношение к сфере деятельности. Неоднородность и противопоставленность этих четырех классов производных настолько очевидна, что включение их в единый СТ, на наш взгляд, неправомерно.

Объединение в один словообразовательный тип слов по признаку принадлежности базовой основы к определенной части речи, без учета таких противопоставлений, как прилагательные качественные/относительные, отыменные/отглагольные, приводит к тому, что понятие СТ теряет свое внутреннее единство.

Учитывая новейшие достижения в дериватологии, показывающие особую роль в словообразовании синтаксических дериватов, представляется необходимым изменить определение СТ, этой основной единицы словообразования. В один СТ следует объединять производные от базовых основ слов определенной части речи и их синтаксических дериватов (см.: [Ермакова, 1984]). Таким образом, один и тот же тип формируют производные от основ существительных и относительных отсубстантивных прилагательных[21], от основ глаголов и отглагольных существительных — имен действия.

Как показывают наблюдения над живыми процессами словообразования, пройзводные от основ субстантивов и относительных прилагательных, содержащих базовую основу существительного, с одной стороны, и от основ глаголов и отглагольных существительных — с другой, имеют аналогичную семантическую структуру и противостоят производным от основ качественных прилагательных, которые имеют семантику совсем иного рода. Последним свойственно характеризующее, оценочное значение, тогда как производные от основ существительного и относительного отсубстантивного прилагательного содержат не выраженный явно предикат и указание на объект, инструмент, место, время или иные обстоятельства действия (*очеркист, газетчик, стадионщик, вероятностник, плановик*).

---

[20] Отвлекаемся здесь от вопроса о том, что слова, указанные в пункте 4, правомернее было бы считать произведенными от существительных (см. об этом в другом разделе).

[21] Знаменательно замечание И.С. Улуханова, который исследует отсубстантивные и отадъективные прилагательные с суф. *-ист-* (*железо — железистый, сера — серный — сернистый*): "Слова, аффиксы которых сочетаются с основой относительного прилагательного, нередко семантически мотивируются именем существительным, мотивирующим и относительные прилагательные" [Улуханов, 1974а, 65]. Однако И.С. Улуханов не выводит из этих фактов общей закономерности, видя в них лишь частные случаи.

Производные от основ глаголов и отглагольных существительных содержат обозначение предиката и не выражают явно его именных распространителей (*водитель, регулировщик, разведенец, просвещенец*) (см. об этом подробнее в гл. III).

Возникает вопрос, рационально ли в качестве основной единицы классификации использовать то понятие СТ, которое было приведено выше, т.е. разъединяющее производные, базирующиеся на основах разных частей речи, но имеющие один и тот же формант и единое семантическое строение, и, с другой стороны, объединяющее в одни СТ производные, имеющие различное семантичное строение и разную ономасиологическую структуру[22]. Приведем еще один пример, который ярко иллюстрирует рассматриваемое явление: производные с суф. *-ость* со значением отвлеченности. Высокая активность этого и некоторых формантов влияет на их морфотактику. Возможности их сочетаемости меняются. Как пишет В.Н. Виноградова, "кажется, следует признать возможность образования в различных стилях... речи... существительных с суф. *-ость* (*-ность*) в данном значении (наличие того, что названо в мотивирующей основе прилагательного. — *Е.З.*) от существительных же. Ср. тесную смысловую связь с существительными таких образований, как *этикетность, статуэтность* и под." [Виноградова, 1984, 17]. Подчеркнем, что производные на *-ость* могут не только семантически соотноситься с основой существительного (*облачность* — количество облаков, *этажность* — количество этажей), но и формально базироваться на основе субстантива. Таким образом, активные суффиксы распространяют сферу своего влияния на основы "чужих" частей речи, минуя формальную стадию превращения "чужой" основы в свою. По наблюдению Е.И. Голановой, суф. *-ость*, закрепленный за основами прилагательных, может сочетаться непосредственно с основами субстантива: *зубр — зубрость* (Д. Гранин, "Зубр"). Это новообразование непосредственно произведено от основы существительного *зубр*, без стадии синтаксического деривата — прилагательного *зубровый* (должно было бы быть **зубровость*). Слово *зубрость* именует квинтэссенцию признаков *зубра* и звучит не хуже удлиненного *зубровость*. Имеет ли смысл заводить для слова *зубрость* и подобных (а не исключено, что они могут появиться) особый СТ — иной, чем для слов *дубовость, древесность, этажность*, и под.? Думаю, что это искажало бы реальную картину действия механизма словообразования. Слово *зубрость* и под. обозначает признак в отвлечении от носителя. Он проецируется на признаковый, качественный аспект семантики базового слова. И тот факт. что базовое слово — субстантив, интересен, важен, но не должен приводить к выделению этого и подобных производных в отдельный СТ. Примерами СТ,

---

[22] Отметим, что исследователи других языков выделяют единицу классификации, которая объединяет производные с одним и тем же суффиксом, образованные от разных частей речи. Так, Л. Вейсгербер вводит понятие "Wortnische" ("словарная ниша"), включающее образованные от разных частей речи производные с одним и тем же суффиксом (например, *Fläschlig* — ребенок, которого кормят из бутылки; *Suegling* — ребенок, который сосет, от *seugen* — сосать, кормить грудью; *Zwillinge* — двойняшки) [Weisgerber, 1962, 216—217; ср.: Степанова, 1966, 54].

включающих производные от основ разных частей речи, могут быть глаголы на *-еть* со значением 'становиться таким', 'становиться кем' (*сирота —сиротеть, глупый — глупеть, умный — умнеть*), существительные на *-изм* со значением отвлеченного признака (см. их характеристику в гл. V).

Итак, основными признаками производных, диктующими их объединение в СТ, на наш взгляд, является единство словообразовательного значения и форманта. Конечный продукт словопроизводства (производное слово) — в пределах СТ — характеризуется единством части речи, тогда как исходный продукт (базовая основа) может быть взят из запасов различных частей речи. Следовáтельно, мы предлагаем в один СТ объединять производные, включающие одно и то же СЗ, вне зависимости от того, соотносятся ли они с базовыми основами одной или разных частей речи.

ГЛАВА II

НОВЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИИ

ВВЕДЕНИЕ

Издаваемая регулярно серия словарей новых слов и значений[1] служит интересным документированным свидетельством того, как, за счет каких ресурсов развивается словарный состав современного русского языка. Мы детально проанализировали один из последних выпусков этой серии (НС-81), отражающий материалы трех месяцев 1981 г., для того чтобы выяснить, какие именно способы и средства словообразования действуют наиболее активно в наши дни, каково их место в общем массиве новых слов. Исходим при этом из предположения, что каждый из подобных словарей, включая различные *отдельные* слова, отражает приблизительно одинаковое соотношение разных классов производных слов. По нашему предположению, каждый из выпусков словаря дает в общем виде примерно одинаковое представление об общей картине словопроизводства нашего времени. Сошлюсь на сравнение, приводимое А. Латыниной при характеристике состояния современной литературы: "Однажды я прочла о поразившем меня свойстве голограммы. Если кристалл, на котором записано объемное изображение, разбить на несколько частей, то осколок сохранит все изображение, хотя и не столь отчетливое. Картина литературы сегодня, месяц от месяца меняющаяся, достаточно объемна. Полное представление о ней можно составить лишь на основе анализа всей книжной и журнальной продукции, но нельзя ли судить о ее движении и по двум-трем журнальным номерам, как по осколку голограммы? За отчетливость изображения не ручаюсь, но объем какой-нибудь сохранится..." (ЛГ. 1987. 18 февр.).

Выбор в качестве источника одного из выпусков "Новое в русской лексике" объясняется характером представленного в подобных выпусках материала. Вот как об этом пишет редактор серии Н.З. Котелова: "Особенностью этого издания является то, что в нем ставится задача представить новый лексический материал, извлеченный из сравнительно небольшого списка источников по ограниченному хронологическому срезу, с *возможной объективностью* и *максимальной полнотой*, делается попытка показать поток *стихийной языковой жизни* (везде разрядка наша. —

[1] См. НС-60, НС-70, НС-77, НС-78, НС-79, НС-80, НС-81, НС-82. Характеристику этих словарей см. в работах: [Гак, 1981; Straková, 1981; Иванов, Михальчи, 1981].

Е.З.), продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии" [НС-81,5].

Изучение неологизмов[2] как определенного класса слов того или иного временно́го периода показывает, как именно действует словообразовательный механизм языка в этот период, какие классы производных слов пополняются наиболее активно, а какие обнаруживают пассивность, каковы количественные соотношения между отдельными способами словообразования и разрядами производных слов.

Главное, что обращает на себя внимание в материалах НС-81, — это высокая активность сложных и составных слов. Перед нами царство уточняющих наименований. Возьмем для примера названия средств передвижения. Мы встречаемся не просто с автомобилями (грузовыми и легковыми), теплоходами, самолетами и т.д., но с *овощевозами, молоковозами, цементовозами, щеповозами* и т.п. Этого мало: названные и другие средства передвижения получают всевозможные уточнения — по цели, объекту перевозки, дополнительному действию и т.п. (*судно-овощевоз, судно-санитар, турбаза-теплоход, грузовик-контейнеровоз, теплоход-контейнеровоз, вагон-зерновоз, вагон-театр, вагон-раздатка, вагон-диетстоловая, вагон-дом, подборщик-уплотнитель* ("машина с довольно мудреным названием подборщик-уплотнитель для подбора соломы из валков") и т.п. Второе обстоятельство, обращающее на себя внимание, — активность словопроизводства не первой ступени деривации. Значительное количество новых слов создается от производных или сложных слов, т.е. это многоморфемные слова, находящиеся на 2-й, 3-й и далее ступени словопроизводства. В пределах сложносокращенного способа словообразования слова разрастаются путем агглютинативного склеивания частей (типа *хозобъединение — спецхозобъединение — райспецхозобъединение*).

Большое место в материалах НС-81 занимает также аббревиация, преимущественно буквенного и звукового подтипов.

Думаем, однако, что выяснение количественных соотношений между разными разрядами производных, осуществляемое на основе какого-либо замкнутого корпуса данных, представляет определенный интерес, но требует проверки и сопоставления с данными другого корпуса[3], а также содержательной интерпретации исследователя, сопоставления с фактами собственных наблюдений и изысканий. Принципы, избранные составителями словарей "Новое в русской лексике", имеют определенные положительные свойства (непредвзятость отбора, полнота материала), но могут порождать некоторые "перекосы" в той картине, которую они должны отражать. Так, в отличие от "обычных" толковых словарей рассматриваемые словари не накладывают ограничений на фиксацию производных неограниченной про-

---

[2] Изучение неологизмов имеет давнюю историю (из работ последних десятилетий см., например: [Martincová, 1983; Jachnow, 1980; Der Neologismus..., 1977]).

[3] Так, Х. Яхно дает такое соотношение: из общего числа неологизмов 1787 неструктурированных — 278 (15%), производных — 1298 (72%), сложных слов — 211 (11%) [Jachnow, 1980].

дуктивности: "Это касается некоторых лингвистических разрядов слов — производных от собственных имен, аббревиатур, числительных, сложных слов с дефисным написанием и некоторых других. Такое расширение материала также подчинено задаче объективного и полного отражения всего разнообразия языковых явлений, характеризующих лексику в ее движении" (НС-81, 5—6). Вследствие этого словарь содержит целые серии (порядка 130) однотипных в лингвистическом отношении явлений, включающих основы числительных, такого, например, рода, как: *шестидесятигектарный*: хозяин 60-гектарного поля; *шестидесятистраничный*: шестидесятистраничный фолиант; *шестидесятишестилетний*: 66-летним Сильвио Маньяго; *шестиниточный*: 6-ниточной системы газопроводов.

Подобные единицы своеобразны. Они полностью лишены фразеологичности семантики и более близки свободно творимой (скорее на письме, а не в устной речи!) конструкции, чем слову. Каков статус этих единиц? Обращает на себя внимание тот факт, что большей частью такие конструкции пишутся с помощью цифр, т.е. представляют собой буквенно-цифровые гибриды. Люди так не говорят ни в обычном РЯ, ни в публичной официальной речи. Пишут таким образом тоже редко, пожалуй, только в публицистике, да и то часто при этом используют цифры. И наука, и деловая речь пользуются в аналогичных случаях просто цифрами. Что касается РЯ и языка художественной литературы, то они не создают подобных "сложных прилагательных", но изъясняются иным образом (*поле в 60 гектаров, колеса по 60 килограммов* и т.п.).

При рассмотрении выпусков словарей новых слов встает вопрос: все ли включаемые в них слова действительно новы? Авторы в трудных случаях руководствовались презумпцией новизны (НС-81, 6). Признавая возможность и даже целесообразность такого подхода, отметим, что тем не менее он во многих случаях приводит к тому, что в словарь попадают слова заведомо старые. Вот лишь некоторые примеры — слова, включенные в НС-81: "*Жиртрест*. Об очень толстом человеке"; нам это слово известно как дразнилка, употребляемая в школах в 30-е годы. Вот еще несколько слов, относящихся к разным разрядам лексики: *портретируемый* (встречается, например, в книге Н.Н. Евреинова "Оригинал о портретистах". М., 1922; к тому же глагол *портретировать* (спец.) есть в Сл. Уш.); *микропедиатр; толкушка* (бытовой предмет, известный под этим названием еще нашим родителям); *двойничество; пьянь;* усатый *нянь* (вспомните Маяковского!); *потиражные* (о денежных выплатах). Очевидно, что это просчеты, и можно было бы посоветовать составителям в тех случаях, когда слово лексикографически не зафиксировано, но известно, что оно не новое, помечать его каким-либо графическим знаком.

Несмотря на указанные факты, материалы неологических словарей дают в руки исследователю большое собрание новых данных и поэтому в высшей степени полезны. Прежде чем перейти к характеристике материала, представим количественное соотношение производных слов, образованных разными способами словообразования:

суффиксация	822
префиксация	395
суффиксально-префиксальный способ	145
чистое сложение	715
словосложение с суффиксацией	31
аббревиация	105
буквенного типа	80
звукового типа	20
смешанного типа	5
контаминация	4
сложносокращенные слова, включающие целое слово	402
сложносокращенные слова, включающие только части слов	20
составные слова	240
усечение	11
субстантивация	8
каламбурное словообразование	8
повтор-отзвучие	3

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Велика по объему группа составных наименований-существительных (около 240). Она расчленяется на два класса имен: 1. Неличные существительные. 2. Имена лиц.

Неличные существительные в количественном отношении превосходят личные почти в 4 раза (186 неличных, 50 личных). Они образуют несколько семантических подгрупп.

1. Устойчивые терминологические или тяготеющие к терминологии обозначения новых предметов и явлений образуют самую обширную подгруппу (110): *комбайн-измельчитель, автомат-пакетировщик, сушка-контейнер, колодец-уловитель, цех-завод, цех-салон, борона-мотыга, пруд-смеситель, прицеп-подборщик, микрофон-приемник, альбом-каталог, магазин-склад* и т.п.

В некоторых случаях обозначение рода предмета может казаться излишним, особенно в обычной речи, ибо и без него денотат ясен. Так, очевидно, что *шезлонг* — это кресло, а *ветровка* — это куртка, но газетно-информационная сфера предпочитает составные наименования с уточнениями: технологические линии по выпуску *кресел-шезлонгов;* красивые молодежные *куртки-ветровки.*

В этой подгруппе имеются наименования не только предметов, но и социальных учреждений, действий, явлений: *спектакль-вечер, собрание-митинг, смотр-продажа, театр-спутник, вечер-дискотека* и т.п.

2. Наименования-характеристики (порядка 55) типа *письмо-приказ, письмо-совет, призыв-предупреждение, эпизод-пояснение, роман-свидетельство, спектакль-плакат, стихи-раздумья, песня-фельетон* и т.п. Вторая часть раскрывает содержание первой. Эта группа наименований характерна для публицистики.

3. Свободные сочетания, не имеющие характера устойчивого наименования (около 20), претендуют на образность, называют явление в его противоречивой сущности, нередко включая однокоренные слова, слова-рифмы или слова-антонимы: *отрывки-обрывки, удачи-неудачи, споры-разговоры, реченька-кручинька, курочка-снегурочка.*

Имена лиц. Основная часть этой группы — названия по профессии, должности, сфере официальной занятости типа *машинист-инструктор, дизелист-моторист; агроном-садовод, эксперт-испытатель, шофер-продавец.*

Лишь немногие слова (порядка 10) именуют лиц по иным характеристикам, чаще всего остро социальным: *одиночка-фанатик, эмигрант-невозвращенец, террорист-боевик, политик-клоун.*

Особо выделим типично публицистические сочетания, имеющие характер штампов: *читатель-стихолюб, писатель-народовед, селянегорожане, деды-прадеды.*

Имена лиц женского пола немногочисленны. Среди них одно — наименование по профессии (*швея-запускальщица*) и четыре — возрастные и иные уточнения родственного обозначения *мать, мама*: *мать-подросток, дочка-мать* (несовершеннолетняя мать; в разг. речи); *тетка-мама, тетя-мама.*

ГЛАГОЛ

Контраст "имя — глагол" ярко обнаруживается в сфере составных наименований. НС-81 дает 7 составных глагольных наименований. Это синонимические сочетания (типа *подрасти-подняться, загудеть-затрубить, побывать-погостить, поглядеть-посмотреть*) или сочетания, создающие уточняющие наименования: ходил... купаться, *показывал-объяснял* лес (Юн. 1981. N 11); *угадать-потрафить модной струе* (*ЛГ. 1981.* N 38).

На наш взгляд, такие сочетания не имеют статуса слов, хотя их нельзя признать и свободными синтаксическими перечислительными конструкциями. От последних они отличаются интонационной слитностью, образуя промежуточное, гибридное явление ("недослова", но и не вполне синтаксические построения).

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Сложные слова разных типов составляют одну из самых обширных групп новой лексики в НС-81. Словосложение в высшей степени характерно для словопроизводства как существительных, так и прилагательных, но сложные прилагательные составляют более значительную по численности группу (порядка 500).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Сложные прилагательные делятся на несколько групп, различающихся степенью активности, характером соотношения частей, а также стандартностью (регулярностью) их соотношения.

1. К числу наиболее стандартизированных и по легкости производства приближающихся к словосочетаниям относится обширная группа (около 130) прилагательных с первой частью — числительным: *трехкаратниковый, трехсотпроцентный, трехсотшестидесятиквартирный, тридцатиэтажный, четырехсантиметровый.* Такие "слова" образуются без ограничений с полной семантической и структурной регулярностью. Очевидно, что фиксация именно того, а не другого слова является случайностью, так как в принципе любое числительное может присоединяться к любому существительному, обозначающему считаемый предмет. Показательно, что в тех случаях, когда числительное состоит не из одного элемента, в тексте оно обозначается цифрой и уже сам словарь преобразует его в буквенное слово. Подавляющее большинство прилагательных, включающих числительные, зафиксировано в языке газет и журналов. Ни РЯ, ни языку художественной литературы они не свойственны.

2. Среди слов соединительного типа выделяется своей многочисленностью группа производных от названий стран (порядка 45) типа *болгаро-афганский, перуано-советский, американо-бразильский, советско-австрийский, французско-афганский* и т.п. Подобные производные свободно образуются от любых наименований стран, уподобляясь в этом отношении словосочетаниям.

3. Обладают продуктивностью прилагательные с первой определительной частью, которая повторяется во многих словах (42): *высоко-, глубоко-, полу-, много-, все-, само-*:

высоко- со значением 'в высокой степени' (12): *высокоразрядный, высокоморальный, высокоподготовленный, высокопредставительный, высокотрудный;* ср. индивидуальное: *высокораковый* (животные, у которых легко возникают опухоли). Лишь в одном случае производное не имеет значения 'в высокой степени', но соотносится с сочетанием, включающим прилагательное *высокий*: *высокоразрядный* — тот, кто имеет высокий разряд (степень квалификации в какой-л. профессии);

глубоко- (2): *глубокосовременный, глубокосознательный;*

полу- со значением 'наполовину' и перен. 'ненастоящий' (11): *полупогружной, полубульварный* (журнал), *полукомический, полунепригодный, полубогемный,* индивид. *полукосмический;* иронич. *полуответственный товарищ, полуруководящие лица;*

много- (3): *многотравный, многотысячетонный, многогектарный;*

все- (8): *всеостровной, всеразрешающий, всеразрушающий, всепробивной;* в сочетании со словами, обозначающими временные понятия, имеет значение 'на все это время' — *вседневный, всежизненный;*

само- (5) со значением 'себя': *саморазоблачительный, саморазрывающийся, самоформирующийся, самопародийный, самосплывной.*

4. Активны терминологические наименования соединительного типа (около 30): *консультативно-диагностический* (для консультаций и установления диагнозов), *приемно-перерабатывающий, ракетно-бомбовый, анализирующе-управляющий, соломенно-концентратный, разборно-сборный, электронно-лазерный, цвето-звуковой, соломенно-фуражный, танко-артиллерийский, учительско-ученический, оперно-концертный, очно-заочный.*

С семантическим соотношением сочинения частей имеются немногочисленные нетерминологические сочетания: *козье-овечий* (состоящий из коз и овец), *морозно-оттепельный.*

5. Прилагательные, в которых первая часть называет объект действия, представленного во второй (отглагольной) части (14): *якорно-обмоточный, свеклоприемный, фасадооблицовочный, морковоуборочный, мешкопогрузочный, свеклорежущий, рыбоперерабатывающий, пылезадерживающий* и под.

Имеют, как правило, терминологический характер. По их образцу создаются сатирические или шутливые индивидуальные производные: *карманоисследовательский.* Ср. также каламбурное производное *мухоразведочный,* в котором сталкивается терминологическое *разведочный* (от *разведать что, разведка чего*) и *разведочный* (от *развести кого*): Шутка. Организованы и работают два хозяйства. Одно — бахчевое в Крыму. Другое — *мухоразведочное* — на Кавказе (ЛГ. 1981. N 43).

6. Сложения пояснительного типа, имеющие такой состав: вторая часть — адъектив, первая (наречная) его уточняет или поясняет (65): *нежно-зеленый, матово-бархатистый, умно-добрый, удивленно-целомудренный, грязновато-белый, бесстрастно-ровный, беспощадно-грустный.* Тип высокоактивен.

7. Сложения пояснительного типа, в которых вторая часть — отглагольная, первая (наречная) ее обстоятельственно характеризует, малочисленны: *мягконабивной, мелкорасфасованный.*

8. Мало представлены сложения, в которых одна из частей выражает инструментальную семантику ('с помощью того, что именует одна из частей сложения'): *электронно-судейский, монтажно-вертолетный.* Предназначенный для монтажа крупных конструкций и последующего подъема, сборки их с помощью вертолета.

9. Не обнаруживают активности сложения, в которых выражаются отношения сравнения (5): *сталисто-серый, маслянисто-желтый, бруснично-пунцовый, чугунно-твердый, книжно-умозрительный.*

10. В особую группу можно выделить сложные прилагательные, которые образуются с установкой на шутку, каламбур (около 10). Обычно они строятся по принципу соединения синонимизирующихся частей, нередко рифмующихся: *ущемительно-запретительные* меры, *рассудительно-остудительная* Клава, *необъятно-неохватный* книжный мир, *образцово-образцовский.*

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Сложных существительных несравненно меньше, чем прилагательных (около 190). Из них неличных — 160, личных — около 30.

I. Неличные существительные с точки зрения семантического соотношения частей распадаются на несколько групп.

1. Первая часть называет объект действия, вторая (отглагольная) — действие или действователя. Значительная часть таких слов — официальные наименования: а) механизмов, б) отраслей производства:

а) *фуражемешалка, снегозахватчик, вагоноразгрузчик, солнцеуловитель, лучеуловитель, рельсоукладчик, пескопогрузчик, дереворубка;*

б) *рельсоукладка, рыбозащита, протезостроение, камнепиление, соледобыча, газоочистка, бытоустройство.*

Область употребления подобных слов — профессиональная сфера, периодическая печать, деловая речь. Отметим, что объектные значения могут выражаться и словами, вторая часть которых не глагольная. Это слова типа *солекомбайн* — комбайн для разработки месторождений соли; *уткоферма* — специализированная ферма по разведению уток. В таких случаях глагольный элемент элидирован. Ср. также: *тромбобезопасность* — совокупность свойств, исключающих опасность образования тромба; *пчелопитомник, птицеферма* и под. По образцу подобных сложных существительных образуются слова-характеристики нетерминологического рода, многие из них имеют шутливо-иронический характер: *трусопроизводство, добронаживание, шпаго-, бритво-* и *огнеглотание, шпагопиление, смехобоязнь, критикобоязнь, достоевско-центризм.* Сфера употребления таких нетерминологических слов — периодическая печать, реже — язык художественной литературы.

Внутри группы сложных существительных с объектным отношением частей имеется несколько компактных подгрупп слов, аналогичных по структуре и близких семантически.

В производстве названий наук сосуществуют русская и иноязычная стихия. Части *-вед* и *-ведение*, связанные регулярной семантической и структурной связью, формируют названия лиц-специалистов по науке и названия наук. В НС-81 зарегистрированы слова на *-ведение* (7), называющие разнообразные виды наук: *культуроведение, фурмановедение, читателеведение, районоведение, религиоведение, слововедение,* шутл. *повтороведение;* существительные на *-вед* (6): *пустыневед, чеховед, достоевсковед, кремлевед, человековед, тестовед.*

Первая часть этих слов (именная) называет объект изучения. С именами лиц и наук сопряжены относительные прилагательные на *-(вед)ческий* (4): *школоведческий, атлантидоведческий, советоведческий, слововедческий.* Помимо того отмечено одно название науки с элементом *-логия*: *мембранология.*

Слова со второй частью *-мания*, с которыми соотносительны имена лиц на *-ман* (ср. *шпиономания — шпиоман*). Словообразовательный статус этих слов в русском языке, однако, различен. Первые представляют собой сложные слова, потому что элемент *мания* функционирует в русском языке как самостоятельное слово. Вторые считать сложными словами неправомерно, поскольку элемент *-ман* в русском языке как самостоятельное слово не выступает и, следовательно, может трактоваться лишь как аффиксоид. Слова со второй частью *-мания* (5) создаются в современной публицистике легко, по требованию контекста. Первая часть имеет объектное значение: *звездомания, конкурсомания, блокомания, шпиономания, справкомания,*

-ман (5): *табакоман, шпиономан, книгоман, таксоман* (иронич.)...

2. Вторую значительную группу сложных существительных образуют слова, первая часть которых содержит определение того, что названо

во второй: *льнополотно* (льняное полотно), *льноворох* (льняной ворох), *пищеконцентрат, стеклосетка;* индивид. *мнимолитература, мнимодело.* Отмечена серия производных с первой частью *рентгено-* типа *рентгенотелекамера;* без соединительного гласного: *рентгенлаборатория.*

3. Существительные, части которых объединены сочинительной связью, немногочисленны: *фасолеподсолнечник, помидорокартофель,* шутл. *арбузоклюква.*

4. В особую группу выделим существительные с повторяющимися частями *-ход, -воз, -провод, -лов.* У подобных слов (порядка 10) первая часть — именная, вторая — глагольная.

Слова на *-ход* обозначают средства передвижения. Первая часть называет средство или способ, посредством которого идет перемещение: *ветроход; рукоход* — гимнастический снаряд, состоящий из ряда подвесных петель, берясь за которые, передвигаются; *роликоход* — своего рода "велосипед" без руля и сиденья; *гусеницеход* — движение машины напоминает движение гусеницы по зеленому листу или ветке.

НС-81 трактует все эти слова как сложные (*рук* + *о* + *...ход, ролик* + *о* + *...ход*), кроме слова *ветроход,* которое объясняется так: "Сокращение сочетания слов: ветроходное судно".

В словах на *-воз* первая часть обозначает объект перевозки: *комбикормовоз;* отсюда пойдут *сортаментовозы* и *щеповозы.*

Значение объекта имеет именная часть и в словах на *-провод* (называющих разновидности трубопроводов): *повидлопровод, солепровод,* — и на *-лов* (виды промысловых судов): *креветколов.*

II. Имена лиц образуют две основные группы: профессиональные названия (11) и слова-характеристики (11). И те, и другие имеют аналогичное строение: они состоят из глагольной части (второй) и именной (первой). Первая часть называет объект действия.

Профессиональные названия: *судомонтажник, рудодобытчик, путепереукладчик, ковроткач;* непрофессиональное: *макулатуросдатчик.*

Слова-характеристики имеют шутливо-иронический (*титулодержатель, собаконенавистник, идееноситель, кляпоносец*) или хвалебно-восторженный характер (*огнедобытчик* — о нефтянике, *природоохранник, словопроходец* — о Дале, *путезнатец*).

Кроме того, выделяется небольшая группа имен лиц, образуемых на основе сочетания существительного с прилагательным семантического типа bahuvrihi: шестой разряд — *шестиразрядник* = 'имеющий шестой разряд'; *голопяточник.* Опасной, как выясняется, разновидностью воднолыжного спорта является катание за катером на... пятках. *"Голопяточники"* — так называют этих спортсменов.

Данные НС-81, а также наши наблюдения и материалы показывают, что основная область применения сложных существительных — профессионально-терминологическая сфера. В языке художественной литературы они редки и немногочисленны. Некоторые из них попадают в околохудожественную речь, являя собой журналистские и писательские штампы. Разговорному языку словосложение существительных не свойственно.

НАРЕЧИЕ

Словосложение наречий представлено небольшой группой новообразований (порядка 15), свойственных публицистической и художественной сфере: *покорно-растерянно, неосознанно-поэтически, уверенно-прямо, узко-камерно, безвыходно-безвыездно, испуганно-затаенно, резиново-мягко;* лишь одно наречие имеет научно-терминологический характер — *системно-исторически.*

В образовании сложных наречий участвуют те же активные первые элементы, которые действуют в словообразовании существительных и прилагательных, — *само-* и *полу-*: *само-* (2): *самоуглубленно, самолично; полу-* (1): *полуплачевно.*

ГЛАГОЛ

Словосложение глаголов не активно. Отмечено всего 6 глаголов. С элементом *само-* (5): *самосохраняться, самоудобряться, самоускоряться, самоограничиваться, самоорганизоваться;* с элементом *вибро-* (1): *виброизолировать.*

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ С СУФФИКСАЦИЕЙ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Этот способ не является действенным (менее 30 производных). Некоторую активность обнаруживает лишь один словообразовательный тип: существительные ср. рода с суф. *-j-* (14 слов). С точки зрения соотношения частей они образуют два подтипа:

а) первая часть находится в определительных отношениях со второй (именной, реже — глагольной), давая ей качественную или количественную характеристику: *дурновкусие, "слабонервие", скудодушие, чуженравие, малолетье, малокартинье, разноцветенье, одноцветье, семиочье.* Со второй глагольной частью: *долгожитие, долгосидение;*

б) первая часть содержит объектный распространитель второй (глагольной): *кофепитие, "ядовзятие".*

Все отмеченные в НС-81 слова этого типа относятся к неузуальному словообразованию, принадлежат в основном публицистической сфере. Кроме того, зафиксированы небольшие группы одноструктурных производных:

а) имена лиц с нулевым суффиксом (7). Первая часть (именная) называет объект действия, вторая (глагольная) — действие. Зарегистрировано одно наименование по профессии (*дрожжедел*) и шесть слов-характеристик: *душелюб, рыбоед, стружкоскреб* и др. Ироническое звучание таких наименований остро ощущается на фоне одноструктурных нейтральных и хвалебных наименований — *трусодел*: В 1980 году *"трусоделами"* страны в целом было недодано... (Кр.);

б) включающие нулевой суффикс наименования действий со второй глагольной частью (4). Первая часть обозначает объект действия (*камнелет*) или субъект действия (*стужевей*); отмечены также: *вертокруть* (узуальное: *круговерть*), *лиховей* (ср. *суховей*);

в) обозначения отвлеченных понятий с суф. *-ство* (4), соотносительные с различными словосочетаниями: "прилагательное + существительное": *чужой дом — чужедомство, чужая страна — чужестранство;* глагол + существительное: *кладозакопательство.*

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Некоторую активность обнаруживает лишь тип прилагательных с нулевым суффиксом (5), вторая часть содержит субстантив — обозначение части тела, органа человека или животного (реже — растения): *багроволицый, зеленокосый, алотелый; длинноиглый.*

СРАЩЕНИЕ

Сращения немногочисленны (3): *трудноизживаемый, трудносмываемый, труднозащитимый.*

АББРЕВИАЦИЯ

Буквенные и звуковые аббревиатуры широко представлены в НС-81. Буквенных аббревиатур насчитывается около 80. Основная их часть функционирует лишь по соседству и наряду с расшифровкой и используется как вспомогательное средство для сокращения длиннот текста. Обычно такие аббревиатуры вводятся в текст вслед за словосочетанием: в заявлении Союза египетской демократической молодежи (*СЕДМ*); внеочередная сессия Общеарабского народного конгресса (*ОНК*); индустриально-производственные системы, или, как мы их называем, *ИПС.*

Некоторые из буквенных аббревиатур имеют расшифровку, не соотносительную с аббревиатурой: *ЧЧМ* — революционная партия Танзании; *КАР* — всепольское рабочее агентство.

Лишь немногие из отмеченных буквенных аббревиатур известны говорящим и используются в обычной, неспециальной речи как слова: *с.н.с.* — старший научный сотрудник (в разг. речи), *ЦКБ* (центральная клиническая больница), а также ряд слов, зафиксированных словарем в том виде, как они произносятся: *ОЭРЗЭ, ОРЗ* (в разг. речи), *ЭРДЭ* — радиограмма (в разг. речи), *депе*: множество *"депе"* древних поселений (Пр.).

Отмечено одно суффиксальное производное от буквенной аббревиатуры: *ЭСЭМКА.* Электронно-вычислительная машина типа СМ (в разг. речи) — *Эсем* (от *СМ* — счетная машина) + *к(а).*

Два слова даны в специфическом произношении — *кэгэ* и *кэмэ* (простореч.).

Число звуковых аббревиатур, которые содержат гласные и могут произноситься как обычные слова, менее значительно (16). Это слова типа: *ЭЛАС* (строительный энергетический летательный аппарат; с изменением порядка слов), *СЭТ* (система эффективного труда), *БАТ* (большой автономный траулер), *КИД* (контрольно-измерительный дозиметр) и др.

Представлены в НС-81 и сложносокращенные слова иной структуры: первая часть — сокращенная, вторая — целое слово (6). Среди первых частей активны *зав* (заведующий), *нач* (начальник), *пред* (председатель), используемые для производства наименований должностей и профессий (6): *завтоком, завсветокопией, завмузчастью, завпчелофермой; начразведотдела; предкомиссии.*

Элементы *зав, нач, пред* ведут себя как управляющие слова: *зав* + + твор. п., *нач* + род. п., *пред* + род. п.

Сложносокращенные слова, состоящие из нескольких сокращенных частей немногочисленны (20). Среди них выделяются две группы:

1) наименования учреждений (16): *Мингео, Мингост, Минтекстильпром* (ср. *Минвуз*); *Госкомцен, Госкомупр, Лесбумдревпром, Инчасмаш, политех; уличком, ярмарком; сельхоз, подхоз* и др. Подобного рода слова употребляются и в официальной, строгой сфере как специальные наименования, и в обычной, нестрогой речи;

2) наименования лиц (4). Такие слова именуют профессии и должности: *начинж* (отмечено в кн: [Алексеев, 1979, 215]), *литзав* (при обычном: *завлит* — зав. литературной частью), *старлейт* и *старлей*. Подобные наименования могут рассматриваться и как особый разряд сложносокращенных слов, и как сочетания особого вида, ибо сокращения *нач, зав, спец, зам* и под. функционируют как слова. Наблюдается параллельное функционирование единиц со второй полной и сокращенной частью, ср. завлабораторией — *завлаб*, завучебной частью — *завуч*, завкафедрой — *завкаф* и мн. др. Сокращенные варианты тяготеют к употреблению в РЯ и нестрогой профессиональной речи.

Многие аббревиатуры этого строения отличаются "интегрированностью" семантики и структуры. Нередко они не включают все части соответствующего сочетания, но вбирают обобщающее значение: *хоз* — хозяйственная часть, *инж* — инженерная служба, *вещ* — вещевое снабжение и т.д. [Алексеев, 1979, 213]. Особой смысловой конденсированностью отличаются единичные части типа *снабы, торги, промы*, включающие в себя всю семантику сложного наименования.

Аббревиатуры смешанного типа (включающие слоговые части, звуки, а в некоторых случаях интерфиксы) непродуктивны. Они служат для называния новых материалов (4): *армобитэп* (гидроизоляционный материал); *коврелин* (ковровый линолеум); *уретанискожа, винилуретанискожа,* а также предметов (1): *саквана* (ручка для письма; по названию фабрики "Сакко и Ванцетти").

КОНТАМИНАЦИЯ

Отмечено всего четыре случая контаминации. Этот способ словообразования, обычно рассматриваемый как один из видов аббревиации, действует во всех западноевропейских языках. НС-81 дает немецкое заимствование *томмофель* (*томат* + *картофель*) с таким пояснением: новое растение *"томмофель"* — что-то вроде "помидорокартофель".

Некоторые из слов, созданных способом контаминации, имеют широкое общественное звучание. В НС-81 даются три таких слова:

Евросима (*Европа* + *Хиросима*), *Америсима* (*Америка* + *Хиросима*), *рейганомика* (*Рейган* + *экономика*); ср.: *бушеномика* (Пр. 1989). *Евросима* — о возможной ядерной войне в Европе: "Предотвратить *Евросиму*!" (т.е. Хиросиму в Европе). Ср. также: *пентагония* — Рассудку и разрядке вопреки Трясет их постоянно *пентагония*... (Кр.). Слова такого состава есть в немецком, английском и других языках.

Способом контаминации на наших глазах порождаются все новые слова. Из состава слов, приобретших широкий общественный резонанс, выделяется часть, которая впоследствии подвергается семантизации, не связанной никак ни со строением, ни с семантикой данного отрезка. Так, из названия Нью-Йоркского отеля "Уотергейт", связанного с нашумевшим на весь мир политическим скандалом, извлечена часть — *гейт*, которая приобрела смысл 'политический скандал'. Слово *Ирангейт* на наших глазах приобретает большую активность: явление, получившее название *"ирангейта"* и вызвавшее небывалый скандал в самой Америке и за ее пределами (Пр., 1986); *"Ирангейт"*: афганский след (ЛГ. 1986); *"Ирангейт"* не случайность (К. пр. 1986); "Феномен" *"Ирангейта"* (заголовок — Пр. 1987).

Создается прилагательное *ирангейтский* (скандальная *ирангейтская* история — Пр. 1987). Отметим, что очень быстро изменилось правописание слова. Вначале его писали с большой буквы, теперь пишут с маленькой.

Элемент *-гейт* из "обрубка" слова превращается в конструктивный элемент, который осмысляется как политический скандал. Сегмент *-гейт* входит в другие слова. Это явление, возникшее первоначально в английском языке (см. [Реферативный журнал, 1982, 198], где отмечены и слова *Самоагейт* (*Samoagate*), *Оилгейт* (*Oilgate*), распространяется и на другие языки. В русском языке начинают употребляться (помимо слова *Ирангейт*) *Рейгангейт*, *Цюрихгейт* (ТВ), *Юаргейт*, *Будагейт* (ТВ. 1989).

Контаминация слов *труд* и *алкоголизм*, *алкоголик* породила слова *трудоголизм*, *трудоголик*: ...японские буржуазные социологи ссылаются на некий *"трудоголизм"* (т.е. "одержимость работой"), якобы присущий японскому трудящемуся... Действительно, японцы умеют работать напряженно. Но они никакие не *"трудоголики"* (АиФ. 1987).

Эти слова, родившиеся в Японии, приобрели в русском языке второе рождение, так как являются не заимствованием, но включают русский элемент *труд*.

Совсем к иной семантической сфере относится слово *голеадоры* (скрещение *гол* и *тореадоры*); в газете "Футбол-хоккей" (1987) читаем: *"голеадоры"*. Эти, по-русски говоря, "забивалы".

Семантизации подвергаются и другие отрезки слов. Создается слово *Боннтагон* по аналогии с *Пентагон* (НС-82). Слова такого рода свойственны прежде всего публицистической сфере языка.

Вопрос о месте и роли аббревиации в системе современного словообразования не простой. Очевидно, что этот способ словообразования свойствен разным сферам языка в разной степени. Если такие

способы словообразования, как аффиксация и словосложение, действуют во всех сферах языка (хотя и по-разному), а усечение и универбация — по преимуществу в РЯ, то буквенная и звуковая аббревиация связана особенно крепкими узами с газетно-публицистической и деловой сферами языка. Не чужда она и научной речи. Что касается живого РЯ, то в нем как способ словообразования буквенная и звуковая аббревиация почти бездейственна. Этот способ создания слов не допускает мгновенного появления слова, тут же понятного слушателю, как это бывает при порождении слов способом суффиксации, префиксации и др.

Любая аббревиатура, рождаясь, требует расшифровки, а это, естественно, мешает ее спонтанному возникновению. Породить аббревиатуру в РЯ, чтобы ее тут же объяснить, можно лишь при установке на шутку, комический эффект. Разговорные аббревиатуры обычно бывают нарочито шутливыми: агентство *ОБС* — одна баба сказала; названия журналов *Вопли* — "Вопросы литературы", *Нана* — "Наше наследие"; *ЧЗЧ* — черт знает что; семейное *БСТ* (бээстэ) борьба с тучностью. Интересный пример тайной семейной аббревиатуры, употребляемой двумя братьями-детдомовцами, дает А. Приставкин в повести "Ночевала тучка золотая": [Сашка] добавил: — *Себеневе... СБНВ* расшифровывалось так: *сука буду на все века!* Такая была клятва. Для посторонних же, для взрослых скрытый смысл клятвы якобы раскрывался так: Советский боевой нарком Ворошилов. Ср. пример "локальной" аббревиатуры у И. Грековой: Я вообще мало способна к играм... не удается принять всерьез условия игры, или, как у нас говорят, *УИ* ("Без улыбок").

Иное дело использование в РЯ буквенных и звуковых аббревиатур. В РЯ живут многие лексические единицы-аббревиатуры. Ряд из них общеизвестен и широкоупотребителен: *СССР, ЕЭС, НАТО, МИД* и под. Известны и употребительны названия стран (*США, ФРГ*); ср. также: *МВД, ЖСК, ВПК, ЗАГС, ТВ, ГАИ, ООН, ЦРУ*; ср. новейшие — *СНГ, РФ* (Российская Федерация), *ВС* (Верховный Совет), *СКВ* (свободно-конвертируемая валюта).

В различных профессиональных группах лиц используются аббревиатуры более узкого характера: — Он член *эспэ* (союза писателей; из речи журналиста); У нас в *вэцэ* (вычислительном центре; из речи программиста); — Кто у вас член *эспэ?*; Он в *кабэ* (конструкторском бюро).

Именно как слова используются такие аббревиатуры, как *чэпэ* (ЧП), *мэнэсэ* (мнс), *оэрэз* (ОРЗ) и некоторые другие в живом РЯ: Она заболела? — У нее *оэрэз* / ничего страшного//; Катя уже 20 лет в Институте / а все *мэнэс*//; — Ой! У нас *чэпэ!*; Она на *пэо* учится (подготовительное отделение).

Отметим, что аббревиатуры, получившие известность, нередко утрачивают официальность и имеют более сниженный, бытовой характер, чем соответствующие сочетания. Таково, например, соотношение *ОРЗ* и *острое респираторное заболевание, ЭКГ* и *электрокардиограмма.*

Аббревиацию нельзя рассматривать как способ словообразования, совершенно чуждый духу живого русского языка. О том, что этот способ словообразования стремится выжить, а сами аббревиатуры

"хотят" быть нормальными словами, свидетельствует несколько явлений семантического и формального характера:

1. Аббревиатуры, подобно обычным словам, могут развивать переносные значения и переосмысляться. Так, НС-81 фиксирует переносное употребление буквенного сокращения *и.о.* (исполняющий обязанности): *"И.о. чего-н.* Что-л. употребляемое вместо другого, заменитель чего-н. (перен.). *И.о. текста* (ЛГ).

Некоторые аббревиатуры порождают шутливые или каламбурные омонимы: ср. *ЧП* — чрезвычайное происшествие и *ЧП* — частная практика (у медиков), *ЧП* — четвертая полоса (у журналистов); *ДК* — дом культуры и дойная корова (перен.).

2. Аббревиатуры нередко создаются с установкой на комический эффект, порождаемый контрастом между "серьезной" формой аббревиатуры и ее значением. НС-81 отмечает пять таких шутливых аббревиатур: синдикат *ЧУД* — что угодно для души; общество взаимной выручки. Сокращенно *ОВВ* (Изв.); этот *НЭП* расшифровывается как наведение элементарного порядка (Пр.); синдикат *СПБ* — скорая бытовая помощь (Юн.); [Страна] называется *УРА*, а полностью Универсальная Рациональная Автоматизированная.

3. Аббревиатуры, как и обычные слова, подвергаются опрощению [Алексеев, 1979]. Так, все (или почти все) русские люди знают, что такое *загс*, чем занимается это учреждение, но далеко не все могут расшифровать эту аббревиатуру; далеко не все знают, что такое *КВН* (что-то веселое), *МОПР, БРИЗ* и др.

4. Аббревиатуры, как и обычные слова, дают производные — имена лиц, прилагательные: *пэтэушник, гаишник; обэхаэсэсник; миитовец, натовский; эмгэушник, эмгэушный* и др. под.

5. Аббревиатуры по своему строению подлаживаются под обычные слова, стремясь быть многосонорными, содержать достаточное количество гласных [Русский язык..., 1968б].

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА, СОСТОЯЩИЕ ИЗ СОКРАЩЕННОЙ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО СЛОВА

Свойственная современному языку тенденция активно создавать и использовать наименования-уточнители способствует активизации различных способов производства сложных и сложносокращенных наименований. Одна из разновидностей сложносокращенных слов сближается с функционированием того класса слов, который М.В. Панов предложил называть аналитическими прилагательными [Русский язык..., 1962; Панов, 1971б]. Образование и функционирование этого класса слов на протяжении 20—60-х годов XX в. подробно и убедительно исследованы [Русский язык..., 1968б, 105—134].

НС-81 показывает, что активное функционирование аналитических прилагательных продолжается и в последующие десятилетия. Естественно, что, следуя общепринятой лексикографической традиции, НС-81 трактует подобные единицы не как сочетания с аналитическими прилагательными, но как сложные слова с первой сокращенной частью.

Из четырех групп аналитических прилагательных, проанализирован-

ных в указанном выше исследовании, наибольшую активность обнаруживают две: заимствованные основы на гласный типа *теле, радио, авто* и сокращенные основы на согласный типа *гос, обл, гор.*

Группа *радио, теле* обнаруживает большую активность. Она включает 24 единицы, повторяющиеся не менее 2 раз. НС-81 приводит такие данные (выделены единицы, отмеченные более 10 раз): *авиа* — 4, **авто-** (автомобильный) — 12, *авто* (сам) — 4, *агро* — 9, *био* — 8, *вело* — 4, *гелио* — 2, *гидро* — 6, *зоо* — 3, *изо* — 2, **кино** — 24, *метео* — 2, *мото* — 2, *пневмо* — 3, **радио** — 27, *спелео* — 2, *стерео* — 2, **теле** — 37, *термо* — 2, *фото* — 3, **электро** — 13, *энерго* — 6.

Естественно, что наиболее близки к статусу самостоятельных слов те из названных единиц, которые обладают наиболее высокой сочетаемостью, а именно: *теле, кино, радио, авто, электро.*

Отметим, что, употребляясь как аналитические прилагательные, подобные единицы могут менять место ударения — наконечное ударение переносится на 2-й слог: *кино́*, но *ки́нофакт, ки́нолитература, ки́нодиректор; метро́*, но *ме́тропоезд, ме́трогородок.*

Как видим, наиболее действенны единицы, связанные с новыми и активно развивающимися техническими средствами (телевидение, радио, кино, электричество, автомобили, фотография), а также с основными областями жизни (агро, био, гидро).

Рассмотрим подробнее некоторые сочетания с повторяющимися частями, показывающие их активность. Лидером в этой группе является элемент *теле-* (37). Среди слов с *теле-* много серьезных наименований, имеющих устойчивый, иногда терминологический характер (*телерадиокомитет, телемагнитола, телерадиотранслятор, телесовещание, телеслушатель, телевикторина* и др.), но значительное число сочетаний — свободно возникшие шутливые наименования (*телесон, телеконфликт, телеклиент, телетворец, телеподелка, телеящик, телетрон*).

Так же разделяются на серьезные и шутливые сочетания с другими элементами:

радио- (27): *радиотелецентр, радиофилармония, радиодискуссия, радиоблизнецы, радиосоветчик, радиомуза, радиотуш, радиосбор, радиоэкскурсия, радиовторжение, радиоигра...*

кино- (24): *киносериал, киновестерн, киномассовка, кинозаставка, киноколлаж, киноточка* (проф.); *киноправда, кинохожденье, киномакулатура, киноолимп, киногород, кинобюрократ...*

После рассмотренных "героев" наступает количественный спад:

электро- (11) дает наименования технических (в том числе бытовых) агрегатов, приборов, явлений: *электрофен, электротехнология, электрогигант, электродуховка, электродепо* и т.п.; лишь одно — шутливое: *электродебри;*

авто- (автомобильный) (12): *автопатруль, автопроезд, автобокс, автопрогулка, автомагазин, автоочередь, автоджаз...*

авто- (сам) (4): *авторецензия, автоинтервью, автопилот, автоприемщица;*

агро- (агрономический) (9): *агростанция, агропромобъединение, агропромкомплекс, агроинститут, агроучение, агрообслуживание...*

фото- (8): *фоторобот, фотогалерея, фотозаставка, фотоковер, фотоголовка, фотолаборант, фотокиноаппаратура, фотоуведомление;*

гидро- (6): *гидротранспорт, гидробаза, гидроархеолог, гидростенд...*

био- (биологический) (7): *биоткань, биохимзавод, биопруд, биопрогноз, биометеопредвидение, биоадаптация;* перен. *биокомпьютер;*

энерго- (6): *энергопотенциал, энергослужба; энергоцех...*

авиа- (4): *авиасмотр, авиазвено, авиабомбежка, авиапосылка;*

вело- (4): *велоавтомобиль, велоирригация, веловладелец, велозапчасти;*

зоо- (3): *зооартель, зообытчик, зоопсихика;*

пневмо- (пневматический) (3): *пневмоустройство, пневмомешалка, пневмообдув;*

гелио- (2): *гелиоустройство, гелиокухня;*

изо- (изобразительный) (2): *изокомбинат, изоконкурс;*

метео- (метеорологический) (2): *метеоракета, метеоплощадка;*

мото- (мотоциклетный) (2): *мотовелотехника, мотоэкспедиция;*

спелео- (2): *спелеолечебница, спелеотерапия;*

стерео- (2): *стереомузыка, стереоквадрамагнитофон;*

термо- (термический) (2): *термопечь, термоупрочение;*

Второе по активности место занимает группа размерных уточнителей — заимствованные *мини-* и *микро-* и русские *полу-* и *пол-*. Элементы *мини-* и *микро-* обнаруживают очень большую активность: в НС-81 зарегистрированы 23 сочетания с *мини-* (отметим, что в Сл. Уш., БАС и МАС сочетаний с *мини-* нет). Часть их — термины, называющие новые явления из области техники, науки, производства, отличающиеся маленьким размером: *мини-лента, мини-робот, мини-теплица, мини-программа, мини-аэродром,* сувенир *мини-"жигули".* Однако основная масса сочетаний с *мини-* — это свободные соединения нетерминологического характера — *мини-городок, мини-зоопарк, мини-план, мини-сауна, мини-комплекс, мини-рассказ* и даже: *мини-ворона, мини-лошадь, мини-мышление, мини-церковь.* Сочетания с *мини-* используются в заголовках как средство выразительности: *Металл мини-домны; Мини-магниты.*

Микро- входит в меньшее число сочетаний — 16. Показательны толкования, которые дает этим элементам НС-81: *мини-* маленький, *микро-* небольшого размера. Эти толкования отражают факт синонимизации данных элементов в современном языке. Происходит изменение значения элемента *микро*, в результате чего его связи со словами *микрон, микроб* ослабевают, изменяется его внутренняя форма. Оно употребляется в соответствии со своим этимологическим значением (от греч. *mikros* — маленький), сохраняя первоначально свойственное ему значение 'мельчайший', 'видный лишь в микроскоп' в немногих терминологических образованиях: *микрооперация* (на глазе), *микротехника, микрохирургист.*

Сочетания *микровездеход, микрогрузовик, микропроспект, микроконкурс, микродрама, микрофабрика, микролимузин* (о санках) вполне могли бы содержать *мини-*. Как кажется, сочетания с *микро-* лишены

того оттенка шутливости, иронической насмешливости, которые свойственны многим соединениям с *мини-*.

НС-82 регистрирует продолжающуюся активность этих единиц, отмечая значительное число соединений с *мини-* и *микро-*:

мини- (15): *мини-такси, мини-гэс, мини-комбайн, мини-ловушка, мини-микрофон, мини-мотоцикл, мини-омнибус, мини-вычислитель; мини-образование; мини-договор* и т.д. Многие соединения с *мини-* именуют разновидности новых машин, механизмов, явлений;

микро- (20): входит в состав как терминов — *микроавиация* (о планерной авиации), *микросамолет* (о планере), *микроотпечаток, микроосмотр, микропрокат, микрофирма, микрофорум, микромишень*, так и в свободные сочетания — *микроогород, микрогородок, микродвойник, микро-ЧП, микростолкновение, микропоединок*...

В отличие от *мини-* и *микро-* элемент *макро-* (от греч. *makros* — большой) далеко не столь активен (3): *макропроект, макроколхоз макротираж*. НС-82 также дает лишь два соединения с *макро-* (*макровредитель*) и глагол (*макроувеличиваться*).

Ведут себя как слова также первые части *пол-* и *полу-*.

Пол- в значении 'половина' (10) выступает в сочетании с род. п.: *полкласса, пол-урока, полведерка, полрукава, пол-лица*...

Полу- в значении 'наполовину', 'не совсем' (13) — *получара, полупение, полуофицер, полутворчество, полужизнь, полуоговорка, полуангличанин-полуеврей, полуиспанка*...

Высокоактивен элемент *само-* (17), намного превосходящий своей употребительностью заимствованное *авто-* (4). Соединяется преимущественно со словами отвлеченной семантики: *самокритицизм, самоубеждение, саморевизия, самооткрытие, самоповтор, самоценность, самопремирование;* окк. *самопупство*. Ср. социальную значимость в наши дни терминов *самофинансирование, самоокупаемость*.

Группа элементов, являющихся сокращенными частями слов типа *гор-* (городской), *гос-* (государственный), гораздо менее активна. В отличие от единиц типа *теле, радио* в эту группу входят элементы, оканчивающиеся на согласный, что меняет структурный облик слова. Эта группа включает 15 единиц, повторяющихся более двух раз. Ни одна из них не отмечена более 10 раз. Самая высокая встречаемость у единицы *сельхоз* (6). Единицы *обл-, пром-, рай-* (районный), *секс-, спец-* отмечены по 5 раз, *сан-* (санитарный) — 4 раза, *гор-, гос-, кооп-, рем-* (ремонтный) — по 3 раза, *плав-, проф-, спорт-, строй-, тех-* — по 2 раза.

Часть таких единиц называет разновидности явлений, учреждений и т.п. с точки зрения сферы их действия. Это прежде всего *сельхоз-* (сельскохозяйственный) и *пром-* (промышленный), а также *сан-* (санитарный), *проф-* (профсоюзный и профессиональный), *спорт-* (спортивный), *спец-* (специальный), *кооп-* (кооперативный), *тех-* (технический), *строй-* (строительный), *плав-* (плавучий), *развед-* (разведывательный).

Соединения с *сельхоз-* (6) называют виды учреждений, связанные с сельским хозяйством: *сельхозвуз, сельхозпту, сельхозтехникум, сельхозцех;* ср. также: *сельхозоборот, сельхозвредители;*

пром- (5): *промколхоз, промстроительство, промпереработка;*
спец- (5): *спецвертолет, спецкласс, спецпропаганда, спецсессия;*
сан- (4): *сантехустройство, сантехприбор, сантехарматура;*
кооп- (3): *коопзверосовхоз, кооппродукция, коопунивермаг;*
рем- (3): *ремстройучасток, ремтрест, ремлетучка;*
тех- (2): *техусовершенствование, техобработка;*
проф- (профсоюзный) (1): *профверхушка;*
проф- (профессиональный) (1): *профучилище;*
развед- (2): *разведподразделение, разведтанк;*
спорт- (2): *спортподготовка, спорттехклуб;*
строй- (2): *стройгенплан, стройдвор.*

Сочетания с частями *обл-* (областной), *рай-* (районный), *гос-*, *гор-* называют разновидности учреждений и явлений, действующие в рамках определенного масштаба — области, района и т.д.:

обл- (5) входит в названия учреждений: *облуправление, облтурсовет, облсуд, облколхозстройобъединение, облсельхозуправление;*

рай- (5): *райотдел, райсельхозтехника, райзаготконтора, райспецобъединение, райспецхозобъединение;*

гор- (3): *горсправка, горторг, горбольница;*

гос- (3): *госкомиссия, госсортсеть, госпруд.*

НС-81 отмечает также случаи (порядка 40) единичного использования сокращенных элементов: *академотпуск, диетзал, допмясо, дорстрой, жилпоселок, коксохимпроизводство, культспорттовары, методсовет, мехмойка, морвокзал, мультконцерт, оперотдел, оргнедочет, педкабинет, племзверосовхоз, политорганы, потребобщество, продгигант, терсовет, торгточка, учсовет, химавиация, хозблок, экспортфильм, эмальцех;* с элементами на гласный (8): *алюмомедь, боезаряд, сейсмопартия, таксоплан, теавыпуск, хореодрама.*

О ХАРАКТЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОКРАЩЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Рассмотренные наименования независимо от того, считать ли их сложносокращенными существительными или сочетаниями с аналитическими прилагательными, отличаются от сложных существительных в функциональном отношении. Принадлежа сфере компрессивного словообразования, цель которого создавать сокращенные наименования, функционирующие наряду с параллельными полными (ср. *морской вокзал* и *морковзал, жилой поселок* и *жилпоселок*), подобные наименования в значительной мере тяготеют к обычной, неспециальной речи, хотя среди них есть и термины (типа *экоэнергетика, вибронасос*). Ср. слова, употребительные в обычной речи, как бытовой, так и профессиональной (типа *учсовет, методсовет, диетстоловая, спортинвентарь, педкабинет, академотпуск, спецчасть, техучеба*). Показательно, что многие образующиеся на наших глазах сложные наименования мгновенно преобразуются в сложносокращенные слова: *государственная приемка — госприемка.* Приведем еще несколько примеров из романа М. Ганиной "Пока живу — надеюсь", показывающих, что в авторской речи писателя — нашего современника употреб-

ляются сочетания с сокращениями (*стройпоезд;* инспектор *пожохраны; музаппаратура, авторынок*) и даже свободные сокращения: *"доп"* и *"спец" талоны.* Из разговора молодых женщин: **Б.** Я тут видела позавчера / одноактные балеты // **А.** Хорошие? **Б.** Это не *роки* и не *поп* / Это неизвестно что //; Сотня метров по коротенькой улице Годовикова разделяет спецшколу N 21 и среднюю школу N 287. Но только ли она?.. Может, школа *"спец"* — действительно уникальная?.. (М. пр. 1987).

Интересные наблюдения над употреблением сочетаний с полными и сокращенными прилагательными дает И. Грекова в повести "Кафедра" в речи лиц разного возраста (студентов и преподавателей-математиков): — Что вам нужно, девушка? — ... спросил Кравцов. — *Матлогику* сдать... *"Матлогика"*, — иронически повторил Терновский (он был на кафедре главным ревнителем чистоты языка). — Некогда сказать *"математическая логика". Матлогика, матстатистика, матанализ* — сплошной мат... Элла [молодой преподаватель], которая сама говорила *"матлогика"*, обиделась: — А почему нельзя? Говорите же вы *"сопромат"*, а не *"сопротивление материалов"...*? — Ну, это уже вошло в традицию.

Итак, характер функционирования резко отличает сочетания с первой сокращенной и второй полной частью и от собственно сложных слов, и от аббревиатур (в первую очередь буквенных и звуковых). На наш взгляд, именно характер функционирования является еще одним доказательством того, что подобные единицы являются скорее словосочетаниями, чем словами. Приведем пример из НС-81, показывающий, что первые части рассмотренных выше единиц используются как аналитические прилагательные в одном ряду с "обычными" прилагательными (об этом неоднократно писал М.В. Панов): *Автомотовело,* неизм. прил. Связанный с передвижением на автомобилях, мотоциклах и велосипедах. Испытанные в походах команды показывали свое мастерство во всех видах туризма: в *автомотовело,* в *горном* и *водном, спелео* и *пешеходном* (Ог.). Добавим, что НС-81 дает отдельную словарную статью и на *спелео* (с тем же примером), характеризуя и это слово как неизменяемое прилагательное. Это обстоятельство — свидетельство использования практической лексикографией новейшей современной теории.

Интересно отметить агглютинативный характер присоединения аналитических прилагательных друг к другу. Нередко встречаются единицы, включающие два-три таких элемента: *ремстройучасток, райзаготконтора, спорттехклуб, райсельхозтехника, райспецхозобъединение,* ср. приведенную выше единицу *автомотовело.* На границе слов-морфем не происходит взаимоприспособления, шов чист и прозрачен. Аналиты скрепляются меж собой, как части детского строительного конструктора, — легко и свободно.

Рассмотрим еще одну любопытную подробность. НС-81 содержит два прилагательных с первыми частями *мини-* и *микро-* (*миниэлектрический, микрочайный*), которые производят странное впечатление своей семантической анормальностью: что за *миниэлектрический* (маленькое электричество?) или *микрочайный* (мало чая?)? Дело в том, что

речь идет о *министуле* (а не о *миниэлектричестве*), о *микрофабрике* (а не о *микро-чае*), но *мини-* и *микро-*, как и следует свободным прилагательным, присоединяются к уже имеющимся сочетаниям *электрический стул, чайная фабрика*, вследствие чего НС-81 и выделил такие странные прилагательные. Особняком стоит слово *минитигриный* (прилагательное от *мини-тигр*), которое НС-81 трактует ошибочно как прибавление к прилагательному: *мини-* + *тигриный*. Эти факты еще раз показывают, что *мини-* и *микро-* ведут себя, как слова.

Вопрос о статусе сокращенных частей слов типа *электро-, энерго-*, а также единиц *мини-, микро-, полу-* и др. необходимо решать, рассматривая их функционирование в языке вообще, т.е. шире, чем в сочетании с существительными. Подобные единицы соединяются активно и с именами прилагательными:

электро- (8): *электроводяной, электропреобразовательный, электровагоноремонтный, электробуксировочный, электрорегулирующий...*

газо- (5): *газозаправочный, газотермозащитный, газоселективный...*

термо- (3): *термоупроченный, термоядерный, термоядернoракетный;*

энерго- (2): *энергоремонтный, энергонефтехимический;*

био- (2): *биокосмический, биоогнезащитный;*

фото- (2): *фотохронографический, фотогидравлический;*

агро- (1): *агроиндустриальный;*

гео- (1): *геосинхрональный;*

гидрогляцио- (1): *гидрогляциометеорологический;*

пневмо- (1): *пневмосортировочный.*

Элемент *полу-* (3) в значении 'наполовину' функционирует так же, как и при существительных: *полуприкрытый, полуразвалившийся, полупарализованный.*

Элемент *само-* активен (6), см. примеры выше.

Во многих случаях первая часть находится со второй в отношениях объектных, инструментальных, но не в отношениях сочинения, что как будто сближает подобные единицы со сложными словами. Так ли это? Думаю, что такое поведение частей типа *энерго-* не есть доказательство того, что они не сближаются с аналитическими прилагательными, но используются лишь как части слова. Напротив, они ведут себя подобно обычным относительным прилагательным, способным выражать разные виды отношений в сочетании с существительными (см. об этом: [Земская, 1991]). Компоненты типа *электро-, газо-* в соединении с прилагательными могут выражать как отношения однородности (вступая с последующим прилагательным в отношения сочинения: *электроводяной, газохимический, агроиндустриальный*), так и отношения подчинения (*электропреобразовательный, термоупроченный, газоселективный, энергоремонтный*).

РАСШИРЕНИЕ СОСТАВА АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Элементы рассматриваемого типа постоянно пополняют язык, включаясь в названия новых явлений общественной жизни, науки и техники, искусства и культуры, быта. В 80-е годы в язык входят и получают в

нем широкую сочетаемость элементы *диско-* и *видео-*. Прилагательное *дисковый* отмечено в НС-81 с таким толкованием: "Относящийся к *диску* (грампластинке, обычно долгоиграющей)". Отметим, что даже МАС (2-е изд.) не дает еще современного значения слова *диск* — 'пластинка', пришедшего из жаргонного словоупотребления.

В современном языке, однако, чаще, чем *дисковый*, используется аналитическое прилагательное *диско*. НС-81 дает (9): *дискодвижение, дискотеатр, дискобар, дискостиль, дискомода, дискорынок, дискострасти*, а также слова *дискография* и *дискосласти* (наркотики). Ср. также: *дискжокей*. НС-82 не отмечает сочетаний с *диско*, но включает слово *диско* в свободном употреблении: для современного *диско* (ЛГ. 1951). Ср. также: Мы с сыном работаем на одном заводе, — пишет инженер А. Полтавцев из Воронежа. — В свободное время занимаемся магнитофонными записями. Я люблю музыку прошлых лет, сын — современные ансамбли. Но в этом разногласий у нас нет. Я считаю: пусть записывает, что ему нравится — рок-музыку, *диско*... ведь в молодости мы тоже увлекались не только народными мелодиями; у каждого поколения своя музыка" (Пр. 1987).

Элемент *видео* зафиксирован в МАС-2 в трех словах: *видеозапись, видеомагнитофон, видеотелефон*. В НС-81: *видеодиск, видеоряд; видеоигровой, видеопереговорочный*. НС-82 добавляет: *видеобандит* (окк.) и *видеоигра*. Из газет 1986—1987 гг.: *видеосистема, видеосалон, видеоклуб, видеодело*, объединение *"Видеофильм", видеопленка, видеокафе, видеопрограмма, видеоцентр, видеозал, видеотехника, видеоустановка, видеокассета, видеообслуживание, видеопрокат, видеомонтаж, видеопродукция, видеозниклопедия, видеоклип, "видеобум", видеоотклики, видеоиндустрия, видеозаписи*.

А. Вознесенский пишет *"Видеопоэму"*:

Мой подельник
открывал продажу *видеоденег*.
Ведро *видеорублей*
стоит 5 золотых угрей.
Видеоатлеты. Видеопобеды.
За *видеоденьги — видеобеды.*
Видеоподписка. Видеоотставка.
Продается *видеомужик* с приставкой <...>
Видеозаботы. Видеосвободы.
В *видеосубботу* семеню
С *видеоработы* в *видеосемью.*
Видеоскотина, пои нас молоком!
Видеоскандируем, видеоживем. <...>
Видеосмирившись, видеонарод
в *видеомилицию видеоидет.*
Видеопрогнозы. Видеоразмах.
И *видеослезы* на похоронах.

Видео широко употребляется и самостоятельно для обозначения *видеомагнитофона*. Отмечаются производные: *видеофикация, видеотека* и жаргонного характера *видак* и *видяшник*: Не раз слышал здесь на переменах: "Смотрели вчера до часу ночи *видяшник*" (М. пр. 1987).

В середине 80-х годов активизируется элемент *рок-* (из *рок-н-ролл*). Показательно, что НС-81 не содержит слов с этим элементом, а НС-82

помещает лишь одно (*рок-ритм*). Этот элемент на наших глазах стремительно движется в направлении к аналитическому прилагательному. Газеты 1987 г. отражают бурную активность этого аналита, показывающую его словосочетательные возможности: *рок-клуб, рок-музыкант, рок-журналы, рок-еженедельники, рок-певица, рок-музыка, рок-коллектив, рок-ассоциация, рок-панорама, рок-исполнители, рок-артисты, рок-обозрение, рок-группа, рок-экспорт, рок-лаборатория.* Родилось производное имя лица: *рокер.*

СУФФИКСАЦИЯ

В ряду способов производства новообразований всех видов суффиксация является самым активным.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Способом суффиксации создаются многочисленные разряды имен существительных. Рассмотрим их, начиная с самых многочисленных.

Отвлеченные существительные

Имена отвлеченного признака и отвлеченного действия представляют собой значительные в количественном отношении (порядка 235 слов) активные категории. В каждом из этих разрядов имеется суффикс-лидер, который поставляет основное количество производных.

Имена признака

Имена признака образуются в основном суффиксами *-ость, -изм* и *-ство*. Наибольшее количество производных поставляет *-ость* (более 90). Он лидирует, как и ранее, устраняя ограничения, присущие его сочетаемости в XIX — начале XX в.[Русский язык..., 1968б, 136—143]. Слова на *-ость* свободно образуются от качественных и относительных прилагательных, причастий на *-мый* и *-нный.*

Значительную часть отмеченных слов (20) составляет профессиональная и терминологическая лексика техники и различных наук: *эродированность, скоординированность, "суммативность", автотрофность, массоемкость, щебнистость, мифологичность, кризисность, репертуарность; разворотливость;* от причастий на *-нный*: *переключенность, раскрепощенность, нахватанность, раздавленность, расстроенность; обустроенность;* с приставкой *за-* (5): *закустаренность, залесенность, закисленность, заземленность* ('загрязненность землей', в проф. речи); производные на *-мость* (4), как соотносительные с причастиями, так и образуемые непосредственно от глаголов (*поспеваемость, пылеподнимаемость;* ироническое пародирование термина: "наблюдается, говоря деловым языком, некоторая *прихрамываемость*". — Пр.).

Создаются отдельные производные и от прилагательных с суф. *-ск-*

и *-ов-*, которые всегда противостояли сочетаемости с суф. *-ость*: *свойскость, дневниковость.*

Существительные на *-ость* функционируют во всех сферах языка. Язык публицистики насыщен ими. Они свойственны и языку науки, и языку художественной литературы, и живому РЯ. Несколько примеров неузуальных слов: *голость, застылость, надмирность, бурбонистость;* некоторые слова даются в кавычках, что показывает их необычность: *"среднесть", "младшесть", "дежурность".*

Обращает на себя внимание тот факт, что значительный пласт базовых основ составляют слова не первой ступени словообразования, а именно префиксальные (особенно много с приставкой *не-*), сложные (особенно с *много-*): *быстротекучесть, малопонятность, воспаренность, горбоносость, тупорылость, разновозрастность; многогеройность, многоформенность, многоязычность; неостановимость, неоглядность, незаправдашность, неумытость, нехлипкость, нелинейность, неухоженность, небанальность.* Нарушающими нормы языка представляются образования *невыцветость* (Юн.), *неджентльментность* (Изв.). Отвечают нормам словообразования: *невыцветший — невыцветшесть,* ср. выше *младший — младшесть; неджентльменский — неджентльменскость.*

Некоторые слова с *много-* и *не-*, трактуемые здесь как производные от соответствующих прилагательных с помощью суф. *-ость*, могут рассматриваться как произведенные словосложением (*много* + + существительное на *-ость*) или префиксацией (*не* + существительное на *-ость*), т.е. имеют множественную мотивацию.

Суф. *-изм* и *-ство* не обладают такой активностью. Каждый дает приблизительно по 15 производных. Существительные на *-изм* и *-ство* имеют семантическую специализацию, однако в отдельных случаях синонимизируются.

Суф. *-изм* производит от адъективных и субстантивных основ существительные, обозначающие направления искусства, общественные течения, свойства и т.п. (15): *континенталиэм, фактографизм, полифонизм, синтетизм, пейзажизм, копиизм, элегизм;* от имен собственных: *дженсенизм.* Имеет окказиональный характер: *хулиганизм* (ср. *хулиганство*).

Существительные на *-ство*, произведенные от основ существительных (преимущественно имен лиц) и прилагательных, обозначают свойство, состояние, как профессиональное, так и непрофессиональное: *депутатство, лесничество, приключенчество, подонство* (в разг. речи, презр.), *однополчанство, холостячество, наемничество.*

В производных от имен лиц, в том числе от фамилий, слова на *-ство* и *-изм* могут иметь одно общее значение — свойства. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие иллюстрации, в которых общее категориальное значение свойства выражается производными на *-ство* и *-изм*: обстановка *"фюрерства"* или *"дучизма"* (К. пр. 1981), тема *моцартианства* и *сальеризма* (ЛГ. 1981).

Существительные с суф. *-инк(а)* (7) обозначают слабую степень проявления признака. Они являют собой область пристрастия публи-

цистов, производятся от основ не только прилагательных, но и существительных и глаголов: *жари́нка, нахалинка, блестинка, быстринка, распадинка.* Этот тип слов, очень активный в нетребовательной публицистике и художественной литературе, нередко используется как средство пародирования: *крокодилинки* охотничьи (название серии рисунков на охотничьи темы. — Кр.); "Ироническая поэзия", заголовок: *Доремифасолинки* (ЛГ).

Производные прочих типов представлены единицами: *"распутинщина", "милота"; бездонь, пьянь.* Отметим, что в наши дни суф. *-щина* проявляет большую активность в создании производных от наименований фамилий известных деятелей, для обозначения негативных общественных явлений, политических течений и т.п.: *алиевщина, рашидовщина, лысенковщина* и под. Например: ...разрушительное, деформирующее, антигуманное действие *сталинщины, сусловщины, брежневщины* особенно болезненно дало себя знать (ЛГ. 1989. 23 авг.).

Имена действия

Имена действия уступают по численности (95) именам признака. Проявляют активность, по данным НС-81, четыре типа производных — на *-ние* (36), *-ка* (20), *-∅* (20) и *-изация/-ация* (12).

Слова на *-ние* не имеют ограничений в сферах функционирования: свойственны языку науки и техники, разных областей производства, деловой и художественной речи, языку публицистики, РЯ (см.: [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]). НС-81 дает около 20 терминов: *дистанцирование, генерирование, комбайнирование, затаривание, цунамирайонирование, обмелование, опрессование, подпаривание, отслеживание, разукрупнение, корпушение* (заключение готового механизма в корпус) и др.; одно производное на *-тие*: *размытие.*

Значительную часть слов на *-ние* составляют единицы, свободно порожденные в тексте: *пощипывание, пофукивание, жваканье, береженье, потупление* (глаз), *переоблачение, мельтешение.* Ср. также: Душевный дискомфорт из-за *раздвоения* или даже *растроения...* (НМ. 1981). В таких случаях "базовый" глагол может отсутствовать: *оразумление* (геологической оболочки), *природнение* (от потенц. *природнить*).

Суф. *-к(а)* дает около 20 производных, свойственных преимущественно профессиональной речи, например: *расчасовка* — распределение учебных часов по темам (в разг. проф. речи); *доводка* (в разг. проф. речи); *подработка — доведение до кондиции* (семян, зерна) (в разг. проф. речи); *закольцовка, обваловка, разукомплектовка, поддувка, "расшивка".*

Некоторые из производных имеют сниженный характер, закреплены за РЯ и просторечием: *переглажка, переглядки; ржачка* — смех (в просторечии, грубо).

НС-81 дает помету "в разг. речи" при словах *накрутка* (включение в платежный документ невыполненной работы, приписка), *надпечатка* (выполненная типографским способом надпись на чем-либо), что представляется сомнительным.

Слово *накрутка* — профессионализм, о чем свидетельствует и приведенная в словаре иллюстрация: Самая распространенная форма обсчета хозяйств — это финансовые *"накрутки"* на запчасти. Что имеется в виду? Станции технического обслуживания лишь отпускают на ремонт машин запчасти, а оформляют часто так, будто он произведен ими (Изв. 1981. 25 сент.).

Существительное *надпечатка,* на наш взгляд, также профессионализм или же нейтральное литературное слово: *Надпечатки* по серому картону коробок сомнений не оставляли: это обувь московского объединения "Восток" (Ог. 1981. N 38. С. 17).

Сниженный характер имеет неузуальное *нервировка* (Кр.), ср. *нервирование.*

Отдельным производным на *-к(а)* свойственно не процессуальное, а конкретное значение: *выгородка* — выгороженная часть съемочной площадки (в проф. речи); *отвилка* (*отвилки* между грядками).

НС-81 фиксирует порядка 20 имен действия с нулевым суффиксом. Значительная их часть — профессионализмы: *набрызг; чёс* — о быстро выполняемом большом количестве гастрольных выступлений (в разг. проф. речи, неодобр.). Ср. также: *просверк, защелк, загляд, загад, взбрык, тек, подпыл.* Помету "в грубом просторечии" имеет *всос* (попойка).

Некоторые из слов с нулевым суффиксом имеют не процессуальное, но конкретное значение: *задир* (задранное место на чем-либо), *заезд* (вступительная часть статьи), *выезд* (заключительная часть статьи; в разг. проф. речи).

Производные на *-изация/-ация* по семантике своеобразны. Они обозначают процесс наделения тем, что называет базовая именная основа, процесс придания признаков, свойственных тому, что называет базовая основа. При этом часто соответствующие глаголы отсутствуют: *ракетизация* (оснащение боевыми ракетами); *электронизация; канадизация, этизация, нефтезация, атомизация, примитивизация.*

В отдельных случаях зафиксированы и соответствующие глаголы: *нуклеаризация* — разделение семьи, отделение от нее взрослых детей (в проф. речи): Современная семья *нуклеаризуется* (К. пр).

Единичные производные, не дающие рядов, таковы: разг. *мельтешня, грохотня;* индивид. *прорежина, кипеж* (жарг.); сниженные: *приберуха, оглядушка, подметь, ознобица.*

Имена лиц

Лишь небольшую часть этой группы составляют наименования лиц по профессии (19) Это в основном производные от имен (17).

Слова на *-щик/-чик* (10) — наименования по объекту трудовой деятельности (*метеоритчик* — изучает, *метеоракетчик* — запускает, *доторщик* — производит, *антенщик* — сооружает), инструменту (*бензопильщик*), месту деятельности (*районщик*), количеству выпускаемой продукции (*миллионщик*).

Слова на *-ник* (6): *авиационник, линейник, коммунальник, изоляционник, тампонажник, вагонник;*

на *-ист* (2): *дефектоскопист, секвантист.*

Отглагольные (2): *раскрежовщик* и — с явлением вторичной суффиксации — *вулканизаторщик.*

Среди непрофессиональных наименований лиц выделяются отглагольные производные — названия лиц по действию узуальному или актуальному, формируемые с помощью различных суффиксов (22):

-льщик (7): *разбиральщик, дразнильщик* (зверей), *доставальщик, проверяльщик, хотельщик.* Функционируют в РЯ и просторечии...;

-тель (8): *хлопотатель, убегатель* (от жизни), *воспринимателъ, изучатель, освоитель, закрыватель* (тот, кто "закрывает", запрещает), *черпатель...* Функционируют преимущественно в публицистике;

-л(а) (3) слова-характеристики: *водила* (о плохом шофере), *подвывала* (о том, кто поддерживает чужое мнение), *варила* (о сварщике);

-щик (4): *перестройщик, планировщик, аыаайщик* (индивид.), *транжирщик.*

Отыменные разделяются на несколько семантических групп. Наиболее активно обозначение членов какого-либо коллектива, учреждения, группы лиц (18):

-овец (13): производные от аббревиатур (*ооновец, студстроевец, кюмовец, ко́ровец, катéковец, вторчерметовец, сельмашевец, легпищемашевец, юаровец*) и от названий учреждений, государств и т.п. (*саудовец, дружковец* — от названия клуба "Дружок")...;

-ец (производных без интерфикса *-ов-* всего 2): *"гималайцы"* (члены комитета по подготовке экспедиции на Гималаи); *аландцы* (жители Аландских островов);

-(ш)ник (3): *пэтзушник, гэпзушник, окэдзшник.*

Производные на *-шник* и *-овец* продуктивны в РЯ. Фиксируются разнообразные наименования лиц, имеющие качественно-характеризующий характер. Их формируют суффиксы:

-ник (14) — от субстантивных и адъективных основ. Нередко мотивация может быть двойственной, например *льготник* (от *льгота* и *льготный*). В случае адъективных основ выделяется суф. *-ик* с предшествующим *-н-*: *злободневник, приусадебник.* Однако для нашей работы это разграничение не имеет существенного значения, потому что все эти отыменные производные противостоят как единый класс словам отглагольным. Еще несколько примеров: *полубалльник* (абитуриент, не добравший на конкурсных экзаменах полбалла; разг. речь), *чердачник, серорубашечник, прибаутник, монбланник.* Как видим, эта группа не представляет единства в ономасиологическом отношении: все наименования даются по разным признакам. Особо выделяются слова-квантификаторы: *двухтысячник* (комбайнер, намолотивший за сутки две тысячи центнеров зерна), *полуторатысячник.* Отмечено также окказиональное с интерфиксом *-ш-*: *оторвишник.* То же, что *оторвиголова* (в просторечии);

-ист (9): *буквалист, монологист* (о писателе); *дуалист; ансамблист; насерист* (последователь Насера); индивид. *белибердист, абракадаврист, каппутист* ("идущий по капиталистическому пути"); см. также *лоббисты* — это толкачи гонки вооружений... (Изв. 1981);

-щик (5): *патриархальщик, индивидуальщик, самодельщик...*

-ик, *-(ов)ик* (3): *носатик; кроссовик, боевик;*
-арь (3): в просторечии — *хиппарь, тупарь;* в РЯ — *технарь;*
-'ага (2): *родняга, жиделяга;*
-'ашка (2): *простяшка, непутяшка;*
-ец (2): *бережливец, нечерноземец;*
-чик (1): *неотразимчик;*
-ак и *-ыш*: *первак* и *первыш* (первоклассник).

Отдельных производных, не составляющих активных групп, отмечено около 20. Назовем некоторые: *тянучка, бегунок, притырок.*

Рассмотрение суффиксальных имен лиц показывает:

1) незначительное число профессиональных обозначений по сравнению с непрофессиональными;

2) активность в сфере наименований профессий субстантивных основ, создающих ономасиологические структуры, обозначающие отношение к объекту, материалу, инструменту;

3) активность глаголов в обозначении лиц по непрофессиональному действию;

4) активность ономасиологической группы 'член коллектива', порождающей номинации, актуальные для характеристики различных сфер нашей жизни;

5) разнообразие средств построения слов-характеристик. В этой группе — при наличии большого количества средств выражения — нет суффикса-лидера. Этому явлению можно дать такую интерпретацию: слова-характеристики, являясь прежде всего экспрессивным средством языка, не терпят единообразия средств выражения. Оно им противопоказано.

Наименования женщин

Наименования женщин представлены небогато. Всего зафиксировано около 30 производных. Выделяются несколько групп.

Наименования по профессиям с суф. *-щица*, соотносительные с наименованиями мужчин на *-щик* (7): *дефектовщица, дезактиваровщица, чайханщица, забойщица* (спорт.) и др.; слова *светокопировщица, стеклопротирщица* и под. могут рассматриваться скорее как производные от сложных слов, чем как образованные словосложением.

Суф. *-ка-* дает семь производных; из них три наименования по профессии: *автопилотка;* два имеют помету "в разг. речи": *бригадирка, счетоводка.* Наименования спортивные: *многоборка, автотуристка;* прочие: *прототипка, спиритистка.*

Остальные суффиксы порождают только непрофессиональные наименования. Суф. *-ница*, соотносительный с суф. *-тель* в словах муж. рода, дает три производных с глагольными основами: *вспоминательница, опылительница, долгожительница; -ник/-ница* дает одно отглагольное производное (*путаница*) и шесть отыменных.

Кроме того, зафиксированы единичные производные на *-ица*, соотносительные с существительными муж. рода на *-ец* (2): *хранилица, знакомица; -иха* (1): *шеф-повариха; -ша* (1): *генерал-майорша.*

Оценочные и размерные наименования

Подобные существительные, нередко совмещающие оценочное значение с размерным, образуются с помощью многочисленных суффиксов. Наиболее активны *-к(а), -ок-*, присоединяемые как к основам бессуффиксальным (5): *деталька, культурка,* так и к суффиксальным (в том числе уже включающим суффикс субъективной оценки (14): *сферочка, хохоточек, столбушок, пятиугольничек* и т.п. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть производных относится к непервым ступеням деривации: *пропласточек* (ср. *пласт — пропласт — пропласток — пропласточек*). Много производных от книжных, специальных слов.

Суф. *-чик* дает 12 производных, преимущественно книжных и профессиональных, не только конкретно-предметной семантики, но и имен действия: *аэродромчик, конгрессменчик, пунктирчик, массивчик, катамаранчик, клептоманчик, бумчик, самосвальчик, наборчик, срывчик, перекурчик.*

Прочие суффиксы порождают небольшое число производных (от 6 до 1):

-ик (6): *самолетик, мускатик, плакатик, объектик, анекдотик, зампредик;*

-ец, -иц- (5): *грабельцы, слезца, разгонец, крепостица, оплечьице.*

Яркой окраской экспрессивной сниженности обладают:

-ишк- (4): *катеришка, нефтишка, мешочишко, генералишко.* Выражают уничижительно-презрительное отношение;

-ешк(а) (2): *машинешка, грамотешка.* Также выражают пренебрежение;

-ульк(а) (1) подчеркнуто обозначает малость в сочетании с ласкательностью (*грамулька*).

Увеличительность выражается реже и меньшим числом средств:

-ищ- (4): *делище, драконище, гюрзища, пестротища;*

-ин(а) (3): *бугаина* (о человеке; в грубом просторечии), *кашеедина, холмогорина.*

Производные с суф. *-ух(а), -ох(а)* и *-'аг(а)* отличаются яркой сниженностью, свойственны просторечию и жаргонам (7): *игруха, плясуха, обьедуха, кирзуха; картоха; деревяга.* Одно производное (*сарайка*) принадлежит просторечию не в силу своей экспрессивной сниженности, но потому, что от слова муж. рода *сарай* по нормам литературного языка должно быть *сарайчик.* НС-81 дает: *сарайка* — небольшой сарай (в просторечии).

Имена предметов

Имена предметов не имеют в русском словообразовании четкого формального противопоставления именам лиц. Они используют те же суффиксы, что и имена лиц (*-тель, -щик, -ник*). Кроме того, существуют отдельные небольшие тематические группы производных, за которыми закреплены специализированные средства выражения (см. о них ниже). Основной же массив предметных именований создается суффиксальной универбацией.

Суффиксальная универбация (порядка 40 слов), т.е. производство од-

нословных наименований на базе синонимичных словосочетаний, была продуктивна в языке предшествующего периода преимущественно в РЯ. НС-81 показывает действенность универбации и в наши дни. Зарегистрировано 28 образований на *-к(а)*; производные с другими суффиксами (*-ик, -ник, -овик*) единичны. Многие из таких слов представляют собой профессиональные обозначения, полученные путем сокращения длинных официальных наименований: *витаминка* (витаминно-травяная мука); *молодежка* (молодежная газета); *первичка* (первичная комсомольская организация; отметим, что этим словом обозначают и первичную партийную организацию); *испанка* (испанская партия — вариант шахматного дебюта); *повременка* (повременная оплата труда); *парадка* (парадная форма); *неперспективка* (о небольшой, удаленной от центральной усадьбы колхоза или совхоза деревне); *малодворка* (о деревне); *марлевка* (о ткани); *кольцовка* (железнодорожный состав, предназначенный для перевозок каких-либо грузов по кольцевому маршруту); *аварийка* (автомобиль, потерпевший аварию).

Тематического единства эти производные не представляют. Выделяется небольшая группа названий помещений, учреждений: *гримерка, корабелка, учебка.*

Значительную часть универбатов составляют свойственные профессиональной речи и РЯ слова-квантификаторы: *пятиэтажка, четырехэтажка, многоквартирка* (о домах), *трехминутка* (о собрании), *сорокапятка* (пластинка с записью 45 оборотов в минуту), *трехкаменка* (кольцо с тремя камнями).

Интересна в этом отношении словарная статья *десятка*, дающая три значения слова: 1. Высшая оценка в соревнованиях по гимнастике — десять баллов (в разг. речи). 2. Группа из десяти человек. 3. О странах — членах Европейского экономического сообщества. Ср. шутливое *четверостишки* (четверостишия).

Универбатов с суф. *-ик* около 10: *кассетник* (кассетный магнитофон), *молочник* (теленок, питающийся только молоком) и др.

Основную часть производных на *-ник* составляют слова-квантификаторы — названия машин, механизмов, агрегатов. Эти слова — типическая примета нашего времени. С помощью суф. *-ик* или *-ник* образуются существительные, именующие в первую очередь механизмы по количеству чего-то (выпускаемой продукции, пройденных километров, энергетической мощности и т.п.): *полумиллионник* (о турбине мощностью в 500 тыс. квт.), *трехсоттысячник* (о турбине мощностью в 300 тыс. квт.), *стотонник* (автопоезд, способный перевезти 100 тонн зерна за один рейс); *восьмитонник* (транспортное или подъемное устройство грузоподъемностью до 8 тонн).

Слова такого типа свойственны профессиональной нестрогой речи, они удобны тем, что сокращают длинные официальные наименования терминологического характера.

Способом универбации также образуются названия монет: *десятицентовик.*

Единично профессиональное производное на *-ашк(а)*: *горняшка* (горная болезнь).

Рассматривая сферу предметных наименований, мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что это именно та область русского словообразования, в которой проявляют особую активность иноязычные морфемы. Многие из них заполняют лакуны или слабые места словообразовательной системы, принимая на себя выражение разного рода специализированных предметных значений — 'механизм', 'средство передвижения', 'собрание чего-то', 'место для испытаний', 'вещество', 'минерал' и ряд других. Одни из заимствованных морфем мирно сосуществуют с исконно русскими, другие — держатся особняком.

Названия механизмов, машин, агрегатов

Названия механизмов, машин, агрегатов не дают единой в структурном отношении и значительной по количеству группы лексики. Выделяются несколько небольших подгрупп:

1. Слова-квантификаторы типа *стотонник* (см. о них выше).

2. Отдельные отглагольные производные, называющие механизм по действию. Как правило, соотносятся с префиксальными глаголами, называющими определенным образом конкретизированные действия: *откормочник, выгружатель, мигалка* (об автомобиле).

3. Для обозначения средств передвижения типа автомобиля и автобуса используются в качестве конструктивных элементов части *-мобиль* (1) и *-бус*: *Ветромобиль* — транспорт, по внешнему виду напоминающий буер на трех колесах (Н.).

В НС-81 представлены три слова на *-бус*: *рочабус*: По улицам Перу... ползли *"рочабусы"* (К. пр.); *магнибус; космотобус* — придумано детьми (скорее следовало бы *космобус*): Читаю вывеску над ларьком: "Бесплатное мороженое". А вот по космическому городку идет странная машина — *"космотобус"* (К. пр. 1981). Наличие этих слов, хотя они и являются "ненастоящими" названиями (это или имена зарубежных реалий, или плод детской фантазии), повышает активность элемента *-бус*, увеличивает его "аффиксальность" (о словах на *-мобиль* и *-бус* см. подробнее в гл. III).

4. Четыре слова с элементом *-фон* — названия приборов, связанных с прослушиванием: *кардиофон, кассетофон, виброфон, домофон;* ср. также *таксофон.*

5. Зарегистрированы три слова, соотносительные с глаголами на *-ировать* и включающих суф. *-атор*: названия приборов (*нейтрализатор*), агрегатов (*дезинтегратор*), средства (*интенсификатор*).

6. Формант *-метр* производит названия измерительных приборов (1): *анизейкониметр* (прибор для определения анизейконии); ср. *спиртометр.*

Активность заимствованных элементов *-фон, -метр* и *-(а)тор* обнаруживается в том, что они сочетаются и с русскими основами (ср. *стеклометр, испарометр, работометр; домофон*). Ср. также названия приборов с элементом *-граф*: *тумановграф, росограф, конфликтограф.*

Названия веществ, минералов

Названия минералов, новых материалов, веществ формируются суф. *-ит* (4): *монголит* (минерал, открыт в Монголии), *клиноптилолит* (минерал); *костролит* (строительный материал, в котором используется костра), *кубонит* (искусственный материал).

Названия наук

В НС-81 зарегистрированы четыре производных с суф. *-(ист)ика*: *орнаменталистика, клинцистика; криогеника, фитотроника.*

Значение невзрослости

Значение невзрослости выражают слова с суф. *-'онок/-'ата*, обладающим высокой степенью продуктивности в русском языке. Однако в НС-81 этот разряд слов представлен небогато. Этот суффикс формирует группу производных, в которую входят: названия детенышей животных (2): *дельфиненок, пустельжонок;* названия невзрослых лиц по профессии (1): *штурманенок* (в разг. речи). Кроме того, с помощью этого суффикса создаются от неодушевленных существительных производные, в которых значение невзрослости метафорически переосмысленно — нечто неодушевленное изображается как живое, с оттенком ласковости (см.: [Янко-Триницкая, 1969]): *тополенок, тополята; волнушата* (от названия гриба *волнушка*).

Локальность

Локальные обозначения (мест, пространств, территорий) не образуют структурно единой и большой группы. Отмечено лишь 10 слов.

От имен (4): *шлаковик* — место накопления шлака; *конюховка* — помещение для конюхов; *щербатина* — пустое место в каком-л. ряду; окказ. *бычатник.* Пример свидетельствует об активности суффикса: Телятник этот правильнее назвать *бычатником* — там такие бугаи (В. Крупин. Сороковой день. — НС).

От глаголов (3): *тягун* — длинный участок дороги, идущий вверх (в разг. проф. речи); *сыпунец* — территория, занятая сыпучими песками. Одно отглагольное производное с суф. *-лк(а)* по типу *читалка, раздевалка*: *высыпалка* — морг (в разг. проф. речи; иронич. 'место, где высыпаются').

НС-81 дает три слова с элементом *-дром*, активизировавшимся в последние десятилетия для выражения специализированных пространственных значений — 'место для испытаний' (см. об этом подробнее в гл. III): *авторакетородром, камнедром* (индивид.), окказ. *психодром.*

Значение собирательности

Значение собирательности в НС-81 находит слабое отражение (6): с суф. *-иад(а)* (3): *шекспириада; Галактиада, террориада;* с суф. *-ник* 'собрание чего-то словесного в виде книги' (2): *опросник, темник;* с суф. *-аж* (1): *строкаж.*

Значение единичности представлено несколькими словами с суф. *-ин-* (3): *брючина, колоколина;* окказ. шутл. *раздумины.*

Зарегистрированы три слова с суф. *-оид,* выражающие значение подобия: *шизоид, фашизоид, плазмоид.*

Значение инструментальности представлено двумя существительными — с суф. *-лк(а)*: *выживалка* (накидки из алюминия под названием "выживалка") (К. пр.); с суф. *-ло*: *колотило.*

Следует отметить, что целый ряд словообразовательных значений и продуктивных в русском языке суффиксов не зафиксирован в НС-81 либо нашел незначительное отражение. Так, из высокопродуктивного типа слов со значением 'мясо животного' зарегистрировано лишь одно: *кабанятина.* Вместе с тем некоторые аффиксы, действие которых ограничено, малопродуктивно, порождают слова с вполне определенным словообразовательным значением. Так, суф. *-ит* со значением 'заболевание', 'воспаление' дает существительное *голландит* — об общественном движении в ряде западноевропейских стран против ядерного и ракетного вооружения в Европе; впервые получило широкое распространение в Голландии: [натовские генералы] стали открыто высказывать опасения, что *"голландская болезнь",* или *"голландит",* как они ее назвали, перекинется на другие страны Европы. Ср. окказионализм К. Чуковского *канцелярит.*

Итак, постепенно мы переходим в сферу неузуального словообразования.

Рассмотренные выше явления субстантивной суффиксации можно обобщить, перечислив разряды суффиксальных существительных:

Отвлеченные существительные	235
имя признака	140
имя действия	95
Имена лиц	122
профессиональные	19
от имен	17
от глаголов	2
непрофессиональные	103
от имен	61
от глаголов	22
нетиповые	20
Женскость	30
Оценочные и размерные	65
Универбация	40
Машины	20
Вещество	4
Науки	4
Невзрослость	5
Локальность	10
Собирательность	6
Единичность	3
Инструментальность	2
Мясо	1
Заболевание	1
Неузуальные	8
Всего	556

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Производство имен прилагательных дает четкую картину противопоставления разрядов качественных и относительных имен по степени активности. В то время как относительные прилагательные порождают десятки суффиксальных производных от всех новых наименований, в том числе терминологических, суффиксальное производство качественных прилагательных малоактивно.

Относительные прилагательные

В сфере производства относительных прилагательных (ОП) обнаруживают активность те же наиболее продуктивные суффиксы *-н-*, *-ов-* и *-ск-* (с интерфиксами и без них), которые были наиболее действенны и в предшествующие периоды развития русского языка. С помощью этих суффиксов образуются основные разряды ОП.

Суф. *-ск-* (чаще с интерфиксом *-ов-*) образует производные от названий учреждений, вузов и т.п., многие из которых являются сложносокращенными словами и аббревиатурами (12 слов): *вторчерметовский, сельповский, промовский, сельсоветовский, госснабовский, самиздатовский, швейпромовский; мясокомбинатский, метрополитеновский...;*

от географических названий (8): *микронезийский, сантомийский, бенинский, замбийский, гваделупский, свазилендский* и др.;

от существительных с иноязычными корнями — названий наук, отвлеченных понятий и т.п. производятся прилагательные на *-ический, -ионный, -альный, -ивный, -ичный, -ативный* (всего 27) типа *аксиологический, эпонимический, ситуалогический, аэрофотометрический, геополитический, гидравлический, архетипический, контркультурнический; рецензионный, оккупационный, демонстрационный, конфронтационный, африкационный, импрессионный; континуальный; суммативный.*

От имен лиц образуются прилагательные на *-ский, -(ов)ский* типа *фернанделевский, дед-Морозовский, хлестаковский, неофитский.*

Очевидно, что подобные прилагательные, как свободные структуры, обладающие неограниченной активностью, могли быть образованы в любое время и только случайность словарной фиксации "прикрепила" их к 1981 г.

Слова на *-истский, -истический, -еский, -ческий* соотносятся и с именами лиц, и с отвлеченными понятиями. Ср.: *трезвеннический* (относящийся к *трезвенничеству, трезвенникам*), *нонконформистский, континенталистский* (относящийся к *континентализму*), *сахароводческий.*

С помощью суф. *-ов-* и *-н-* ОП образуются преимущественно от существительных предметной и вещественной семантики.

Суф. *-ов-* производит прилагательные от основ существительных — наименований новых материалов, веществ, минералов и т.п. (12): *кубонит — кубонитовый, фианит — фианитовый, шлам — шламовый, куалюд — куалюдовый, алгопорит — алгопоритовый...* Все подобные прилагательные толкуются так: 'относящийся к...', 'изготовленный из...';

от названий механизмов и явлений, связанных с техникой, наукой, культурой: *фьюминг* (печь) — *фьюминговый, фильтрпресс — фильтрпрессовый, диск — дисковый;* единичное производное от уменьшительного: *ручейковый;* от отглагольного существительного: *полет — полетовый.*

Суф. *-н-* производит прилагательные от существительных разнообразной семантики, в том числе от наименований артефактов — механизмов, машин и т.п. (35): *хлебовоз — хлебовозный, сеновоз — сеновозный, скруббер — скрубберный, лидар — лидарный, кардиофон — кардиофонный, ветроход — ветроходный, монитор — мониторный, колготы — колготный, джин — джинный, компенсаторный, телерекламный, сверхдержавный, товарооборотный, антисывороточный, госбюджетный, общестудийный...;*

от существительного с предлогом (2): *погрудный, поблочный;* от основ наречий (3): *впорный, пополамный, понарошечный.*

Изредка фиксируются разносуффиксные производные от одной основы: *ноосфера — ноосферный* и *ноосферический, фи́рма — фи́рменный* и *фирмо́вый — фирмо́вый* (с дифференциацией семантики).

Кроме того, с помощью суф. *-н-*, а также *-тельн-, -льн-, -очн-* образуются производные от основ глаголов и отглагольных существительных такого типа, как *разработка — разработочный* (относящийся к разработке), *разворот — разворотный* (предназначенный для разворота), *отпарочный, авиасборочный; -тельн-* (5): три из пяти производных относятся к профессионной речи (*перераспределительный, укрупнительный, насекательный*); кроме того: *согласительный, отдохновительный.*

Слова с суф. *-льн-* (4) отражают, скорее, индивидуальное словоупотребление. Три одноструктурных производных отмечены в стихах: Эта песня колыбельная, *укачальная, засыпальная.* Эта песенка *шептальная,* говорная, молчальная (Е. Кацюба). Ср. также: *кропотильный.*

Качественные прилагательные

Качественных прилагательных около 30. Они образуются как от глагольных, так и от субстантивных основ с помощью различных суффиксов, каждый из которых не обладает особой активностью. От основ существительных — 18 слов.

От основ неодушевленных (12) наиболее активен суф. *-ист-* (5): *шевелюристый* (в разг. речи), *гармонистый, бахромистый, кубатуристый, хлябистый;* от основы прилагательного (1) — *смолянистый;*
-аст- (1): *животастый;*
-н- (1): *беготной;*
-оват- (1): *-иловатый.*
От основ одушевленных (6) с помощью суффиксов:
-н- (3): *алкашный, зверной, крохотульный;*
-j- (3): *ребеночий;* по этому же типу: *сорнячий, кизячий;*
-ин- (1): *сорочиный.*
От основ глаголов (11) посредством суффиксов:
-л- (3): *задичалый, посмуглелый, доошалелый;*

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

-чив- (2): *проломчивый, протекчивый;*
-аст- (1): *загребастый;*
-ист- (1): *разлетистый;*
-к- (1): *лежкий;*
-лив- (1): *дрожливый;*
-уч- (1): *блескучий.*

Притяжательные прилагательные

Притяжательное прилагательное — одно (*Гулливеров*).

Обрисованная картина соотношения аффиксального производства в сфере качественных и относительных прилагательных не отражает соотношения качественных и относительных значений прилагательных, так как качественные значения выражаются не только с помощью специализированных аффиксов, но и иным путем. В языке все время идет процесс развития качественных значений у ОП (см. подробнее: [Земская, 1991]). Толкования словаря НС-81 фиксируют разные стадии этого процесса. Значение свойственности ('характерный для того, что называет базовое слово', 'свойственный тому, что называет базовое слово') находится на пути от собственно относительного к качественному: *новеллный* (характерный для новеллы) — *новеллное мышление; романсовый* (такой, как в романсах, сентиментальный); *капустниковый* (присущий капустнику, легкий, развлекательный). В таких случаях обычно краткая форма отсутствует. Наличие краткой формы свидетельствует о более сильном продвижении в сторону качественности: *"плакатный.* Характерный для жанра плаката. И актер здесь несколько скован, *плакатен".* Вряд ли возможно *новеллен, капустников, романсов.*

О наличии у прилагательного качественного значения свидетельствует то обстоятельство, что в некоторых толкованиях отсутствует базовое слово. Вот ряд типических толкований подобных прилагательных: *кирпичный* — очень твердый; *кипятковый* — очень горячий; *баскетбольный* — высокий, выше обычного (о росте человека; в разг. речи); *котловой* — общий, суммарный, учитывающий что-либо в целом; *сажевый* — очень темный. Ср. *графитный* — цвета графита, темно-серый; *стеариновый* — цвета стеарина, тускло-белый, беловатый; *шинельный* — цвета шинели, темно-серый.

Как видно, развитие качественных значений свойственно таким сферам языка, как газетно-публицистический, разговорный и язык художественной литературы.

НАРЕЧИЕ

Наиболее активен, как и в прошлые десятилетия, тип наречий на *-о* (около 65). В нем можно отметить группу новообразований, соотносительных по форме с отсубстантивными относительными прилагательными, а по смыслу — с базовыми существительными: *инженерно* (умение мыслить *инженерно* — как инженер); *ураганно, телеграфно* (по телеграфу, посредством телеграмм), *концертно* (отдельным выступ-

лением, как в концерте), *патентно, балетно, кантиленно, струнно, витаминно.*

В отдельные подтипы выделяются наречия, соотносительные с суффиксальными прилагательными на *-ов-* (7): *волево, дубово, бытово, беспланово, трюково, грозово, васильково,* и на *-ист-* (8), *-аст-* (1), *-чат-* (1): *пружинисто, захлебисто, неусадисто, горячисто, сноровисто, хористо, запашисто, лунисто; глазасто; игольчато* (как иголка, подобно иголкам). Такие наречия свойственны художественной речи.

Самостоятельную группу образуют бесприставочные наречия на *-и* от прилагательных на *-ск-* (10). По значению эти наречия отличаются от префиксально-суффиксальных, образуемых по модели *по-... -и.* Они также имеют компонент сравнительного значения, но, скорее, их семантика может быть истолкована не посредством 'как', но 'в отношении чего, в соответствии с чем': *фактологически, этнографически, стиховедчески, театроведчески, импрессионистически.*

Производные, соотносительные с именами лиц, синонимизируются с префиксально-суффиксальными наречиями модели *по-... -и*: *гангстерски* (ср. *по-гангстерски*), *мессиански* (ср. *по-мессиански*).

Суф. наречий *-жды*, представленный в ограниченном ряду отчислительных производных *дважды, трижды, четырежды,* зафиксирован в образовании *пятижды.*

Образующий немногочисленный ряд экспрессивных наречий суф. *-ак* (ср. *верняк, мертвяк*) отмечен в слове *точняк* с пометой "в просторечии": — Демьян совсем обнаглел в последнее время, *точняк?* (В. Якименко). Это образование, скорее, следует квалифицировать как жаргонизм.

ГЛАГОЛ

Глагол отстает в активности от существительных, прилагательных и наречий. Суффиксация глаголов обнаруживает очень слабую действенность (50), словосложение почти не представлено. Единственный активный способ словообразования в сфере глагола — префиксация. Лишь несколько суффиксальных типов порождают ряды одноструктурных производных.

Глаголы на *-ничать* со значением 'обнаруживать какое-либо свойство' — от адъективных и субстантивных основ: *изящничать, гостеприимничать, громогласничать; браконьерничать.* Свойственны РЯ.

От междометий и звукоподражаний в РЯ производятся глаголы на *-ать, -нуть* (5) со значением 'произносить какой-либо звук': *кискискать, бубухать, тутушкать, аллокнуть,* ср. также *теребенькать.*

От адъективных и субстантивных основ производятся глаголы на *-ить,* обозначающие разные виды отношений к базовой основе. Эти глаголы не образуют единой в семантическом отношении группы. Свойственные преимущественно языку художественной литературы, они представляют собой некое поползновение на изыск: А где-то туча *тучится,* А где-то лес *дремучится* (С. Островой); ...*лебедили* шеи белоснежные пристяжные (А. Виноградов). Ср. также: *кургузить, костенить, восьмерить* (идти петляя), *разноцветить* (делать разноцветным), *упру-*

жить, горбатиться, ежиться чем (телеантеннами), *таборить, табунить, разнарядить* (от *разнарядка;* в проф. разг. речи).

Книжно-специальные глаголы на *-ировать* от заимствованных основ образуют небольшую группу (порядка 10): *пластикировать, спазмировать, монументализировать* (делать монументальной), *"европеизировать"* ядерную войну (ограничивать рамками Европы); со связанными основами: *имплантировать, гуманизировать.*

Невелика группа отадъективных глаголов на *-еть* (4): *смутнеть, полоуметь, ржаветь* (виднеться), *безлюдеть.*

Отдельные производные: *кучковаться* (в просторечии); *нуклеаризоваться* (уменьшиться в результате отделения взрослых детей от семьи; в проф. речи); *бракосочетать* (от *бракосочетание*); *моцарствовать.*

ПРЕФИКСАЦИЯ И ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ

ИМЕННАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ

Мнение о том, что префиксация в русском языке — привилегия глагола, по отношению к новейшему состоянию русского языка неверно. В 60—80-е годы префиксация в сфере имен весьма активна. Ее активность в 40—60-е годы XX в. отмечена в книге [Русский язык..., 1968б], а также в отдельных исследованиях (см., например: [Голанова, 1973]). Этот процесс рассматривается как превращение ряда именных префиксов в препозитивные частицы. В 70—90-е годы активность этого процесса не ослабевает. Особенно действенны в наши дни такие приставки, как *не-, сверх-, противо-,* а из заимствованных — *анти-, супер-, псевдо-.* Активно функционируют те же две группы приставок, которые были продуктивны в предшествующие десятилетия: 1) с общим значением превосходной степени, чрезмерности; 2) с общим значением противоположности, отрицания. При этом многие приставки употребляются в производстве разных частей речи — существительных, прилагательных, а некоторые — глаголов и наречий.

1. *Сверх-, супер-, ультра-, архи-, пере-, наи-.*

Сверх-: в НС-81 зафиксировано 20 существительных и 20 прилагательных. Лишь некоторые из них имеют терминологический характер: *сверхбомбардировщик, сверхракета, сверхтрюк* (в гимнастике), *сверхплоское* телевидение. Прочие слова относятся к сфере живого активного словопроизводства, имеющего индивидуальный характер.

Сверх- в существительных обозначает 'выше меры', 'чрезмерно'; чаще всего сочетается со словами абстрактной семантики и именами лиц: *сверхдоверие, сверхвера, сверхосторожность, сверхосведомленность, сверхгеройство, сверхспособность, сверхдолгожительство, сверхбарыши; сверхбогач, "сверхпутешественник", сверхученый. Сверх-* в прилагательных имеет значение 'в высшей степени', 'чрезвычайно': *сверхвоинственный, сверхбанальный, сверхэгоистичный, сверхпослушный, сверхрациональный, сверхвежливый, сверхъюный* и даже *сверхбеспрекословный.*

Супер- обнаруживает меньшую активность (существительных — 11, прилагательных — 5). Синонимичен префиксу *сверх-.* Сфера сочетае-

мости этих префиксов близка: *суперлжец, супердети, суперконсерватор, суперкинодетектив; суперэкономность, суперфеномен.* Чаще, чем *сверх-*, сочетается со словами конкретной семантики, обозначая нечто, превосходящее обычные размеры, обычную меру: *суперведомство, суперблок, супергрузовик, суперконтинент.* Прилагательные: *суперположительный* (герой), *супермодерный* (аппарат), *суперкассовый* (фильм), *"суперклассный"* (специалист).

Малоактивны *ультра-* и *архи-*, отмечены лишь в прилагательных: *ультравоинственный, ультрасекретный; архидорогостоящий, архибогатый, архигородской.*

Преф. *пере-* со значением 'сверх меры', 'чересчур' зафиксирован в одном окказиональном существительном — *переобразование*: Всячески приветствуя образование, я страшусь *"переобразования"* книжного и *"недознания"* жизни в литературе... (ЛГ); ср. противопоставление префиксов *пере-* и *недо-*.

Преф. *пере-* действует в соединении с повтором, создавая конструкции усиления (3 случая): *руганый — переруганный, знаемый — перезнаемый, знакомый — перезнакомый.* Этот тип характерен для РЯ (см.: [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, 114—115]).

Преф. *наи-* (3): *наизловещий, наисовременнейший, наичистейший.*

2. Вторая группа префиксов имеет в качестве лидера *анти-*. Кроме того, в нее входят *не-, противо-, контр-, а-, де-/дез-.*

Анти-: зафиксированы 19 существительных и 22 прилагательных. Выражает те же значения, которые отмечались ранее:

а) противодействия: *антибезопасность, антигель, антирейганизм, антиамериканец, антибюрократизм, антизападничество.* Интересно в семантическом отношении слово *антибэби*: о химических противозачаточных средствах в западных странах: пилюли (*"антибэби"*) (ЛГ); ср. новое *анти-спид;*

б) противоположности, отрицания: *антипотребительство, антиреализм, антистановление, антистимул, антинатура, антизакон, антивселенная, антидетектив, антиэффект.* Ср. своеобразное слово *антихлеб* — о противоположности хлеба — динамите: динамит, этот *антихлеб* нашего века (Изв.).

В сочетании с прилагательными лидирует значение противодействия — 'направленный против'. Однако основная часть производных прилагательных может быть рассмотрена и как образованная префиксально-суффиксальным способом. Таковы прежде всего производные от имен собственных лиц (*антирейгановский, антисадатовский, антисандинистский*); стран, государств (*антипалестинский, антиангольский, антиюгославский, антиэфиопский*); от нарицательных названий лиц (*антипартизанский, антипиратский*) и названий общественных учреждений, явлений, действий (*антипикирующий, антиэтический, антинаркотический* — против наркотиков). Так, *антирейгановский* может быть истолковано как 'направленный против Рейгана', 'направленный против рейгановской политики'.

К числу префиксальных производных можно отнести: *антипикирующий, антиэтический* и под. Отмечено лишь одно прилагательное со значением противоположности: *антипотребительский* (противо-

положный потребительским устремлениям, потребительской философии).

Не-: этот префикс сверхактивен в прилагательных (50) и менее активен в существительных (15) и наречиях (12).

Существительные — преимущественно отвлеченного значения: *неновизна, нерасторженье, нефункциональность, нетоксичность, недолголетие, непотребление, неувядание, неприкасаемость; некарьерист, некомедиант;* окк. *не-хочу-знание.*

Не- свободно соединяется как с качественными, так и с относительными прилагательными, как с терминологическими, так и с общелитературными. Ограничений в сфере употребления прилагательные с *не-* не имеют: *нетелефонизированный, неуставный, неинженерный, неолимпийский* (рекорд), *непремьерный* (кинотеатр), *неоперированный, незастекленный, некоренной* (житель), *немолодежный, негриновский, непеременчивый, негарантийный, неделовой* (переписка), *неволевой, неафишируемый, неслужебный, неотвеянный, непоказной, неазбучный, нештучный, непотерянный; непривозной, "нефутбольный"* (город), *неотвеянный, неотпавший, неопушившийся, неэкспортабельный.* Обращает на себя внимание большое количество отглагольных производных.

Наречия: *нестандартно, нетрафаретно, некомплексно, неспортивно, неуклончиво, неусадисто;* в одном случае *не-* отмечено в сочетании с наречием на *-и*: *незубоскальски.*

Противо- синонимичен *анти-* в 1-м значении, но не столь активен. Зафиксирован лишь в сочетании с прилагательными (6): *противогололедный* (жидкость), *противогранатный* (решетка), *противокомариный, противоогневой* (препарат). Все прилагательные имеют терминологический характер, отмечены в языке газет.

Контр- (в четырех существительных). Также синонимичен *анти-*: выражает противодействие (*контртенденция*) и противоположность (*контрмонолог, контрмотив, контрмнение*).

А- еще менее активен: два прилагательных — *атипичный, ахлоридный* и одно существительное — *атравматичность*, производное от прилагательного, что делает возможной двойственную мотивацию.

Де-/дез- обозначает противоположное действие или явление. Сочетается с основами отвлеченной процессуальной семантики: *демонтаж, дезинтоксикация; деструктурализм.* Ср. *дегуманизирующий, деидеологизироваться.* Новые: *департизация, дебольшевизация...*

3. Группа префиксов со значением неистинности, ложности, приблизительности включает единицы *псевдо-, лже-, квази-, около-*.

Наиболее активен *псевдо-*: отмечен в 17 существительных и четырех прилагательных. Существительные включают три медицинских термина: *псевдоглухота, псевдопаралич, псевдослепота.* Остальные существительные представляют собой свободные соединения с семантикой 'мнимый', 'ненастоящий': *псевдодемократия, псевдоинтерес, псевдофилософичность, псевдомузыка, псевдосоцсоревнование, псевдомысль; псевдокритик, псевдоинтеллектуал.*

В составе прилагательных *псевдо-* имеет то же значение 'мнимый': *псевдоинтеллектуальный, псевдосовременный, псевдотвердый;* ср. также термин *псевдонулевое решение.*

Лже- (6) обнаруживает некоторую активность, производя слова, обозначающие неистинность, лживость, неподлинность чего-либо: *лжесоциализм, лженагрузка, лжеабитуриент, лжестудент...*

Квази- тяготеет к сфере терминологии: *квазистанция;* ср. в языкознании: *квазисинонимы, квазиизоморфизм* и др. Шутливое: *квазиподарок.*

Прилагательное с *квази-* (1): *квазифантастический.*

Преф. *около-*, соотносительный с предлогом *около,* на основе пространственного значения 'рядом', развивает значение приблизительности, отсюда ненастоящести и косвенной связи. НС-81 помещает одно существительное с *около-*, давая в одном контексте производные с *около-* и *псевдо-*: *околонаука — псевдоремесло,*

В сфере прилагательных *около-* (5) отмечено в двух значениях — приблизительности (*околомесячный, околосуточный*) и косвенной связи (*околопроизводственный, околосельскохозяйственный, околополитический*), ср. узуальное *окололитературный.*

Некоторую активность обнаруживает *со-* со значением совместности (4): *сотворец, сотворчество, соночлежник, "сочемпион".*

Синонимичны приставки *под-* и *суб-*, обозначающие 'зависимость', 'подчиненность'. Обе отмечены по два раза: *подкаста, подбаза; субконтракт, субрегион.*

Прочие приставки представлены единичными производными, характер которых, однако, свидетельствует о легкости их соединения:

до- (2): *дочеловек, доразведка* (дополнительная разведка);

недо- (2): *недознание, недоиспытанность;*

пра- (2): *прапамять, прапредки;*

пред- (2): *предвскрытие, предпраздник;*

про- (2): *просоветизм, проамериканизм;*

интер- (1): *интершефство;*

меж- (1): *межрайбаза;*

между- (1): *междупар;*

после- (1): *послебудущее;*

пере- со значением 'еще раз', 'наново' (1): "переоткрытие" физической и духовной реальности (Ю. Мориц); может рассматриваться как произведенное префиксацией или суффиксацией.

Приставка *про-* со значением 'являющийся сторонником чего-л.', 'действующий в интересах того, что названо производящей основой' сочетается с существительными (*просоветизм, проамериканизм*) и прилагательными (*протайваньский, промонополистический*).

В префиксации наречий кроме преф. *не-*, о котором шла речь выше, продуктивен преф. *по-*, придающий форме сравнительной степени значение ослабленного проявления признака (6): *пораскидистей, понадежнее...* и даже *поасфальтнее.*

ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ В ИМЕНАХ

Этот способ порождения новых единиц более активен в сфере прилагательных, чем существительных и наречий.

Наиболее действен преф. *без-* (26). Его активность в производстве прилагательных рассматривалась нами в коллективном труде [Русский язык..., 1968б, 155—158], где было отмечено, что рост прилагательных с приставкой *без-* не имеет ограничений структурно-семантического характера и наиболее ярко обнаруживается в профессионально-терминологической речи. Это положение характерно и для последующих десятилетий.

Значительное количество прилагательных, зарегистрированных в НС-81, — это наименования, порожденные развитием науки и техники: *безнакипной* (исключающий возможность образования накипи); *бездорожный* (способный передвигаться при отсутствии дорог — о транспортном средстве); *бессварочный; безотцепный; безнанизочный* (не предполагающий применения нанизывания рыбы при ее обработке); *бесталонный* (не предполагающий применения талонов на горючее); *безвахтенный; безреволюционный; безбелковый.*

Не имеют терминологического характера *безыдеальный, безамбициозный, безнаучный, беспроблемный.*

Все прилагательные с префиксом *без-* соотносительны с сочетаниями "предлог *без* + существительное". Лишь одно образование произведено чистой префиксацией: *беспредвзятый.*

Основной массив префиксов, действующий при образовании прилагательных приставочно-суффиксальным способом, соотносителен по форме и значению с предлогами. Подобные префиксы выражают разного рода пространственные и временные отношения. Активен префикс *анти-* (см. об этом в разделе "Префиксация и префиксально-суффиксальный способ").

Пространственные значения

Вне- (9) выражает отношения пространственного нахождения за пределами чего-либо (*внепоселковый, внеквартальный, внередакционный*), а также переносные значения 'за пределами чего-л.', 'вне связи с чем-л.' (*внеизобразительный, внеучебный, внесоревновательный, внебытовой, внеисторический, внеконтекстовой*).

Внутри- (7) имеет антонимичные значения 'расположенный внутри чего-л.' (*внутрипоселковый, внутригородний, внутришкольный*); переносное 'относящийся непосредственно к тому, что названо базовой основой': *внутриазиатский* (относящийся только к странам Азии); *внутрилитературный, внутриамериканский.*

При- (8) 'расположенный рядом, поблизости от чего-л.': *пришахтный, приоазисный, прифермский, притундровый, приостровной.*

Остальные пространственные префиксы малоактивны:

за- 'находящийся за чем-л., вдали от чего-л.' (2): *затрубный, зафронтовой;*

меж- 'находящийся или происходящий между чем-л.' (3): *межкооперативный, межтерриториальный, межасеановский;*

вокруг- (1): *вокруггородской;*

над- представлен значением 'находящийся выше' (в переносном

смысле) того, что называет базовое существительное (3): *наджизненный, надмирный, надотраслевой;*

транс- (3) в сочетании с производными от географических понятий обозначает 'через': *транскавказский, трансиндийский;*

пред- и *после-*, чаще выражающие временны́е значения (см. об этом ниже), в отдельных случаях имеют и пространственную семантику: *предзаводской* 'расположенный перед заводом'; ср. соотносительные *предпрозаический* и *послепрозаический* 'расположенный перед или после отдела "Проза"';

под- (1): *подвертолетный;*

сквозь- (1): *сквозьдверной.*

Временны́е значения

Наиболее активны находящиеся в отношениях антонимии *пред-* и *после-*.

Пред- (7): *предвыездной, предматчевый, предпокосный, предремонтный, предэксплуатационный;* окказ. *предугадывательный;*

после- (8): *послепродажный, послепобедный;* в сочетании с конкретными существительными, в том числе именами лиц, наблюдается семантический эллипсис глагольного члена: *послевузовский* (после о к о н ч а н и я вуза), *послегриппозный, послетолстовский, послефранкистский, послесаддатовский;*

пост- (1) синонимичен *после-*: *постэкзаменационный.*

До- (3) обнаруживает известную активность, обозначая отношение временно́го предшествования. Отличается от *пред-*, который обозначает отношение непосредственного временно́го предшествования (ср. семантику предлогов *до* и *перед*: *до обеда* и *перед обедом*). Сочетаясь с конкретной лексикой, содержат семантический эллипсис: *дотелефонный* 'относящийся ко времени, когда еще не было телефона', *докнижный, доглинкинский* (от фамилии *Глинка*).

Имя существительное

Префиксально-суффиксальное производство существительных не активно (8 случаев). Все производные включают приставку, суф. *-j-* и систему флексий существительных ср. рода типа *море*. Имеющие неузуальный характер (4): *безмужье, бескровье, безмыслие, бессвободье.*

Кроме того, отмечены два отадъективных существительных на *-ость*: *безреагентность, бестелесность,* которые могли быть образованы тремя путями: префиксацией (*без-* + *реагентность*), суффиксально-префиксальным способом (*без реагента* + *н-ый*) или суффиксацией (*безреагентный — безреагентность*).

Помимо слов с *без-* НС-81 дает всего два производных типа "приставка + *-j-*": *затрубье; межзвездье.*

Общее число производных — 20. Этот способ представлен тремя типами.

Наречия, образуемые по модели *по-...-и* от прилагательных на *-ск-* (12), выражают сравнительное соотнесение с тем, кого называет субстантив: *по-свидетельски, по-гвардейски, по-дамски;* от фамилий: *по-злобински, по-нестеровски;* от названий национальностей ('говорить на языке') — *по-мансийски...*

Тип *по-...-ому* от основ прилагательных (5): *по-оперному, по-научному, по-страусиному, по-полевому, по-соленому* ('на грубом жаргонном, бранном языке').

Тип *в-...-ую* представлен двумя словами: *вразбежную, вхолостую.*

ГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ

По своей активности этот способ намного превосходит как глагольную суффиксацию (120 : 50), так и префиксально-суффиксальный способ (120 : 30).

Префиксальные глаголы, обозначающие временные и количественные модификации действия

Своей активностью выделяются несколько префиксов, выражающих количественно-временные значения (*за-, по-, под-, пере-, от-, на-, раз-*).

Преф. *за-* сообщает значение начала действия глаголам разнообразной семантики — движения, конкретного физического действия, состояния (14): *загалопировать, заприскакивать, заподпрыгивать, зажаловаться, закапризить, запрезирать, запрогнозировать, закуковать* (перен.), *захорошеть* (перен.)...

По- со значением слабой интенсивности и недолгого совершения действия (11): *попикироваться, погикать, поудивляться;* от глаголов с приставками: *поуклониться, пособираться, пооослабнуть. По-* как вторая приставка, придающая значение поочередности или многократности действия, отмечена в трех глаголах: *повыветрить, пораздергать, позапихать.* Лишь в одном случае глагол с *по-* обозначает начало движения: перен. Я домой *потеку* (И. Никульшин).

Под- со значением слабой интенсивности действия обнаруживает активность, нередко присоединяясь к глаголам с приставками (11): *подсуетиться, поднабрать, подзапихать, поднаметнуть, подосипнуть, подустать...;* четыре подобных глагола отмечены у Е. Евтушенко.

Приставка *пере-* активно порождает глаголы со значением 'еще раз', 'еще раз и по-новому' (5): *переосматривать, перепрописать, перепрофилировать...;* 'сверх нормы', 'чересчур' (3): *переполучить, переэстетизированный* (о языке), *перетончённый.* Два глагола с *пере-* обозначают действие, которое распространяется поочередно на ряд объектов (*перевлюбляться*) и превосходство действия (мы вас *перебе́гаем*).

От- со значением 'кончить выполнять действие' (6): *отпылать (уши отпылали), отголубеть, отзадавать* (вопросы), *открасоваться, откомментировать, отьюстировать* (профес.).

На- со значением 'интенсивно совершать действие' (8): *напроектировать, наприписать, накрутить* (банок), *напридумывать, навыписывать, навыговаривать*...

Раз- со значением ликвидации какого-то действия (6): *размонтировать* (ср. *с-*), *распломбировать* (ср. *за-*), *рассогласовать* (ср. *согласовать*), *разоборудовать* (ср. *оборудовать*)... *Раз-* со значением тщательности выполнения действия (2): *разобъяснить, разафишированный.*

Меньшую активность обнаруживают:

недо- со значением неполноты осуществления действия — 'не до конца' (6); часто присоединяется к приставочным глаголам: *недопоказать, недоотразить, недоосвоить, недодаивать;*

до- со значением доведения действия до нужного предела, до необходимого конца (4): *доснимать* (заканчивать съемки), *допроверить, дордеть, дотягивать* (*докуривать* в разг. речи);

при- со значением незначительной интенсивности, неполноты действия (4): *притонуть, приторваться, притушевать, призабытый;*

вз- со значением интенсивного начала действия (2): *взбелеть, всхохатывать;*

вы- со значением интенсивности (2): *выдрогнуть, выкраснеть;*

про- со значением 'совершать действие какое-то время' (1): *прокантоваться* (в разг. речи);

у- со значением 'довести до нежелательного состояния' (1): *ухомаздать* ('сильно испачкать', в просторечии).

Кроме того, НС-81 помещает единичные глаголы с приставками: *де-* (2): *десоциализироваться, деидеологизироваться; ре-* (1): *реакклиматизировать; пред-* (1): *предвычислить.*

Всего рассмотренная группа включает более 100 глаголов.

Префиксальные глаголы, обозначающие локальные модификации действия

Общее число производных — 13. Обнаруживают некоторую активность:

за- со значением 'покрыть(ся), соединить, закрыть(ся) с помощью действия' (3): *захольцевать, загерметизировать;*

про- со значением 'сквозь что-н.', 'через что-н.' (3): *прожелтеть;* причастия *промазученный, пронафталиненный;*

от- со значением отделения (2): *откроить, отселекционировать;*

раз- со значением разъединения (2): *растеснить, размаслить;*

об- со значением распространения действия вокруг (1): *обхолодить;*

при- со значением достижения какого-л. места (1): *пригазовать;*

под- со значением приближения (1): *подженяваться* (ср. *подселиться*).

Рассматривая глагольную префиксацию, следует оговорить, что в этой области словообразования выявление новообразований пред-

ставляет особые трудности, ибо реализация той или иной словообразовательной модели часто не связана с появлением нового денотата, нового вида действия. Основной массив префиксальных глаголов (типа *призабыть, прожелтеть, отпылать* и мн. др.) мог быть произведен и не в 80-е годы XX в.

В сфере глагольной префиксации более силен субъективно-человеческий фактор, чем социальный. Глагольная префиксация отражает, конечно, новые явления нашей действительности, новые достижения науки, техники, общественной жизни (ср. *состыковаться, прилуниться, загерметизировать; отзаседаться, зафутболить, пригазовать* и нек. др.), но более активно она отражает субъективную позицию человека по отношению к действию (ср. новообразование: *"захлопать"* выступающего). Особенно активно это обнаруживается в области производства глаголов способом присоединения префикса и аффикса *-ся*.

ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ В ГЛАГОЛАХ

Этот способ используется как: 1) средство внутриглагольного словопроизводства (формантами являются префикс и аффикс *-ся*) и 2) средство производства глаголов от основ других частей речи (формантами являются префикс и глагольный суффикс). Оба подвида в НС-81 представлены небогато.

Префикс + глагол + *-ся*

До-...-ся со значением доведения до нежелательного результата (2): *довластвоваться, доквакаться; от-...-ся* со значением избавления от действия (1): *отзаседаться; раз-...-ся* со значением достижения большой интенсивности действия (1): *развспоминаться; из-...-ся* со значением 'дойти до нежелательного состояния' (1): *изжаждаться*.

Префикс + именная основа + суффикс

Производство глаголов комбинированным префиксально-суффиксальным способом от основ существительных и прилагательных (25) менее продуктивно, чем чистая префиксация (соотношение 120:25). В этом способе наиболее активна приставка *о-/об-* (12), производящая от основ существительных и прилагательных глаголы с помощью суф. *-и-*, в несов. виде *-а-* или *-ива-*: *оподзолить, объярлычить, озвучить — озвучивать;* многие из этих глаголов носят индивидуальный характер: *оковерить, осердечить, овдовить, оббасить, обытовить, оскучнить, осолонить*.

Обнаруживает некоторую активность также приставка *за-* со значением 'наделить чем', 'покрыть чем' (*зарыбить, завинегретить, залишáить*), 'сделать каким', 'наделить признаком' (*засмуглить*). В ряде отыменных глаголов приставка *за-* сохраняет пространственное значение: *зафутболить* (ср. *отфутболить;* при отсутствии *футболить*); ср. *забычарить* ('погасить сигарету, оставив бычок'; ср. *забычковать*).

Модель *"обез-* + основа сущ. + *-и(ть)"* со значением 'лишить того,

что называет производящая основа' отмечена 2 раза: *обескляпить*, *обезвлаженный* (в форме причастия). Кроме того, НС-81 регистрирует единичные производные с приставками:

вы-...-иться (1): *выструниться* (ср. *встать в струнку*);

по-...-еть (1) 'стать каким-л.': *помучнеть;*

при-...-иться (1): *привенериться* (по образцу *приземлиться*);

про-...-ить (1): *профальцетить* (по образцу *пробасить*);

у-...-ить (1): 'делать каким': *упрозрачнить — упрозрачнивать*.

УСЕЧЕНИЕ

Усечение как способ словообразования действует преимущественно в РЯ [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981], жаргонах и профессиональной речи (всего отмечено 11 случаев). НС-81 дает около 10 таких существительных, снабжая их пометой "жарг.": *бук* (букинистический магазин), *пласт* (пластинка), *шиз* (шизофреник), *хор* ("согласен", "ладно", "хорошо"); в разг. речи: *гросс* (гроссмейстер), *промы* (о промышленных объединениях); в разг. проф. речи: *универсал* (универсальный станок), *автомат* (автоматическая машина), *аккорд* (об оплате).

Гр-80 рассматривает этот способ словообразования как особый вид аббревиации ("аббревиация как средство стилистической модификации" — с. 256). С нашей точки зрения, термин "аббревиация" целесообразно закрепить за производством сложносокращенных слов, отграничивая его от усечения как способа словообразования стилистически сниженных модификатов, тождественных по значению базовому слову. Показательна характеристика этих слов: "непосредственные слоговые отсечения от неаббревиатурных слов" [Алексеев, 1979, 196], где также отмечен их разговорный характер.

СУБСТАНТИВАЦИЯ

В НС-81 зарегистрировано 8 субстантиватов различных семантических групп: *электровагоноремонтный* (завод), *льготная* (очередь), *каминная* (комната), *коксовые* (угли), *первичная* (партийная организация), *потиражные, бородинский* (хлеб), окказ. *"белокровная"* (о водке).

VARIA

Рассмотрим теперь материалы словаря НС-81, которые относятся к сфере неузуального словообразования.

НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

НС-81 отражает не только "серьезные" узуальные слова, но и слова-одноминутки, порождения отдельных авторов, прикрепленные к тем или иным контекстам. Этот материал количественно не очень значителен, но представляет интерес как определенное свидетельство времени. Для нас же он особенно важен как показатель действия

механизма словообразования, как свидетельство одного из видов языковой игры. Часть окказионализмов упоминалась при рассмотрении тех или иных групп производных. Отметим здесь некоторые окказиональные производные, особенно интересные для нас тем, что контекст показывает условия их порождения. По типу *будить — будильник* создается *вредить — вредильник*: ...маленький герой, любитель поспать по утрам, сетует на будильник: "Он, по-моему, *вредильник!*" (ЛГ); *Отнихятина* — по типу *отсебятина*: *Отсебятины* я не несу. Вдохновение мое зависит от них — таким образом, если я что и несу, то *"отнихятину"* (А. Иванов, Отсебятина).

Приведем еще несколько разных типов окказионалов. Заголовки: *Смехопилюли;* Неделькина *почемудрия; Арбузоклюква;* ср. также: *музофил, критикофобия. "Оченьподзорнаятруба"* — окказиональность создается способом слияния — написанием, превращающим словосочетание в одно слово. *Развóдины*: Теплый ветер отмывает добела почерневшие *разводины* стола (С. Островой, Весеннее). В этом случае прибавление суффикса ничего не добавило к семантике слова: это ухищрение, дающее подспорье метру.

Особо выделим такие виды словообразования, которые характерны для порождения только неузуальных слов.

КАЛАМБУРНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Небольшая группа производных (8) отражает действие так называемого каламбурного словообразования: производное создается с намеренно представленной в нем двоякой членимостью, отражающей его соотносительность с далекими в семантическом отношении словами[4]. Так, слово *зарубон* воспринимается как входящее в ряд отглагольных существительных типа *закусон, выпивон, причесон* и соответственно соотносится с глаголом *зарубить*. Однако оно дано в тексте как название *зарубежной литературы*, что активизирует в нем третью связь — экзаменационного характера: на экзамене по зарубежной литературе могут *зарубить*. Ср. также: *пенсяры* (*пенсионеры* и *"Песняры"*); *ерундированный* (ср. *ерунда* и *эрудированный*); *космодранец* (ср. *космос* и *космы* + *дранец* из *голодранец*); *телепортировать* (ср. *телепатия* + *транспортировать*); *нейтронуться* (ср. *нейтронная* бомба + *тронуться* 'сойти с ума').

Вот еще несколько примеров: Драма в одном действии и трех *бездействиях. Бездействующие* лица: Николай Александрович Фоменко... (Кр.). Каламбурно сталкиваются: *действие* — часть драматургического произведения и *бездействие* — отсутствие деятельности.

ПОВТОР-ОТЗВУЧИЕ

НС-81 помещает три случая так называемого повтора-отзвучия [Янко-Триницкая, 1975а, 416], когда производность слова создается повторением близкого по звучанию, но не совпадающего полностью

[4] Этот способ словообразования называют междусловным наложением [Янко-Триницкая, 1975а, 416; ср.: Калниязов, 1975а].

сегмента: *жигули — шмыгули; шараш-монтаж* ("шарашкина контора" или более современно *"шараш-монтаж"* — ЛГ); *танцы-рванцы*. Этот тип характерен для шутливого РЯ, ср. раздел "Прием рифмованного эха" ("фокус-покус"-прием) в книге: [Русская разговорная речь..., 1983, 193—194].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕРИВАЦИОННОГО АФФИКСА КАК СЛОВА

Этот прием давно известен и описан в ряде работ (см., например: [Земская, 1965]). НС-81 отражает такой случай: *зации*. Нет в языке такого понятия "хранитель домашнего очага". Ни эмансипация, ни феминизация, ни всяческие другие *"зации"* не вписали этих слов в наш словарь. Зато живет вот уж который век слово "хранительница". Это — женщина (К. пр.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами было проанализировано около 3000 новообразований, зафиксированных в НС-81, с добавлениями из других новейших источников. Закончим рассмотрение материалов НС-81, показав количественные соотношения, характеризующие современное активное словопроизводство: соотношение способов словообразования; количественное соотношение новообразований различных частей речи; действие различных способов словообразования в производстве различных частей речи.

Новообразования различных частей речи

существительное	— 1671
прилагательное	— 898
глагол	— 215
наречие	— 128
общее число	— 2912

Способы производства существительных

суффиксация	— 556
префиксация	— 129
префиксально-суффиксальный способ	— 10
сложение	— 194
сложение + суффиксация	— 26
аббревиация	— 105
сложносокращенные слова, включающие целое слово	— 365
сложносокращенные слова, включающие только части слов	— 20
составные слова	— 236
усечение	— 11
субстантивация	— 8
каламбурное словообразование	— 4
контаминация	— 4
повтор-отзвучие	— 3
общее число	— 1671

Способы производства прилагательных

суффиксация	—141
префиксация	—128
префиксально-суффиксальный способ	— 85
сложение	—500
сложение + суффиксация	— 5
сложносокращенные слова, включающие первую сокращенную часть и вторую — целое слово	— 37
каламбурное словообразование	— 2
общее число	—898

Способы производства наречий

суффиксация	— 75
префиксация	— 18
префиксально-суффиксальный способ	— 20
сложение	— 15
общее число	—128

Способы производства глаголов

суффиксация	— 50
префиксация	—120
префиксально-суффиксальный способ	— 30
сложение	— 6
составные слова	— 7
каламбурное словообразование	— 2
общее число	—215

Приведем количественное соотношение между двумя основными аффиксальными способами словообразования — суффиксацией и префиксацией в табл. 3.

Какие выводы можно сделать из рассмотрения данного материала?

1. Русский язык последней трети XX в. как язык, имеющий разветвленную систему номинативных средств, при необходимости назы-

Таблица 3

Часть речи	Способ словообразования		
	суффиксация	префиксация	префиксально-суффиксальный способ
Существительное	552	129	10
Прилагательное	141	128	85
Глагол	50	120	30
Наречие	75	18	20
Общее число	818	395	145

вания новых предметов и явлений часто идет по пути уточнения и конкретизации уже имеющихся в языке номинаций. Поэтому в нем активно действуют наряду с основными аффиксальными способами (суффиксацией и префиксацией) различные виды производства сложных слов, а также производство составных наименований. Такие способы, однако, как аббревиация и некоторые виды сложения, действенны не во всех сферах языка. Они чужды прежде всего РЯ. В язык художественной литературы они могут попадать лишь в качестве резко выделяющихся инкрустаций. Чужеродность этих слов в системе русского языка в известной мере объясняется их длиной (они достигают 11—12 слогов, что не свойственно русскому слову, обычная длина которого 3—5 слогов).

2. Наиболее универсальными, действующими во всех сферах языка способами словообразования по-прежнему можно считать аффиксальные способы, в первую очередь суффиксацию. Префиксация активна, но отстает от суффиксации. При этом префиксация, в прежние периоды истории языка малодейственная в сфере имен, все больше активизируется и набирает силу и в области именного словопроизводства. Некоторые префиксы (*не-, анти-, сверх-, супер-* и др.) эволюционируют в направлении частиц, свободно примыкающих к словам различных частей речи.

3. Высокую активность обнаруживают сокращенные первые элементы слов таких типов, как *теле-, радио-* и под.; *пол-, полу-; мини-, микро-; гор-, обл-* и под. Они легко присоединяются к существительным различной семантики, создавая как узуальные номинации (в том числе терминологического характера), так и неузуальные свободные соединения. Материалы 80-х годов показывают, что превращение подобных элементов в аналитические прилагательные — реальный факт языка. Идет активное пополнение языка новыми элементами (*видео, диско* и др.).

4. Такие активные способы словообразования, как словосложение, производство сложносокращенных слов, аббревиатур слоговых типов, служат средством создания разного рода уточняющих наименований. Уточняющие наименования создаются и аффиксальными способами, так как высокую активность приобретает присоединение аффиксов к различным видам производных слов (т.е. основ, осложненных суффиксами или префиксами). Все это увеличивает многоморфемность новообразований. Производные не первой ступени деривации занимают среди новообразований значительное место.

5. Тенденция к экономии средств выражения способствует активизации компрессивного словообразования. В этой сфере подлинную активность имеет лишь суффиксальная универбация. Такие виды компрессивного словообразования, как усечение и субстантивация, обнаруживают ограниченную активность. Усечение действует преимущественно в разговорной речи, субстантивация — в книжных сферах языка, хотя некоторые ее виды свойственны и разговорной речи (см.: [Русская разговорная речь, 1973]).

6. Производство слов разных частей речи отличается неравномерностью. Наиболее активно создаются имена существительные (см.

выше). Они составляют более половины всех новых слов. За существительными следуют прилагательные, глаголы и наречия. Такой порядок объясняется тем, что новообразования служат прежде всего средством пополнения языка новыми номинациями, а именно существительные являются наиболее номинативным классом слов, служащим для называния новых реалий во всех сферах жизни человека. Число прилагательных велико потому, что они не только используются для называния разнообразных, в том числе и новых, признаков, но и потому, что они входят как конструктивный элемент в очень распространенный класс составных номинаций, имеющих структуру "прилагательное + существительное".

7. Активизируется новый способ словообразования — контаминация, действующий во всех развитых европейских языках.

8. На наших глазах русский язык пополняется некоторыми новыми аффиксальными элементами, получаемыми в результате их вычленения из состава заимствований (*-дром, -тека* и др.). Один из путей появления новых аффиксов — активное использование элементов второго слова, участвующего в способе контаминации. Сочетаемость подобных элементов с различными первыми частями может приводить к их превращению в аффиксы. Так произошло с фрагментами *-мобиль* (из *автомобиль*), *-бус* (из *автобус*). Возможно, что по этому пути пойдут *-гейт* (из *Уотергейт*), *-сима* (из *Хиросима*).

9. Значительную часть новообразований составляют слова неузуальные, рождаемые на случай. Активность их порождения часто может служить показателем действенности того или иного словообразовательного типа, того или иного средства словообразования.

ГЛАВА III

АКТИВНОЕ НОМИНАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ)

В этой главе будет рассмотрено действие тех словообразовательных формантов, которые проявляют наибольшую активность в русском языке 60—90-х годов нашего века. Основное внимание обращено на сферу номинативного словообразования. Однако в ряде случаев мы рассматриваем и компрессивное словообразование, так как компрессивы проявляют очень высокую активность в современном языке в наименовании тех же классов слов, в которых действуют и "некомпрессивные" форманты. Их сопоставительное рассмотрение поможет выявить специфику тех и других.

Изучая разряды новых слов, создаваемые в современном языке, нерационально использовать ту систему обозначений, которая нередко применяется современной дериватологией (типа 'носитель процессуального признака', 'носитель предметного признака' и т.п.). Для наших целей эта система представляется недостаточно наглядной, так как она не направлена на отражение функционального и прагматического аспекта словообразования. Мы хотим показать, какие именно классы реалий именует человек, создавая новые слова. Задача этой книги — выявить деятельностный характер словообразования, охарактеризовать его функции в современном языке, что требует применения иной номенклатуры обозначений.

Основной объект изучения в этой главе — анализ тех словообразовательных категорий, на которые человек членит мир. Эти категории группируются в три обширных словообразовательных поля — поле Человека, поле Предмета, поле Признака (процессуального и непроцессуального) (ср.: [Ревзина, 1969]).

Основное внимание сосредоточено на аспектах номинативном (что́ именуется), ономасиологическом (как именуется) и функциональном (в каких сферах языка действует тот или иной класс слов).

В соответствии со сказанным при рассмотрении номинативного и компрессивного словообразования использовались простые, более человеческие обозначения. Так, в классе предметов выделяются: механизмы; средства передвижения; вещества; названия наук и т.п. Можно думать, что, давая наименования окружающему его реальному миру, человек пользуется такими или подобными категориями.

Для анализа было избрано имя существительное. Эта часть речи интересует нас в первую очередь по двум причинам: 1) это наиболее "номинативная" часть речи; 2) эту часть речи "обслуживают" наиболее разнообразные средства словообразования.

Среди всего того, что именует человек производным существи-

тельным, выделяются два различных класса слов: I. Наименования такого типа, как: Человек. Женщина. Невзрослое существо. Предмет. Механизм. Названия наук. Вещества. Город. Страна. Отвлеченное понятие. II. Явления и предметы, названные по каким-либо общим мыслительным абстрактным категориям такого типа, как: Отрицание. Противоположность. Высокая степень. Совместность. Повторность. Подчиненность и т.п.

Это разграничение связано с использованием разных словообразовательных средств. I класс создается с помощью суффиксов, II класс — с помощью приставок, что отражает различие в семантике суффиксов и приставок (см.: [Земская, 1973]).

Суффиксальные существительные образуют три класса семантически и категориально противопоставленных наименований: 1) имена лиц; 2) имена предметов; 3) имена действий и состояний (этот класс в настоящей главе не рассматривается)[1].

ИМЕНА ЛИЦ

Наименования лиц представляют собой обширный класс новообразований. Среди них по разным основаниям выделяются несколько подклассов. По характеру мотивации, определяющему семантическую структуру производного слова, имена лиц разделяются на отглагольные и отыменные. По тематическим основаниям выделяются два больших подкласса: наименования лиц по профессии и непрофессиональные наименования. И профессиональные, и непрофессиональные номинации могут быть как отглагольными, так и отыменными. По наличию или отсутствию оценочного компонента имена лиц могут быть экспрессивными и нейтральными. Наличие оценочного компонента обнаруживается лишь в группе непрофессиональных названий.

Следует разграничивать два вида экспрессивности: 1) экспрессивность, которая присуща словообразовательному форманту и, следовательно, всем производным данного типа. Таковы суф. *-'уг(а)*, *-'аг(а)*, *-ул(а)* и нек. др. Подобные форманты порождают только экспрессивные производные; 2) экспрессивность может быть присуща отдельным производным словам, порождаемым нейтральными суффиксами (*алиментщик, вздорщик, алилуйщик, антикартофелист* и под.) (ср.: [Volek, 1987]).

В сфере производства имен лиц наиболее активны суф. *-ник, -щик* (*-льщик*), *-ист, -тель, -ец* (с различными интерфиксами), *-анин*. В производстве новообразований участвуют также суф. *-ун, -(а)тор, -ант* и др. Среди суффиксов есть такие, которые сочетаются с базовыми основами лишь одной части речи (*-тель* — только с глаголами),

[1] О.Г. Ревзина называет третий из указанных классов "полем вещи" [Ревзина, 1969]. Мы считаем более рациональным использовать термин "предмет", так как соотношение "лицо — предмет" (а не "лицо — вещь") более точно передает смысл имеющегося противопоставления. К тому же слово *предмет* удобнее и в терминологическом отношении, так как производное прилагательное *предметный* нейтрально и общеупотребительно, тогда как *вещный* не вполне обычно.

и такие, которые сочетаются с базами разных частей речи (*-щик, -ник, -уг(а), -аг(а)* и др.).

Основное внимание мы обращаем не на морфонологические условия сочетаемости суффиксов с основами (эта проблематика довольно хорошо изучена), но на выявление ономасиологической структуры[2] производного слова (характер семантического соотношения между базовой основой и формантом) и установление сфер употребления производных.

В литературе отмечалось, что имена лиц, произведенные от имен, в некоторых отношениях подобны отглагольным: они также именуют действующих лиц, но не называют при этом действия эксплицитно [Дорошевский, 1973; 247; ср.: Волоцкая, 1976, 79], ср.: *барабанщик* — кто (играет на) барабане, *флейтист* — кто (играет на) флейте, мясник — кто (продает) мясо и *регулировщик* — кто регулирует (уличное движение); *водитель* — кто водит (общественный транспорт). В словах типа *барабанщик* формально не выражено значение действия, хотя эти слова относятся к nomina agentis [Ермакова, 1984, 26].

Выявление черт сходства между отыменными и отглагольными наименованиями лиц должно сопровождаться и установлением различий между ними. Одно из этих различий отмечает О.П. Ермакова, называя не выраженную в слове часть смысла семантическим приращением. Она предлагает различать синтаксические приращения (не выражен предикат) и лексические приращения (не выражена иная часть семантики) [Ермакова, 1984, 27—28].

Более резкое разграничение между двумя рассматриваемыми классами производных имен проводится в чешской лингвистике. Так, в работе [Daneš, Dokulil et al., 1967, 125] они различаются терминологически. Термином "nomina agentis" называются лишь те имена лиц, обозначающие деятельность, которые соотносительны с основой глагола или отглагольного существительного, обозначающего действие. Это имена производителя действия в собственном смысле слова. Производные имена лиц, обозначающие активное воздействие на предмет и именуемые не по действию, но по отношению к предмету (в широком смысле слова), с которым эта деятельность связана (продукт деятельности, материал, инструмент, место, средство либо обстоятельства действия), и, следовательно, соотносительные с именной основой, называются "nomina actoris" (соответствующие чешские термины: для первых — "jména činitelská", для вторых — "jména konatelská").

Рассматривая отыменные имена лиц, важно выявить, какие семантические типы предикатов получают имплицитное выражение в семантической структуре производных имен лиц. Связаны ли и каким образом те или иные виды семантических структур с теми или иными формантами?[3] Очевидно, что семантический характер невыраженного глагола или имени определяется в значительной мере семантикой

---

[2] Изучение ономасиологической структуры производного слова плодотворно разрабатывалось в кн.: [Dokulil, 1962].

[3] Проблематика этого рода рассматривалась в ряде работ (см., например:[Бесценная, 1980]).

базовой основы. Так, названия музыкальных инструментов предполагают предикат *играть* (ср. *гитарист, арфист, пианист*), названия животного — *любить, охотиться, ухаживать* (ср. *лошадник, собачник, волчатник, коровник*) (ср.: [Резанова, 1983]).

Среди именных основ есть такие, которые, даже порождая неузуальные слова, достаточно определенно указывают на семантику явно невыраженного предиката (например, *предисловщик* 'кто пишет предисловие'), но есть и такие, характер связи которых с именем проясняет лишь конситуация или контекст. Таковы, например, неузуальные *июньщик* и *июлец*. Очевидно, что имя указывает время протекания действия, но какого действия? Эти слова были созданы в РЯ для наименования лиц, родившихся в июне и в июле.

Таким образом, производное слово может реализовать и ситуативные, случайные, нетипизированные связи между именем и предикатом или между двумя именами. Такой вид связи наиболее характерен для РЯ [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, 77—80].

Эта особенность построения номинаций — производных слов имеет универсальный характер и приводит к тому, что внутренняя форма производного слова может отличаться большим разнообразием [Ермакова, Земская, 1985].

Многие из отыменных имен лиц характеризуются двойственной мотивацией: они могут быть соотнесены как с основой существительного, так и со словосочетанием, включающим относительное прилагательное (*пыльцевик* — кто изучает пыльцу; кто проводит пыльцевой анализ; *ночник* — кто работает ночью; кто работает в ночное время; *плановик* — кто работает в плановом отделе; кто составляет план). Подобное различие в мотивации не влияет на характер семантики производного, на его ономасиологическую структуру. Производное, соотнесенное с базовой основой субстантива или с базовой основой отсубстантивного прилагательного — синтаксического деривата, выражает отношение к предмету, ибо относительное отсубстантивное прилагательное ничего, кроме отношения к предмету, не обозначает. Оно само есть отсылка к предмету. Именно поэтому мы противопоставляем отглагольные производные отыменным, объединяя под этим последним названием как собственно отсубстантивные и отадъективные производные (соотносительные с отсубстантивными прилагательными), так и существительные, имеющие двойственную мотивацию (основой существительного и основой отсубстантивного прилагательного).

В класс отглагольных производных мы включаем как имена, мотивированные основой глагола (типа *сколотчик* — от *сколотить*), так и имена, имеющие двойственную мотивацию — глаголом и отглагольным именем (*откормщик — откормить* и *откорм, бандажировщик — бандажировать* и *бандаж, освоенец — освоение* и *освоить*). Нас интересуют не проблемы формальной членимости слова и вычленения суффикса, но проблемы функционирования производного слова как номинации и, следовательно, проблемы семантического строения производного слова, выявление того, что выражено составом слова эксплицитно, а что осталось явно не выраженным. В этом отно-

шении имена, соотносительные с основами существительных и отсубстантивных прилагательных, противостоят именам, соотносительным с основами глаголов и отглагольных существительных. Первые содержат скрытый предикат и называют объект, инструмент, время, место или другие обстоятельства, связанные с предикатом. Вторые явно называют предикат и содержат не выраженный явно объект, инструмент и т.д. Так, *освоенец* — это 'тот, кто осваивает', 'тот, кто производит освоение', но что́ именно он осваивает, не выражено.

Однако не все отсубстантивные имена лиц обозначают активное воздействие на предмет, т.е. принадлежат к классу nomina actoris. Существуют значительные группы наименований, выражающих отношение к предмету (субстанции) не как воздействие на него. Некоторые из них производятся теми же суффиксами, что и nomina actoris. Ср.: *ядерщик* (кто исследует ядро), *угольщик* (кто открывает уголь, о геологе) и *стадионщик* (кто часто посещает стадион, кто ходит на стадион). Иные из имен лиц, не выражающие активного отношения к субстанции, обозначенной базовой основой, имеют специализированные средства выражения. Таковы имена на *-ец* (*-овец*), *-анин*, *-чанин*. Они обозначают принадлежность (в широком смысле) лица к субстанции. Это имена жителей (типа *тагилец, марсианин, трускавчанин*) и членов каких-либо объединений (типа *суворовец* — ученик суворовского училища). Имена, обозначающие принадлежность (в широком смысле) лица субстанции, будем называть nomina possessiva.

Имена лиц, произведенные посредством тех суффиксов, которые порождают nomina actoris, но не выражающие активного воздействия на предмет, будем рассматривать внутри класса слов nomina actoris (производные типа *июльщик;* см. о них ниже). Отметим здесь предварительно, что по характеру наименования, по своей внутренней форме они отличаются от nomina actoris.

Именам производителя действия и именам активного воздействия на предмет противостоят имена лиц, обозначающие nomina patientis, т.е. лицо, на которое направлено воздействие. Такие производные для русского языка малохарактерны, например: *выпускник* — кто выпущен учебным заведением, *отсрочник* — кому отсрочили срок, *искусственник* — кто вскормлен искусственно. Мы рассматриваем подобные производные среди других производных с тем аффиксом, который их формирует.

Как особый класс внутри отыменных наименований лиц выделяются собственно отадъективные производные, т.е. производные от основ качественных прилагательных. Это наименования лиц по характеризующему признаку (типа *глупец, добряк*). Такие имена лиц могут порождаться и производными качественными прилагательными, не уступающими (в отличие от относительных прилагательных) свою мотивирующую силу базовой основе (*умный — умник*). Назовем этот последний класс производных nomina qualificativa.

Итак, среди имен лиц выделяются следующие обширные классы производных: отглагольные наименования лиц (nomina agentis); отыменные наименования лиц: nomina actoris; nomina possessiva; nomina qualificativa.

ОТЫМЕННЫЕ ИМЕНА ЛИЦ

Nomina actoris (производные на *-ник* и *-щик/-чик*)

Среди отыменных наименований лиц высокой активностью выделяются производные на *-ник* и *-щик/-чик*, имеющие много общих черт. И тот, и другой суффикс действует как в сфере отыменного, так и отглагольного словообразования. Значительную часть производных и с тем, и с другим суффиксом можно отнести к компрессивному словообразованию, так как они служат краткими обозначениями имен лиц (по профессии или иным признакам), которые функционируют в РЯ, нестрогой профессиональной речи, языке периодической печати как эквиваленты официальных развернутых наименований. Ср.: преподаватель сопромата — *сопроматчик*, специалист по ядерной физике — *ядерщик*. Показательно, что среди подобных слов есть как узуальные, широко употребительные, так и новообразования, порождаемые потребностями данного акта коммуникации: специалист по большим системам — *"большесистемник"*. В таких случаях производное нередко дается в кавычках: Переполненный зал говорил о важности и злободневности проблем, над которыми работают *"большесистемники* (К. пр. 1968).

Отметим, что этот тип словообразовательной компрессии действует уже в XIX в. [Очерки по исторической грамматике..., 1964]. Ср.в Сл. Даля: *авосьник* — кто полагается на авось. Вот показательные примеры: Альманах, замышленный "Скорпионом", прельстил почему-то Бунина, и у него началась погоня за литераторами, стали мы *"альманашниками"* (Брюсов, Дневники); *Кумысник* — кто лечится кумысом: ...причину поразительного эффекта кумысолечения следует искать... в тех благоприятных внешних условиях, которые окружают *кумысника* в степи... (Записки русского бальнеологического общества в Пятигорске, 1914).

Не все имена лиц на *-щик/-чик* и *-ник* принадлежат к компрессивам. Часть их не соотносится с "длинными" номинациями и является основным нейтральным обозначением денотанта. Суф. *-ник* и *-щик* сами по себе нейтральны (ср. окрашенные резкой экспрессией *-уга, -ага, -уля* и под.). Однако среди производных на *-ник* и *-щик* немалая часть имеет оценочный характер, что объясняется как характером их семантики, так и сферами употребления ("нестрогая речь").

Имена лиц на *-ник*

Суф. *-ник* — один из самых активных в производстве имен лиц от основ существительных и прилагательных. Делит сферы влияния с *-щик* (который более активен в отглагольном производстве) и с *-ец/-овец* (который специализируется на производстве наименований со значением 'член какого-л. коллектива', 'последователь'). Производит подклассы имен различной семантики.

Отыменные существительные с суф. *-ник*, называющие лиц, содержат невыраженный предикат и строятся по формуле 'тот, кто (неназванный предикат) + базовая основа' (теми или иными отношениями связанная

с предикатом). Чаще всего эта формула в наименованиях профессий реализует объектные отношения, а отсутствующий предикат может быть прочитан как 'производить (изготовлять)', 'изучать', 'продавать', 'лечить', 'любить' и т.п. Иные виды отношений (инструментальные, локативные, временные и нек. др.) имена лиц на *-ник* выражают реже. Отметим, что не всегда семантика предиката объектного имени может быть точно обозначена при помощи глагола. Иногда имя просто обозначает объектную сферу действия (*ремонтник, эксплуатационник* и т.п.).

Базовая основа может быть как субстантивной, так и адъективной: *бальник* — танцор группы бального танца (НС-82), *разговорник* — артист разговорного жанра (НС-70), *ажурник* — кто изготовляет ажурные ткани.

Наиболее активны имена лиц, в которых базовая основа выражает отношение к о б ъ е к т у деятельности. Базовая основа называет сферу профессиональной деятельности: *вероятностник* (кто работает в области теории вероятности); *автотранспортник, проблемник, программник;* кто изготовляет...: *корпусник* (корпус автомашины), *галошник, патронник;* кто исполняет...: *чечеточник, частушечник;* кто продает...: *арбузник, картошник* (ср. старое *мясник* и др.); кто лечит... — базовая основа называет больной орган: *сердечник, глазник, желудочник, почечник, печеночник;* базовая основа называет болезнь: *туберкулезник, спидник;* кто обслуживает нечто — базовая основа может именовать и биофакт, и артефакт. Ср., с одной стороны, *коровник, птичник* (служитель при животных) и, с другой — *корпусник.* Вот примеры: На "Софии" до сих пор раскрыта корма... *корпусникам* потребуется двенадцать суток (Изв. 1963); Вернемся к опыту *автотранспортников* (Изв. 1965); А коллективы, возглавляемые *"разговорниками"* — известными куплетистами, конферансье, фельетонистами? (ЛГ. 1966).

Непрофессиональные образования на *-ник* с объектными отношениями распределяются на несколько подгрупп. Они могут именовать лицо по объекту или сфере интересов: *тунгусник* — тот, кто изучает тунгусский метеорит: "КСЭ собирает *"тунгусников"* всей страны (ЛГ. 1983); *тарелочник* (специалист по летающим тарелкам: У нас *тарелочников* по существу нет (РЯ).

Значительную группу непрофессиональных образований составляют имена "любителей". Базовая основа может быть наименованием животного: *канареечник, собачник*... Если базовая основа обозначает артефакт (механизм, конкретный предмет), то имя лица получает значения 'любить производить то действие, которое естественно для данных предметов': *телефонник* — кто любит звонить по телефону, *книжник* — кто любит читать или собирать книги.

В РЯ активно производство имен лиц, обозначающих 'кто любит есть то, что называет базовая основа': *дынник, клубничник, вишенник, арбузник.* Из РЯ: Они все *кашники* / злачные // Овощи не едят //; У меня сын *арбузник* //; А ты оказывается (подыскивая слово)... *кофейник* //

Особую группу составляют наименования спортсменов по виду

спорта (который может рассматриваться как объект или как инструмент) или по названию игры: *байдарочники* и *городошники* (от городки); ср.: *козлятники* от *козел* (шутливое название игры домино). Чаще, однако, наименования спортсменов производит суф. *-ист* (*футболист, волейболист, рэгбист* и мн. др.).

Таковы основные группы имен на *-ник*, обозначающие отношение к объекту деятельности. Перечислить все не выраженные явно предикаты, встречающиеся при именах лиц, включающих основу субстантивную с объектным значением, невозможно, так как механизм порождения подобных слов действует свободно и новые производные могут содержать иные предикаты, не входящие в какие-либо многочисленные группы, например: *зачетник* — тот, кто получает зачет по какой-либо учебной дисциплине (в разг. речи) (НС-82).

Производные, имеющие иную ономасиологическую структуру, т.е. обозначающие отношение не к объекту, образуются менее активно. Среди них можно выделить определенные подгруппы.

Имена лиц, в которых базовая основа обозначает инструмент, с помощью которого действует именуемое лицо, малоактивны: *ручник* — специалист по ручному набору (т.е. тот, кто работает руками): *Ручников* разогнали / а на фотонабор не перешли еще (РЯ).

Базовая основа может обозначать временные и локальные понятия. В таких случаях явно не выраженный предикат обычно прочитывается как глагол состояния, местонахождения.

Временны́е: *ночник* — пастух, работающий ночью; *осенник* — ученик, который сдает экзамены осенью; *воскресник* — ученик, который остается в интернате на воскресенье.

Наименования лиц по месту несколько более активны. Среди них встречаются и обозначения, близкие к профессиональным (*эстрадник, заграничник* — кто работает за границей, *камбузник*). Имя лица *областник* (противопоставлено *районщик*) обозначает работника области: Огромное большинство *"областников"* было честнейшими, искренними людьми (Пр. 1986). Ср. в Сл. Уш. *курортник* с пометой "нов. разг.".

Словом *областник* называют и писателей, живущих в области: ...столичные литераторы находятся по сравнению с *областниками* в привилегированном положении... (Пр. 1986); *Шоссейниками* называют велосипедистов, проводящих гонки на шоссе (в этом случае предикат прочитывается не как глагол состояния, но как глагол движения): Стартовали наши сильнейшие *шоссейники* (Изв. 1965).

Имена лиц, соотносительные с локальными наименованиями, могут порождаться в РЯ легко и свободно, как номинации на случай: Решили дать *первоэтажникам* по 200 рублей / а безбалконникам по 50//;А на чем клубнику возят *рыночники?* (кто торгует на рынке). Ср. у Маяковского "Мое открытие Америки": "Тогда полиция... начинает окачивать солнечную (плебейскую) сторону водой. Это не помогает — тогда стреляют в тех же *солнечников*".

Некоторые слова на *-ник* могут рассматриваться как совмещающие локальную характеристику с оттенком качественно характеризующей семантики: *помоечник* (кто роется на помойке, *уничижит.*). Инте-

ресно слово *блокадник*, совмещающее временну́ю и локальную характеристики — 'кто жил в Ленинграде во время блокады': Спасибо за тревогу о коренных ленинградцах, *блокадниках* (ЛГ. 1986).

Имена лиц на *-ник* могут выражать и иные виды обстоятельственных отношений: *договорник* — кто работает по договору; *условник* — кто осужден условно; *очередник* — кто стоит в очереди; *искусственник* — ребенок, которого вскармливают искусственно; *смежник* — кто работает в смежной области. Характерно, что подобные слова нередко объясняются в тексте: Макаров проживал на правах *"договорника"*, то есть специалиста, работающего на договорных началах (Пр. 1972). Ср. наименования спортсменов — *одиночники* (кто участвует в одиночном соревновании), *фигуристы* (кто занимается фигурным катанием), соотносительные с прилагательными, но обозначающие отношения к обстоятельствам действия.

Своеобразную и активную группу производных составляют существительные, именующие человека по больному органу ('тот, у которого болит то, что называет базовая основа'): *сердечник, почечник, желудочник;* или по болезни: *инфарктник*. Из РЯ: Он *инфарктник //*; Что с меня взять? *Метастазник //; Сердечники* все страдают в такую погоду //. Подобные производные могут быть омонимичными названиям врачей: *сердечник* — кто лечит сердце, у кого болит сердце. Имена больных называют лицо не по активному действию, а по состоянию.

Особую группу производных на *-ник* составляют оценочные имена-характеристики. Для них типична такая структура: 'кто имеет то, что названо базовой основой': *блатник* — кто имеет блат (НС-82); *персональник* — кто имеет персональное дело; *стажник* — кто имеет стаж; *колясочник* (об инвалидах): *Колясочников* пропускали бесплатно (Пр. 1990); 'кто как-то связан с тем, что названо базовой основой': неузуальное *бутылочник*: Во время одного из футбольных матчей они, будучи в нетрезвом состоянии... бросали бутылки. Лишь случайно это не привело к тяжелому увечью сидевших на нижних рядах зрителей. *"Бутылочников"* надо строго наказывать! (ВМ. 1965).

У слов-характеристик нередка метафорическая мотивация [Лопатин, 1975, 53—57]: *халатник* — кто постоянно носит халат, т.е. лентяй. Из РЯ: Деревьев там мало и все *походники-палатники* с топорами за ними шастают //; (шутл.) *запчастник* — кто имеет запчасти (НС-82). Интересно слово *чулочник*, имеющее значение 'бабник' — кто бегает за чулками (ср. *юбочник*): — Ух *чулочник!* Наверняка у своей крали лясы точит... (Штемлер, Поезд). Ср. объяснение слова-характеристики *макинтошник* в стихотворении Б. Слуцкого (ДН. 1987. N 6):

Интеллигенты получали столько же
и даже меньше хлеба и рублей
и вовсе не стояли у рулей.
За макинтош их звали *макинтошники*,
очкариками звали — за очки...
А макинтош был старый и холодный,
и *макинтошник* — бедный и голодный,
гриппозный, неухоженный чудак.

На периферии имен лиц на *-ник* находятся существительные, обозначающие 'кто принадлежит коллективу, названному базовой основой': *одногруппник* (НС-80); *однопартник* (НС-80); *бригадник* (НС-82). Показательно, что НС-82 дает как пояснение к этому слову образование с другим суффиксом: *бригадист*. В наименовании членов обществ, организаций и т.п. суф. *-ист* значительно более активен (см. об этом ниже). Тем не менее отдельные производные со значением 'член чего' создает и суф. *-ник*. Например, от названия *сектор* употребительно *секторальник* (наряду с шутливым *секториане*).

По-видимому, для слов на *-ник* в начале XX в. значение 'член' было более характерно: *фабзавучник, первичник* (член первичного кооператива), *профсоюзник*.

Имена лиц на *-(ш)ник*

Для выражения тех же видов отношений, которые были рассмотрены выше, используется морфологическая модель с интерфиксом *-ш-* в тех случаях, когда базовая основа — аббревиатура, несклоняемое существительное или прилагательное имеет исход на гласную: *киношник, доминошник, кукарешник, гаишник, асушник, фээзошник, ОКБешник, энэлошник* (от НЛО), *итэдэшник* (от ИТД — индивидуально-трудовая деятельность).

Слова этой модели имеют ярко выраженный сниженный характер, часто с оттенком уничижительности: ...даже этот *пенснэшник* верит (Б. Полевой, Доктор Вера). Активность этой модели обнаруживают образования, свободно возникающие по мере надобности: все собрались в домике у *ОКБешников* (К. пр. 1975); стол *доминошников* (ЛГ. 1985); (статья о детском клубе) Членов группы "Микро" называют *микрошники* (ЛГ. 1986); Когда *"цэрэушники"* недовольны *"бибисишниками"* (от ЦРУ и Би-би-си) (ЛГ. 1986; заголовок).

Показательно, что слова такой структуры могут вызывать отрицательную оценку говорящих. Ср. диалог: — А он-то кто? — Такое неприятное слово / *асушник* / (поясняет) от слова АСУ (автоматическая система управления // — И он сам так говорит? (изумленно) — Да! Он меня прямо забросал АСУ́ / *асу́шник* / *асу́чивать* //.

Имена лиц на *-щик/-чик*

Отыменные названия лиц на *-щик/-чик* высокоактивны. Сфера их действия и семантика близки отыменным производным на *-ник*. Эти форманты разграничивают прежде всего морфонологические условия сочетаемости с основами (см. Гр-80; [Бесценная, 1980, 16—18]).

Производные на *-щик* наиболее активны в обозначении лиц по о б ъ е к т у профессиональной деятельности в самом широком смысле. Значительная часть производных имеет в качестве базовой основы наименование сферы профессиональной деятельности: *атомщик* (кто работает в области атомной физики), *электронщик, обувщик* (кто работает в обувной промышленности). Подобные наименования возникают на наших глазах: *эвээмщик* (специалист по ЭВМ). Производные, имеющие в основе имя артефакта (конкретного бытового

предмета — типа *обувь* или механизма, машины — типа *ракета*), могут обозначать и лицо, которое связано тем или иным образом в профессиональной деятельности с данным предметом), и лицо, которое непосредственно изготовляет, производит нечто: *ракетчик, обувщик.* Базовая основа может быть наименованием материала, вещества, с которым работает лицо: *азотчик, бетонщик, угольщик;* наименованием того, что изучает лицо: *нанапланктонщик* (геолог, изучающий нанапланктон), *ядерщик, атомщик;* наименованием того, кто преподает: *сопроматчик, истматчик;* наименованием того, что производит, изготовляет лицо: *консервщик.* Ср. обозначения писателей по разрабатываемой ими тематике: *деревенщик; детективщик.*

Вот пример, показывающий текстовые условия создания наименований на *-щик*: Проблем так называемой *деревенской прозы* касались в своих выступлениях критики... нужен спор о том, что в произведениях *"деревенщиков"* истинно, а что ложно (ЛГ. 1967).

Перечислить все не выраженные явно предикаты, которые могут содержаться в имени лица при базовой основе, называющей объект деятельности, нет возможности и необходимости, так как всегда может появиться производное, нарушающее закрытость списка (см. ниже примеры ситуативных производных).

Наименования лиц по профессии, специальности создаются и от основ прилагательных: *телевизионщик* (ср.неузуальное *телевизорщик;* официальное *телевизионный мастер*), *адсорбционщик* (химик). В таких случаях объект деятельности назван словосочетанием "прилагательное + существительное", а базовую основу поставляет имя прилагательное.

Как уже отмечалось выше, имена на *-щик,* обозначающие лицо по профессии, области деятельности, функционируют в так называемых нестрогих сферах языка — языке газет, непринужденном РЯ. Им противопоставлены официальные обозначения, ср.: *атомщик* и *специалист по атомной физике, обувщик* и *работник обувной промышленности.* Вот несколько примеров, показывающих характер их употребления: *Электронщики* с психологами составили для детей несколько видов обучающих программ (М. пр. 1987); Кто-нибудь из *телевизионщиков* (Изв. 1965); Плановые органы отказывают *коммунальщикам* в нужных материалах (Изв. 1966); Вряд ли из меня получится хороший философ, а *радиоэлектронщик* может получиться (ЛГ. 1986).

Производные на *-щик* очень удобны своей способностью обозначать профессии дифференцированно: Я сегодня ждала *телевизионщика* // Нет // (поправляясь) // *Антенщика* (РЯ). Подобные образования широко употребительны в РЯ лиц разных специальностей. Вот несколько текстовых примеров: (химик) Я не *адсорбционщик* / мне приходится обращаться к ним за помощью //; (геолог) *Нанапланктонщики* это изучают //; (геолог) Потом идет *угольщик* // — Он кто? Химик? — Нет / геолог / открыл крупные месторождения угля //.

Чтобы показать близость действия формантов *-ник* и *-щик,* возможность их использования в одной тематической сфере, приведем наименования филологических специальностей, бытующих в кругу

лингвистов (часто имеются синонимичные образования с разными суффиксами, что свидетельствует о свободе образования по той или иной модели): *современник, современнист, современщик; интонационник; интонационщик; глагольник, глаголист, глагольщик; наречник; метонимщик, метонимист; аббревиатурщик.*

Наименования по другим видам отношений не столь активны. По инструменту, орудию: *экскаваторщик, аппаратчик,* певец-*микрофонщик, пилорамщик, пневматчик, контурщик* (художник, который рисует контурами): А если собрать всех *контурщиков* / то и не отличишь одного от другого //; по месту: *линейщик* — электрик, работающий на линии (НС-70); *районщик* — кто работает в районе; *деревенщик* — кто работает в деревне, *периферийщик* — кто приехал с периферии, *загранщик* — кто ходит в загранку (о матросах); *чайханщик, духанщик.* Вот несколько примеров: ...вечером в гостиницу, где селились *районщики,* приходили городские (Пр. 1986); — Но я-то без флота — нуль без палочки! Куда мне без него? В колхоз ехать и *деревенщиком* становиться? (В. Конецкий, Третий лишний); В окошко сотрудники и приезжающие *"периферийщики"* — был и такой термин — спрашивали, когда Инна Матвеевна может принять (Ю. Герман, Я отвечаю за все).

Непрофессиональные наименования лиц создаются по предмету, выступающему как в функции объекта (*алиментщик* — кто не платит алименты, *цитатчик* — кто часто приводит цитаты, *макулатурщик* — кто сдает макулатуру, *шпаргальщик* — кто пользуется шпаргалками, *предисловщик* — кто писал предисловие), так и в других функциях (*кавээнщик* — кто участвует в КВН), в том числе по месту (*стадионщик, салонщик*), времени (*июльщик* — кто родился...).

Отметим, что прочитывание явно не выраженного предиката не всегда возможно вне конситуации и контекста, ибо нередко имена на *-щик* рождаются ad hoc. Так, если надпись в столовой "Стол для *диетчиков*" прочитывается однозначно, то имена типа *персональщик, половинщик* могут вызвать недоумение. В конкретных условиях *половинщик* значило 'владелец половины дачи', *персональщик* — кто получает персональную надбавку к зарплате.

Итак, активность форманта *-щик* позволяет ему создавать номинации, связанные с определенной ситуацией или контекстом. Вот еще примеры, показывающие, как рождаются такие слова: Считается, что шахматам угрожают две опасности — "ничейная смерть" и "кибернетическая смерть": Пессимизм чемпионов мира прошлого разрушен советской шахматной школой, представители которой являются кем угодно, но только не *"ничейщиками"* (К. пр. 1989). (в Крыму в поселке Коктебель) — Здесь живут *каменщики* (показывает на красивую дачу) // — Масоны? (с недоумением) — Да нет / камни собирают //.

Многие непрофессиональные наименования несут компонент оценки (чаще негативной), выступая как наименования-характеристики. Так, среди непрофессиональных наименований выделяется группа обозначений лица по какому-либо предмету, выступающему как его типичная примета, становящаяся характеристикой: *транзисторщик* (кто ходит с транзистором: Ненавижу этих *транзисторщиков!*), *портфельщик*

(кто ходит с портфелем, т.е. не занят в непосредственной производственной деятельности). Ср. также: *саморекламщик* (РЯ), *конъюнктурщик, иррациональщик, апартеидчик* (Пр. 1986). Об активности форманта *-щик* свидетельствует и тот факт, что в ряде случаев производные на *-щик* образуются и тогда, когда имеется узуальное слово другой структуры. Нередко при этом они содержат компонент отрицательной оценки (оттенок легкого пренебрежения, отношения свысока): Там много всяких *театральщиков* (РЯ). В стихах А. Вознесенского встречаем *командировщики, экспериментальщик* (ср. нейтральные *командировочный, экспериментатор*).

В целом следует отметить, что каждый суффикс имеет определенное пристрастие к выражению тех или иных семантических отношений. Так, обозначение больных и врачей — сфера действия *-ник* (ср., впрочем, редкие имена на *-чик* типа *радикулитчик* — о враче). Принадлежность к коллективу, учреждению слова на *-щик* выражают редко (*университетчик, сельсоветчик*). Из РЯ: Я там видел студентов / тоже *университетчики* / но другие факультеты //. Этот вид отношений, по-видимому, производные на *-щик* ранее выражали более активно. Ср. зарегистрированные в газетах 20-х годов: *политпросветчик, сельсоветчик, агитпромщик, компродчик, орготдельщик, губкомщик, волкомщик* и под. Позднее выражение этого вида отношений берут на себя производные на *-ец* (*-овец*): *райкомовец, исполкомовец* и под.

Наименования лиц, содержащие форманты, сочетающиеся только с именными базовыми основами

К формантам, сочетающимся только с именными базовыми основами, относятся *-ист, -овик,* а также *-ик, -(и)анин, -чанин.*

Имена лиц на *-ист*

В 60–90-е годы XX в. суф. *-ист* обнаруживает очень высокую активность в производстве имен лиц от существительных различных семантических групп: имена собственные (личные и географические) и нарицательные, имена конкретной и отвлеченной семантики. В зависимости от семантики базового субстантива суф. *-ист* порождает несколько групп наименований.

В качестве базовых могут выступать также основы имен прилагательных, входящие в словосочетание с существительным, которое мотивирует наименование лица. Как уже упоминалось выше, в таких случаях выступает относительное прилагательное, содержащее основу субстантива (типа *ручнист* — кто занимается ручной продажей), что создает предпосылки двойственной мотивации: основой прилагательного и основой субстантива. Лишь в редких случаях, которые должны рассматриваться как исключение, имена на *-ист* включают основу подлинного прилагательного: *особист* — сотрудник особого отдела.

Наименования по профессии, специальности могут выражать различные виды отношений: наименования по инструменту, орудию труда: *тракторист, приборист, бульдозерист,* нов. *лунобилист*

(В. Степанов, Серп земли. 1981), окказ. *кошельковист* (кто ловит рыбу кошельковым способом); ср. производные с другими суффиксами: *экскаваторщик, комбайнер;* наименования по объекту: *турбинист, программист;* наименования по месту деятельности: *штабист, базист* (ср. *базовик*), *архивист, клиницист;* наименования по сфере профессиональной деятельности: *стенографист, телеметрист, сигналист; прочнист* (Он по теории прочности // *Прочнист* это называется // (РЯ); Программу полетов обсудили все вместе, с ведущим инженером и *"прочнистами".* — М. Галлай; НС-70); *анастезист* (МЦ. 1963; ср. *анастезиолог*); названия специальностей художников: *витражист, фрескист, мозаичист, плакатист;* названия специальностей, бытующие в кругу филологов: *орфографист, синонимист, современнист, дихотомист, семиотист* (ср. *семиоты*), *глаголист* (ср. *глагольщик*), *акцентист* (ср. *акцентолог*); *каталонист* (ср. *романист, германист, латинист...*).

Среди профессиональных наименований с суф. *-ист* значительную группу составляют существительные, обозначающие музыкантов — 'кто (играет на) инструменте, именуемом базовой основой'. Число подобных существительных в русском языке очень велико, однако рост его незначителен, так как новые инструменты появляются достаточно редко. Эта группа растет преимущественно за счет наименований национальных инструментов народов СССР: *кобзист, шапарист, домбрист* (ср. бытующее в 20—30-х годах *домерщик*).

От имен лиц собственных (писателей, исторических деятелей и т.д.) образуются наименования тех, кто изучает данное лицо: *герценист, гетист, жоанист* (НС-80; изучающий Жанну д'Арк); *сервантист* (Пр. 1985).

В этом значении имена на *-ист* конкурируют с именами на *-вед* (см. об этом ниже).

Непрофессиональные наименования составляют несколько подгрупп.

1. Наиболее активны наименования спортсменов по названию вида спорта или орудию: *биатлонист, брассист, академист* (академическая гребля), *слаломист, ватерполист, дзюдоист; буерист, рапирист, шпажист;* ср. наименования, выражающие семантические отношения иного типа: *финалист; столбист* (по названию заповедника "Столбы"): На поясе у *столбистов* намотаны длинные красные или синие кушаки (К. пр. 1963).

Сравнение наименований музыкантов и спортсменов показывает, как непосредственно и отчетливо влияет действительность на рост лексики и через нее на словообразование. Число наименований музыкантов возрастает очень медленно. Число наименований спортсменов, напротив, резко увеличивается, что отражает бурный рост спорта в наше время.

Непрофессиональные наименования по сфере деятельности, сфере увлечений: *аквариумист, флорист, хоббист.* Вот примеры: В Москве немало любителей-*аквариумистов* (ВМ. 1965); "Зимний букет" — так московские *флористы* назвали свою выставку (К. пр. 1964).

Значительную группу имен на *-ист* составляют обозначения последователей тех или иных течений, взглядов: *минималист, мак-*

сималист, иудаист — сторонник, последователь иудаизма (НС-82).

От наименований групп, партий суф. *-ист* создает названия членов — 'кто принадлежит, относится к тому, что называет базовая основа': *особист* — сотрудник особого отдела, *прожектерист* — член группы "Комсомольский прожектор". Вот еще несколько примеров: ...*баасисты* обрушили яростные репрессии на коммунистов (МЦ. 1963); Мракобесов-*бэрчистов* (от Бэрч) щедро финансируют "бешеные", правые экстремисты (там же). Наименования членов различных групп, партий фиксирует неология. Многие из них, являясь заимствованиями, легко вычленяют суф. *-ист*. Так, НС-82 помещает: *альянсист* — член партии "народный альянс"; *монкадист; секурист; солидарист* — член организации "Солидарность" в Польше. Новые наименования этого типа возникают постоянно. Так, в середине 80-х годов появилось название *"металлисты"*, не связанное с наименованием профессии. Новые *"металлисты"* (это слово обычно пишут в кавычках) — любители "металло-рока" ("металла", как его называют), члены неформальных объединений молодежи: *"Металлисты"* — так называют себя молодые люди, увлекающиеся музыкой "тяжелого металла", "металлическим роком".

В этом же ряду стоит и новое слово *"волнисты"* — сторонники течения "новая волна": опознавательные знаки сегодняшних "хиппи", "металлистов", "брейкеров", "волнистов" и т.д. (Пр. 1987).

Суф. *-ист* обнаруживает некоторую активность и за пределами перечисленных тематических групп. Рассмотрим несколько подобных образований. *Хорошист* — кто получает отметку "хорошо" в школе (ср. *отличник*); *резервист* — кто находится в резерве: ...пусть в коллективах присматриваются к *"резервистам"* (Пр. 1987); *латифундист* — кто владеет латифундией: *Латифундист* багровый пил из туфельки / уткнувшейся в салат звезды ревю (Е. Евтушенко, Отель "Гаванна").

Суф. *-ист* активен и в сфере неузуального словообразования. Он порождает наименования специалистов и последователей. Как правило, неузуальные слова ярко ироничны. *Ист* — морфема, наделенная серьезной книжностью, самоуважительностью. Прибавление этого форманта к основам, именующим бытовые предметы, создает пародийное звучание. Таково слово *картофелист*, претендующее на то, чтобы встать в один ряд с *идеалистами, материалистами* и другими терминами: Возникли клубы *Картофелистов* и *Антикартофелистов* (С. Лем, Звездные дневники Йона Тихого).

С помощью суф. *-ист* формируются шутливые названия специальностей, комизм которых иногда усиливается каламбурным столкновением. Часто при этом создатель окказионализма поясняет его. В статье "Люди и камень" рассказывается о *"карьеристах"*: Нет, не тех *карьеристах* без кавычек, которые, не брезгуя ничем, продвигаются по служебной лестнице, а о тех, что долбят пласты в каменном карьере (СЖ. 1963); Я автор названий. Художник-*названист*, если можно так выразиться. — Как, как? — не понял я. — Ну, если литератор, сочиняющий романы, — *романист*, то сочиняющий названия — *"названист"* (Я. Осенка, *"Названист"*); *сохарист* — кто пашет сохой: "Поеду в самую дикую деревню и выйду замуж за *сохариста*". Я не понял,

кто это — *сахарист?* Объясняет: "Не люблю трактористов. Осточертели интеллигентные люди. Найду цельную натуру, которая будет пахать сохой" (К. Краковский, Возвращение к горизонту); *Кассист* — кто вскрывает кассу (ЛГ. 1981).

Резко насмешливо звучит *абстрактист* в поэме "Оза" А. Вознесенского (в рифме к *катись*!), ср. узуальное *абстракционист*: Вот чей-то почерк: / "*Автор-абстрактист*!" / А снизу красным: "Сам туда катись!"

Исследование производных с суф. *-ист* в русском языке (начало — первая треть XX в.) показывает изменения в его морфотактике. В начале века суф. *-ист* давал производные от аббревиатур: *чекист* (ЧК), *цекист* (ЦК), *нэпист* (НЭП). В 60—80-е годы новообразования не фиксируются. Однако во время путча 1991 г. создается пара *ГКЧП — гэкачепист,* чему несомненно способствовала аналогия с *ЧК — чекист.*

Итак поведение и "лицо" суф. *-ист* в современном языке своеобразно.

1. Будучи по происхождению заимствованным, но получив способность сочетаться с русскими основами еще в XVIII в. [Йирачек, 1971], суф. *-ист* тем не менее сохраняет тяготение к заимствованным основам. Среди производных, созданных уже на русской почве, подавляющее большинство составляют такие, которые имеют основы заимствованных слов. Производные от русских основ, прочно вошедшие в язык, немногочисленны: *пушкинист, значкист, связист, очеркист.*

Многие из существительных на *-ист* с русскими основами кажутся неуклюжими, ненастоящими словами (*хорошист, современист, прочнист, ручнист, кошельковист* и под.). Происхождение суффикса (черта диахронии) оборачивается существенным свойством синхронического характера, регулирующим его сочетаемость с основами, т.е. морфотактику.

2. Морфофонематические свойства суф. *-ист* способствуют легкости его соединения с базовыми основами различного строения. Он не вызывает никаких чередований, кроме самого распространенного: твердые // мягкие согласные. При сочетании с основами на другие гласные может происходить: а) усечение конечной гласной фонемы (*каноэ — кано-ист*); б) интерфиксация (*каноэ(т)ист*); в) соединение без явлений взаимоприспособления морфов (*дзюдо-ист, каноэ-ист*). В отдельных производных наблюдается интерфикс *-н-*: *морфинист* (ср. *кокаинист*), *византинист.*

3. Суф. *-ист* порождает лишь имена лиц. Предметов он не именует.

4. Производные с суф. *-ист* образуют несколько четко очерченных тематических групп: специалист по..., последователь..., член..., спортсмен, музыкант. Вне этих групп активность форманта *-ист* невелика.

5. Суф. *-ист* действует в кругу субстантивных базовых основ. Связь с глаголами ему не свойственна. Выход в сферу адъективных основ незначителен (*ручнист, особист* и др.).

6. Суф. *-ист* — интернациональная морфема. Он продолжает проникать в русский язык вместе с заимствованными словами, что увеличивает класс слов на *-ист.* Ср.: *микробригадисты* (Пр. 1987), *микробисты*: — Что еще за *микробисты?* — с недоумением спрашиваю я. — *Микробисты!* А как у вас, в Советском Союзе, называют

тех, в кого вселились микробы футбола? — У нас их зовут "болельщиками" (ЛГ. 1963).

7. Производные с суф. *-ист* относятся к разряду книжной лексики. Среди них много научных и общественно-политических терминов. Это — "серьезные" слова, нередко имеющие ореол высокости. Они противопоставлены компрессивам разговорного характера, формируемым суф. *-щик* и *-ник*. Ср.: *романист, очеркист* и *деревенщик, детективщик, остросюжетник.*

Имена лиц на *-овик*

Эти имена лиц проявляют небольшую активность в производстве наименований лиц по профессии, специальности. Коррелируют с относительными прилагательными на *-овый*, в основе которых лежит имя существительное, именующее предмет, с которым лицо связано в своей профессиональной деятельности (объектными, локальными или иными отношениями), или сферу, с которой связана специальность. Свойственны преимущественно нестрогой профессиональной речи.

Имена на *-овик* ярко обнаруживают двойную соотносительность: а) только формальную, а в ряде случаев и формальную, и смысловую с отсубстантивными прилагательными на *-овый* — синтаксическими дериватами; б) смысловую — с существительными, например: *базовик* (базовый и работник овощной базы; НС-82), *отраслевик* (отраслевой и работник отрасли). Мы характеризуем этот класс существительных как слова на *-овик*, считая нецелесообразным раздроблять его на два СТ: 1) слова на *-овик*, соотносительные с основами существительных; 2) слова на *-ик*, соотносительные с основами прилагательных.

Важно подчеркнуть следующее. В производстве имен лиц по профессии, специальности активен лишь формант *-овик*, тогда как имена лиц на *-ик* (см. о них ниже) резко отличаются и по семантике, и по характеру употребления, и по стилистической окраске от существительных на *-овик*. Именно поэтому — независимо от того, соотносится ли данное слово с основой отсубстантивного прилагательного или субстантива, — мы объединяем имена лиц на *-овик* в один словообразовательный тип.

Чаще всего существительные на *-овик* обозначают лиц по отношению к сфере их деятельности: *плановик, бытовик, отраслевик; поисковик* — работник поисково-спасательной службы (в разг. проф. речи; НС-82); *рейсовик* (шофер, который ездит в дальние рейсы); *газовик; стендовик* (кто читает стендовый доклад). Вот несколько примеров: *...хоровики* разучивают одну и ту же песню (СК. 1966); Что же в этом акте пришлось руководителям ростовских *бытовиков* не по душе? (ЛГ. 1986).

Наименования на *-овик* активно образуются лицами разных специальностей. Из речи геологов: *пыльцевик, пластовик*: Все эти годы меняли специальности // Переводили всех в *пластовики* //; *листовик* (геолог, который занимается составлением листов — государственных карт определенного масштаба); из речи лингвистов: *гнездовик*: Для нас *гнездовиков* это плохо; шутл. *жестовик*: — Вы кто? — *Жестовики* //.

Эта модель может порождать шутливые номинации: Может быть, действительно позвать этого *носовика?* (врача); Сейчас драться со *"спиртовиками"* [пьяницами] будет легче (ЛГ. 1962).

Следует отметить, что: 1) имена на *-овик* гораздо менее активны, чем имена на *-ник, -щик* и *-ец;* 2) имена на *-овик* лишены той яркой окраски разговорности, которая присуща словам на *-ник* и *-щик;* 3) именам лиц на *-овик* свойствен оттенок легкой канцелярщины.

О соотношении единиц *-ик, -овик* и *-ник* (К вопросу о функции интерфиксов в составе слова)

При изучении производства и функционирования производных слов, в первую очередь новообразований, становится очевидным тот факт, что интерфиксы в функциональном отношении неоднородны. Некоторые из них в соединении с аффиксом составляют единство, влияющее на характер функционирования слова, т.е. "суффикс + интерфикс" образуют формант, в значительной степени определяющий "лицо" слова (см.: [Земская, 1975; Булыгина, 1977]). Так, имена лиц с формантом *-(ш)ник* закреплены за РЯ и просторечием, в общелитературном языке они имеют окраску сниженности. Имена лиц на *-овик, -ик, -ник* также характеризуются своеобразием. Суф. *-ик* порождает имена лиц только в РЯ и жаргонах. Соответствующие производные имеют стилистическую окраску сниженности (ср. *женатик, очкарик, чудик, тубик* 'туберкулезный больной').

Производные — независимо от характера базовой основы (прилагательное, существительное, глагол) — отличаются единством сферы порождения и употребления, общностью стилистической окраски. Ср. с приведенными выше *контрик* (от *контра* — контрреволюционер), *космик, жмурик* (жарг. киноработников 'искусственный труп'). Вот несколько примеров: Если видишь на пляже загорелого человека / значит *тубик* //; В Крыму полно *тубиков* // (РЯ); Он уселся рядом, затянулся, щуря глаза. Принялся рассматривать свои ногти, чистить их спичкой. Ну и *чудик!* (В. Чивилихин, "Ёлки-моталки"); *Женатики* приуныли (К. Ваншенкин, Большие пожары); ...графики, оставленные *"космиками"* — их называли так потому, что доклады на этой секции, как правило, были посвящены управлению космическими аппаратами (К. пр. 1968).

Имена лиц на *-ик* резко отличаются от имен лиц на *-ник* и *-овик,* хотя и первые, и вторые, и третьи могут быть соотнесены с основами имен прилагательных. Слова на *-ник,* при том что они широко образуются в РЯ (ср. *грудник* 'ребенок грудного возраста', *осенник* 'школьник, сдающий экзамен осенью' и т.п.), лишены того оттенка шутливости, часто пренебрежительности, который свойствен существительным на *-ик.* Слова на *-ник,* как правило, имеют двойную мотивацию — существительным и прилагательным. В первом случае их формирует суф. *-ник*: *грудь — грудник.*

Слова на *-овик* еще более "серьезны", их среда — профессиональная речь. Вот несколько типических новообразований — *ценовик*: Наши *ценовики* подорвали и ее [цены] важнейшую роль в планиро-

вании... (ЛГ. 1987); *шелковик*: Работник, занятый в производстве шелка (НС-82); *тяговик*: Член поездной бригады (в разг. проф. речи); — Кстати от движенцев очень много зависит; они нами, *тяговиками*, управляют (Н.) (НС-82).

С нашей точки зрения, объединять в один словообразовательный тип слов с суф. *-ик* существительные типа *женатик; отставник, прикладник; фронтовик, кадровик* и под. не рационально. Формантами в таких производных является не единый *-ик*, но резко различные *-ик, -ник* и *-овик*. Соответственно ведут себя по-разному и производные. Среди слов на *-ик* много жаргонных и полужаргонных образований (типа *тубик*), соотносительных с усеченными существительными. Важно отметить, что среди слов на *-ик* нет наименований лиц по профессии, занятию, что характерно для имен лиц на *-ник* и *-овик*. Таким образом, не только форманты, но и базовые основы (относительные прилагательные — синтаксические дериваты, с одной стороны, и прилагательные — лексические дериваты — с другой) резко различны в своих словопорождающих свойствах.

Наименования лиц по принадлежности месту или коллективу

Совсем другую ономасиологическую структуру имеют наименования лиц по принадлежности к месту — 'кто живет/родился в месте (городе, стране...), названном базовой основой' или коллективу — 'кто принадлежит коллективу (обществу, учреждению...), названному базовой основой'.

Русский язык богат формантами, образующими имена жителей или уроженцев какой-либо местности. В современном языке слова с этим значением активно формируют аффиксы *-ец* и *-анин* (оба часто выступают с различными прокладками-интерфиксами).

Имена лиц на *-ан(-ин)*

Слова с суф. *-ан-* имеют в ед. числе показатель *-ин*, который отсутствует в формах мн. числа (*иркутянин — иркутяне, колымчанин — колымчане*). На примере действия суф. *-ан-* отчетливо видно, как тенденция к агглютинативности, к устранению явлений морфемного шва, затрудняющих членимость слова и затемняющих соотношение производных и базовых основ, действует в современном языке. Формант *-ан-* специализировался в сфере производства имен жителей от топонимов. Он производит новообразования от основ разного строения. Однако единственный вид чередования согласных, встречаемый в новообразованиях, это — чередования согласных, парных по твердости/мягкости (*Воркута — воркут'-ане*).

Среди новообразований на *-ан-* фиксируются преимущественно производные от основ, называющих населенные пункты и планеты (*Венера — венеряне, земля — земляне*), ср. также: *биосфера — биосферяне, Мирный — миряне*. Вот несколько примеров: (от названия планеты *Водо*): *Водяне* задались вопросом (ЛГ. 1963); На место строи-

тельства уже прибыли 12 кандидатов, соревнующихся за право стать *"биосферянами"* (Пр. 1986).

В отдельных новообразованиях перед суф. *-ан-* фигурирует интерфикс *-и-*: *Сириус — сириусиане* (из газет).

Новообразования не содержат чередований "заднеязычные || шипящие", "губные || губные + л'", которые были свойственны старым производным на *-анин* (*Киев — киевлянин, Рига — рижанин, юг — южанин*). В новообразованиях после губных и заднеязычных выступает формант *-ан-* с интерфиксом *-ч-*, и перед комплексом *-чан-* указанных чередований не происходит: *крымчанин, тамбовчанин, кировчанин.*

В тех случаях, когда базовая основа оканчивается на группу согласных, наблюдается усечение конечных морфов или морфемоидов (*-к, -ск, -цк, -ец* и др.): *Каховка — каховчанин, Мурманск — мурманчане, Донская — дончане, Кузнецк — кузнечане, Трускавец — трускавчане.*

Формант *-чан-* приобрел очень высокую активность. Он удобен своей однозначностью (житель) и агглютинативностью: *Береговой — береговчане, Клин — клинчане, Гомель — гомельчане.* Единственный вид чередования, который обнаруживают новообразования на *-чанин*, — это самое продуктивное чередование современного языка — чередование согласных, парных по твердости/мягкости (*т'/т, л/л'*): *Тагил — тагильчане, Припять — припятчане.* Это чередование не затрудняет соотношение производных с базой, чему на письме помогает и орфография.

Вопреки мнению (Гр.-80, 187), что *-чан-* не используется в производных от топонимов на *-град, -город* и *-горск* встречается и слово *звенигородчане* (от г. *Звенигородка;* МГ. 1964).

Вне топонимических основ активность *-анин* и *-чанин* невелика. Таким образом, в наше время продолжается тот же процесс, который был отмечен в истории русского языка: "По направлению к современности производство таких имен все больше и больше ограничивается" [Bartoszewicz, 1972, 43]. А. Бартошевич отмечает в современном языке слова *каторжанин, хуторянин, южанин, северянин, посельчанин* (нов.). Однако в наши дни возникают и еще некоторые производные не от топонимов. Таково *аульчанин* (от *аул*): ...Они похожи / На *аульчан* из нашего Цада (Р. Гамзатов);...воскрешали в памяти незабываемых *аульчан* (ЛГ. 1964). Однако если в существительном *аульчанин* выражено значение 'житель', то производные от основ иной семантики (например, от названий предприятий) представляются нам словообразовательными монстрами — *заводчане, деповчане* (с добавочным интерфиксом *-в-*), *бамчане* (от *БАМ*). Ср. примеры из Гр.-80: ТЮЗ — *тюзяне* (разг.), *таборяне* (газ.).

Имена лиц на *-ец*

Суф. *-ец* порождает разные подклассы имен в кругу имен лиц с общим значением принадлежности: 1. Член коллектива. 2. Житель. 3. Последователь кого, сторонник чего.

1. Суф. *-ец* в сочетании с разными интерфиксами (чаще всего *-ов-, -ин-, -ан-*) специализировался на обозначении лиц по принадлежности

к коллективу, учреждению, предприятию и т.п. Имена лиц этого подтипа очень активны, производятся от базовых основ различной структуры: простое или сложное существительное, аббревиатура, словосочетание. Примеров можно привести очень много: Завод "Электросила" — *электросиловцы*, Ленфильм — *ленфильмовец*, кружок — *кружковец*. Любое название завода, фабрики, института, организации может породить имя лица на *-ец*: завод "Станколит" — *станколитовцы*, Спартак — *спартаковцы*, Институт языкознания — *языкознанец*; УДН им. П. Лумумбы — *удэзновец* и *лумумбовец*.

В производных от аббревиатур на гласные используется интерфикс *-т-* (МАИ — *маитовец*) или *-j-* (ИМЛИ — *имлийцы*). Однако самый частотный интерфикс, выступающий при суф. *-ец*, — это *-ов-*. Особенно последовательно он используется в производных от аббревиатур на согласные, в том числе в производных от сложносокращенных слов: *райкомовец*, *парткомовец*, *исполкомовец*, *ляровец* (от ЛЯР), *киповец* (от КИП — контрольно-измерительный прибор). Производные этого типа создаются легко и свободно: молодой *госдеповец* (Пр. 1985); один из элементов борьбы *"капитолийцев"* (ЛГ. 1965). В РЯ: член отдела — *отделец*. Имена лиц этого типа широко отражает неология. Из НС-82: *энергомашовец*, *гостовец*.

Слова этого строения производятся и от тех существительных, которые в статусе имен нарицательных (не названий!) производных имен лиц не дают: журнал "Огонек" — *огоньковцы*, газета "Известия" — *известинцы*, клуб "Суббота" — *субботовцы*.

2. Вторую, очень активную, группу наименований на *-ец* образуют существительные, обозначающие жителей — 'кто живет в месте, названном базовой основой' (город Тольятти — *тольяттинец*). Группа многочисленна, о чем свидетельствуют словари названий жителей и пресса. Приведем лишь несколько текстовых примеров: Стивенсон стал добрым другом *самоанцев* (НМ. 1984); Вынырнул новый незнакомец, старичок, житель Малого Гнездниковского переулка... Особого доверия этот *малогнездниковец* не внушал (там же); *мартиникцы* — жители острова Мартиники (НС-82).

Активность форманта *-ец* в этой функции подтверждается тем, что при необходимости создать слово говорящий часто использует именно его. Так, жителя вымышленной страны *Сукугуния* называют *сукугунец*: *сукугунец* получился первоклассный (Д. Гранин, Зубр); из речи мальчика 5 лет: Они стали играть в *марсианцев* // (ср. узуальное *марсианин*).

Имена жителей на *-ец* конкурируют в производстве новообразований с именами на *-чанин*. Между ними нет четкого распределения основ. И тот, и другой формант может присоединяться к основам одинакового строения. Так, от названия *Тагил* создаются и *тагильцы* и *тагильчане*. В селе *Тогул* живут *тогульцы* и *тогульчане*. Вот примеры из одной и той же газетной статьи (СК. 1964): Наши *тогульцы* — трактористы, комбайнеры, животноводы — учатся в нашей вечерней школе... Тихо и в селе. *Тогульчане* спят.

Различие между рассматриваемыми формантами заключается в том, что *-чан-* агглютинативен, не вызывает чередований, но нередко

вызывает усечение базовой основы. Суф. *-ец* использует интерфиксы *-ов-, -ин-, -ан-, -j-* (реже — другие), которые не требуют ни чередований, ни усечений.

В современном языке меняются морфонологические условия употребления суф. *-ец* [Русский язык..., 1968б]. Присоединяясь к основам на заднеязычные, он не вызывает чередований в новообразованиях (*мартиникцы, владивостокцы, чикагцы;* ср. старые слова: *пражцы, петербуржцы*). Следует отметить, что имена этого типа чаще употребляются в формах мн. числа. Формы ед. числа на *-ец* от основ на заднеязычные допустимы, но встречаются не часто.

3. Активны имена лиц на *-ец* со значением 'последователь того, кто назван базовой основой' или 'сторонник того, что называет базовая основа'. Базовой основой чаще является имя собственное, реже — нарицательное (*оборона — оборонец*). Эта группа включает много производных, прочно вошедших в язык (*ленинец, стахановец*), и постоянно порождает новообразования. Из РЯ: (шутливо) Мы *пушкинианцы!* (ср. *пушкинист* — кто изучает Пушкина); Он *щербианец* (от имени *Щерба*); Какой-то *фосслерианец!* (от *Фосслер*).

Имена лиц на *-ец* со значением 'последователь кого...', 'сторонник чего...' выражают значение принадлежности в преобразованном виде. Подобные слова отмечают словари новых слов: *рейгановец* (НС-82).

Три охарактеризованные семантические группы составляют ядро активности суф. *-ец*. Существует мнение, что эти группы производных образованы от основ прилагательных [Хохлачева, 1969, 24—29; Гр.-80, 168—169]; ср. иное мнение: [Даниленко, 1964а, 72—73; 1964б, 84—85]. С нашей точки зрения, возводить существительные типа *ленинградец, стахановец, оборонец* не к существительным *Ленинград, Стаханов, оборона*, но к прилагательным неправомерно, ибо и семантически, и формально имена на *-ец* выводятся непосредственно из основ существительных [Земская, 1973, 256—259]. Следует добавить, что возведение слов типа *ленинградец* к основам прилагательных приводит к объединению в один словообразовательный тип существительных такого рода (правда, с разделением на четыре подтипа): 1) *мертвец, храбрец;* 2) *разведенец;* 3) *балтиец, мартеновец;* 4) *думец, вузовец, горец* (Гр.-80), что лишает понятия словообразовательного типа внутреннего единства (см. об этом подробнее выше).

Имена лиц на *-ец* другой семантической структуры редки. НС-82 отмечает: *Новоземельцы* — лица, получившие в пользование новые участки земли; из РЯ: *июнец* — кто родился в июне. Однако и в этих словах значение принадлежности ощутимо. Ср. шутливое *анонимец* (узуальное *анонимщик*): Ответ *анонимцу* (згл. — ЛГ. 1979).

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА ЛИЦ

Имена лиц на *-щик/-чик, -льщик*

Производство от глагольных основ имен лиц на *-щик/-чик* и *-льщик* в современном языке обнаруживает очень высокую активность. Таким образом создаются: 1) наименования по профессии, специальности; 2) наименования непрофессионального характера.

Профессиональные имена

Профессиональные именования многочисленны. Они образуются от глаголов (преимущественно переходных) разнообразной семантики, в первую очередь со значением конкретного физического действия: *распорщик* (НС-70), *спорщик* (НС-80), *откормщик* (НС-80), *окрасчик, доводчик, запарщик, завальщик, осмотрщик* (вагонов), *прокладчик* (следа для собаки на испытаниях); *балластировщик* (НС-82), *бандажировщик* (НС-82). Несколько примеров: Должность моя / *сколотчик* ящиков //; Вернулся на тракторный *обрубщиком* сталелитейного цеха (ЛГ. 1963); ...банки скапливались на длинном... столе за спиной *закрывальщика*... (А. Приставкин, Ночевала тучка золотая...).

Значительную часть новообразований составляют производные от префиксальных глаголов. Как правило, наименования профессии содержат явно не выраженное наименование объекта профессионального действия. Таким образом, и отыменным, и отглагольным наименованиям профессий на *-щик* свойственно обозначать отношение к объекту труда, но отыменные слова его называют явно (*угольщик, ядерщик, электронщик*), а отглагольные — имплицитно. Для уничтожения этой имплицитности создаются сложные слова с первой именной частью, обозначающей объект действия, типа *лентопрокатчик*.

Продуктивность отглагольных имен на *-щик, -льщик*, обозначающих профессии, очень велика. Это отмечают многочисленные специальные исследования. Сошлемся на таблицу, в которой сопоставляются данные словарей занятий 1921 г. и 1969 г. [Шкатова, 1984, 99]:

Словарь 1921 г.	Словарь 1969 г.
Квасила, квасиль, квасильщик	Квасильщик
Золотарь	Золотильщик
Замочиво, замочило, мнец	Замачивальщик
Мазарь, мазила, мазальщик	Мазальщик, мазильщик
Насекало, насекальщик	Насекальщик.

Это говорит о росте продуктивности имен на *-щик, -льщик*.

Активность подобных образований в наименованиях профессий столь велика, что порождает их осмеяние. Так, ЛГ (1987) опубликовала фельетон Б. Гуреева "Неологизмов слог высокий", который начинается такими словами: Речь пойдет о названиях некоторых вполне реальных профессий. Полистаем так называемый "Общесоюзный классификатор". Как богат, оказывается, наш язык! "*Вивщик* колец. Гнутарь по дереву. *Обкатчик* клюквы. *Закройщик*-резак. *Отломщик* стекла от машин..." Это все — профессии. А вот еще "Древопар. Камневар. *Круговоротчик. Просевщик* бисера. Сыросол. Халвомес. *Сволачивальщик. Сгустильщик*..." — именно так записывается в трудовых книжках и приказах. "*Кокономотальщик. Цепевязальщик. Шуровщик* топлива..." И далее автор приводит длинный список названий профессий, основную часть которого составляют слова на *-щик* и *-льщик*: "*Выгребальщик. Выстилальщик. Давильщик. Делильщик. Замачивальщик. Навальщик. Обсыпщик. Обрывщик. Очесы-*

вальщик. Повертальщик. Привязывальщик. Раздирщик. Разрывщик. Расщепляльщик. Сновальщик. Тянульщик..." Комментируя подобные наименования, автор пишет: «Что хорошо во всем этом буйстве неологистики — зримо, весомо, хотя иной раз и грубо, но сразу по названию представляешь, чем именно будешь заниматься. "*Выпарщик* соли" — соль выпаривать. "*Валяльщик*" — валять. "*Набивальщик* наконечников на шнур" — тоже ясное дело».

Однако многозначность многих базовых глаголов, их способность сочетаться с разными объектами приводит к тому, что официальное наименование часто включает и название объекта. Приведем примеры из уже цитированного фельетона: "*Разметчик* хлыстов. *Разводчик* холяв. *Аппаратчик* мокрой классификации. *Опрокидчик. Присучальщик* основ. Боец скота..." То есть одни наименования звучат более чем подробно, другие — много более чем двусмысленно. Это уже не говоря о таких напрочь загадочных для неискушенного словах, как: *Авербандщик. Аквадировщик...*"

Именно поэтому в живом общении часто возникает необходимость "расшифровки" названия профессии: — Я приехал сюда пять лет назад Сначала работал *шуровщиком* на электростанции... Что за специальность такая, подумал я, а он как бы угадав мои мысли разъяснил: — Уголь лопатами шуровали (Изв. 1987).

Активность имен на *-щик, -льщик* в обозначении профессий сдерживается одним обстоятельством. Производные с суф. *-щик* (преимущественно отыменные) включают значительное количество слов, характеризуемых отрицательной оценкой (*халтурщик, алиментщик, портфельщик, фарцовщик* и под.), что придает словам на *-щик* отрицательный ореол[4]. Ср.: «...были отмечены случаи более предпочтительного отношения к наименованиям типа *приборист, электроник, структуралист* в сравнении с *приборщик, электронщик, структурщик*. Парадигмы типа *атомник—атомщик*, где второе наименование приобрело отрицательное значение "сторонник атомной войны", подтверждает эту мысль» [Шкатова, 1984, 110].

Особую группу среди профессиональных наименований составляют неофициальные наименования лиц по действию, связанному с его работой, профессией, свойственные РЯ. Такие слова используются в РЯ вместо официально принятых номинаций (ср. *гардеробщик* и *одевальщик;* иногда выступают как его дифференциаторы, ср. *выдавальщик* и *получальщик*).

Подобные наименования возникают по разным причинам: 1) официальная номинация отсутствует; 2) официальная номинация неизвестна говорящему; 3) говорящий хочет поиграть с формой речи, создавая свое, незатасканное имя. Из записей РЯ: *Белильщиков* нанимали? (ср. *штукатур* и отсутствие официального названия тех, кто белит потолок и стены); У нас будет обсуждение / с тремя *отзывщиками* // (ср. *рецензентами*); Ко мне приходили аспиранты / (разъясняет) *посту-*

[4] Ср. замечание о том, что лексическое наполнение словообразовательного типа на *-овка* (*воровка, мотовка, плутовка*) кладет отпечаток на весь этот тип [Виноградов, 1947].

пальщики / защищальщики //; (разговор по телефону клиента с работницей почты) — Мне пришла телеграмма // не могли бы вы ее прочесть? — Я могу прочесть когда вернутся *доставляльщики //*; (нумеруют страницы). Л. — главный *нумеровальщик //*; НС-82: *подхватчик* (быть на подхвате); (жарг.) — Я редко встречал там солидных людей. В основном шушера, мелкота, *подхватчики* (И. Штемлер, Универмаг).

Основную часть разговорных наименований профессий составляют слова на *-льщик*.

Непрофессиональные имена

Эти имена разделяются на две подгруппы.

1. Функциональные наименования по действию, не являющемуся профессией: *угонщик* (самолета), *отказчик* (кто отказывается работать), *потравщик*. Примеры: ...не дают спуска симулянтам, *отказчикам*; *Разливщики* обеспечивают конторе ежегодную прибыль, превышающую сто тысяч рублей (Пр. 1975); Обмен квартиры целиком зависит от *заменщика //*. В РЯ функциональные наименования создаются легко и свободно с помощью суф. *-льщик*: *выступальщики* (по ТВ; на научных заседаниях); *опоздальщик, сморкальщик, чихальщик, меняльщик, зажигальщик* (света); *возражальщик, проверяльщик, купальщик, загоральщик* и т.п. Вот примеры: — Сколько у вас аспирантов? — У меня появляется несметное количество из-за *опоздальщиков //*; (о теоретиках) Может быть эти *обобщальщики* что-нибудь и значат...; (на волейбольной площадке) Вы играйте / а я буду *ликовальщиком //*; Там были *гуляльщики* собак //; *возражальщики* говорили...; Я бегу за *выступальщиками* / а они неизвестно где //; Там со мной рядом всякие *чихальщики* были / и *сморкальщики //*.

Особенность этих разговорных существительных в том, что они являются номинациями ad hoc, называющими лицо по актуально выполняемому им действию, что их отличает от профессиональных наименований. Значительная часть таких номинаций — производные от непереходных глаголов, обозначающих специфически человеческие действия (*чихать, сморкаться, гулять, возражать* и т.п.). Наименования этого рода употребительны и в литературе: Он стоял в глухом переулке у забора и, глядя на полнолицую луну, грустно выл. Тот спросил у *завывальщика*... (ЛГ. 1986).

2. Номинации-характеристики по склонности к действию или постоянно выполняемому действию (типа *спорщик, вздорщик, зажимщик* (критики), *приписчик, проработчик, фарцовщик*), широкоупотребительные в языке газет: суровые *проработчики* (ЛГ. 1962); кто-то из *зажимщиков* критики (из газет).

Среди слов-характеристик много производных от непереходных глаголов.

В РЯ особенно активно производятся слова на *-льщик: ликовальщик, откликальщик, надрывальщик, нагнетальщик, тянульщик* (кто тянет, волынит); Поэт-*откликальщик* (К. пр. 1968); Он *тянульщик* / сил нет! Как правило, это характеристики со знаком "минус",

по отрицательно оцениваемому действию. В отличие от профессиональных названий, ориентированных на вполне определенный конкретный объект действия, слова-характеристики или обозначают безобъектное действие (*надрывальщик* — кто любит надрываться, *ликовальщик* — кто постоянно ликует), или ориентированы на устойчивые связи слов (типа *зажимать* критику — *зажимщик*). Возникает вопрос: как соотносятся форманты *-щик* и *-льщик?* Очевидно, что они нередко свободно заменяют друг друга, создавая вариативность наименований. Это отмечают исследователи [Шкатова, 1984]. На это обратил внимание и автор фельетона, который мы цитировали: «дивные соседствующие пары: *"Выбивщик"* и *"Выбивальщик", "Подготовитель"* и *"Подготовщик", "Увлажнитель", "Увлажняльщик"* и тут же — *"Увлажнительщик"*» (ЛГ. 1987).

Однако причины этой вариативности не только в несогласованности разных министерств и ведомств, но и в том, что в самом языке действие формантов *-щик* и *-льщик* строго не разграничено. Во всяком случае, *-льщик* имеет более широкую сочетаемость с базовыми основами. Он присоединяется к основам с исходом на гласный, к основам на *-ива-/-ыва-, -ова-* без исключений, не вызывая никаких чередований, затрудняющих действие суф. *-щик*. Именно поэтому в подобных случаях мог быть использован и *-льщик* (ср. *зажимщик — зажимальщик, приписчик — приписывальщик, проработчик — прорабатывальщик* и т.д.). Обратная же закономерность не реализуется: *ликовальщик* (нет "ликовщик"), *возражальщик* (нет "возразчик"), *нагнетальщик* (нет "нагнетчик"). Именно поэтому при производстве неузуальных образований чаще используется *-льщик*, тогда как *-щик* закреплен за полноценными словами.

Имена лиц на *-ник, -льник*

В сфере отглагольного словопроизводства имен лиц суф. *-ник* малоактивен. Он производит наименования лиц по профессии, специальности: *обточник, розыскник* (НС-70); от сложного существительного: *сенокосник* (в разг. речи) (НС-82). Ср. непрофессиональное *отказник* — тот, кто отказывается регистрироваться для постановки на военный учет (в США) (в разг. речи) (НС-82).

В отличие от слов на *-щик* и *-тель* слова на *-ник* могут обозначать не только производителя действия, но и пациенса: подросток-*отсрочник* — подросток-правонарушитель, которому отсрочено исполнение приговора (НС-82): ...какая семья у подростка-*отсрочника,* как трудно изменить в семье климат (ЛГ. 1982); *выпускник* (средней школы).

Очевидно, что формант *-ник* внутренне связан с страдательными причастиями на *-н-* и прилагательными на *-ный,* тоже способными обозначать страдательность (ср. *отрывной* календарь, *раскладной* стол и под.).

Формант *-льник* (подобно *-льщик,* но не столь активно) порождает неузуальные обозначения производителей действия в языке газет и РЯ: *обещальники, умолчальник* (СК. 1966); детское чайник-*шипельник.*

Имена лиц на *-тель*

Суф. *-тель* — формант, производящий существительные только от основ глаголов. В нем ярка чисто агентивная семантика, поэтому и в тех случаях, когда существительное на *-тель* именует предмет, в слове отчетливо ощущается значение производителя действия.

В производстве имен лиц активность суф. *-тель* обнаруживается в разных сферах языка. В публицистике и художественной речи активно рождаются номинации для обозначения производителей различных непрофессиональных действий. НС-82: *Олицетворитель*: не был ли Пушкин уже тогда... *олицетворителем* поэтичности и культуры русского народа (В. Солоухин, Сказки могут и умереть). *Витатель*: Ах ты птичка-алкоголичка! *Витатель ты* (Д. Гранин, Ты взвешен на весах).

В сложных словах: *книгопоглотитель, книгоприобретатель, книгособиратель.* Приведем типичные примеры из газет: Базарбай... *осквернитель* исконных человеческих ценностей и норм (Пр. 1986); Как бы это понятнее сказать... Мошенник? *Одурачиватель* людей? (К. пр. 1977); Есть мнения, опровергающие *"опровергателей"* (ЛГ. 1986); ...критик-*развенчатель* должен быть хладнокровнее (там же); *понимателъ, открыватель* (Д. Гранин, Зубр).

Новообразования на *-тель* любимы многими поэтами:

Черемухи *вдыхатель, воздыхатель*
Опять я пью настой ее души.
Б. Ахмадулина

Умирают мои старики —
Мои боги, мои педагоги,
Пролагатели торной дороги...
Б. Слуцкий

Особенность нашего времени состоит в том, что новообразования на *-тель* не создаются для наименования лиц по профессии и — шире — для производства узуальных номинаций. Сфера действия суф. *-тель* — производство неузуальных слов-характеристик[5]. Профессиональные наименования типа *учитель, писатель*, официальные наименования типа *усыновитель, получатель* — продукт прошлого. Слова подобной семантики могут рождаться лишь как отзвуки на имеющееся в контексте узуальное слово (*получатель — вручатель*): ...письмо — радость в дом, и недаром *вручатели* заставляют плясать счастливых *получателей* (ЛГ. 1982).

Существительные на *-тель* несут на себе печать книжности, нередко высокости, которая может иронически переосмысливаться. Именно это последнее свойство позволяет суф. *-тель* быть использованным в РЯ, где он порождает номинации лиц на случай от глаголов самой разнообразной семантики и различного стилистического звучания (нейтральных, высоких и сниженных): В.И. у нас *показыватель* и

[5] Производство слов этого рода было широко свойственно и художественной литературе XIX в. Вот лишь один пример: ...из пустого в порожнее *переливатели* да палки барабанные (Тургенев).

рассказыватель //; Он уже стал штатным *оратепем* //; Почему эта фигура так долго ждала *изобразителя* своего?; Он замечательный *излагатель* //; — Где же эта книга? Б. (ищет, находит, шутливо) Теперь вы знаете / кто лучший в мире *искатель?;* под натиском *обсуждателей;* (шутливо) Давайте я буду *сетконоситель* //.

Суф. *-тель* менее активен, чем *-щик, -льщик.* В тех случаях, когда возникают параллельные образования (*нагнетальщик — нагнетатель, оральщик — оратель*), производные на *-щик, -льщик* звучат грубее. Слова на *-тель* сохраняют налет книжности и в неузуальных образованиях РЯ. Приведем пример, показывающий, как контекст порождает слово на *-тель* (разговор трех женщин — научных работников): — Меня на секторе лаяли // — Кто лаял-то? — У них все *лаятели* //.

В качестве производящих для имен лиц на *-тель* используются как переходные, так и непереходные глаголы. Показательно, однако, что производные и от переходных глаголов нередко выступают абсолютивно, что подчеркивает обобщенность их семантики, усиливает их характеризующий характер: Коренной северянин отнюдь не требует, чтобы его причисляли к героям и *покорителям* (ЛГ. 1985). Ср. *покоритель гор, трудностей;* ср. также: *осквернитель* и *осквернитель святыни искусства.* Из РЯ: Он такой *нагнетатель* и такой пессимист! (ср. *нагнетать* что — тоску, страх...).

В формальном отношении действию суф. *-тель* свойственна высокая регулярность: он присоединяется к конечной гласной глагольной основы, не усекая ее, чем сближается с формантами *-льщик, -льник,* и противостоит *-щик/-чик, -ник.* Никаких чередований, подобных тем, которые отмечались в старых производных (типа *смотреть — смотритель*), в новообразованиях не наблюдается.

ИМЕНА ЛИЦ С АФФИКСОИДАМИ *-ВЕД, -ВОД, -ЛОГ*

В производстве наименований лиц по профессии обнаруживают активность форманты *-вед, -вод* и *-лог,* являющиеся одними из наиболее частотных в русском языке среди опорных компонентов сложного слова — глагольных и связанных (по терминологии Гр.-80, 251, 245).

Формируемые этими элементами слова входят в особую зону словообразования, пограничную между словосложением и аффиксацией. Элемент *-лог* соотносителен с *-логия* (ср. слова типа *логос, логика*). Элемент *-вед* соотносителен с устарелым глаголом *ведать,* семантически соотносителен с глаголом *знать; -вод* соотносителен с глаголом *водить* в периферийном значении 'заниматься выращиванием домашней птицы, скота' (6-е значение по БАС). Это значение явно устарелое в современном языке, хотя МАС его отмечает как "разг". По семантике этот компонент ближе к префиксальному *разводить* (кур, гусей, цветы). Все сказанное ослабляет признаки сложного слова в именах на *-вед, -вод, -лог* и, напротив, усиливает их аффиксальность. Именно поэтому целесообразно единицы типа *-лог, -вед, -вод* относить к разряду особого рода формантов-аффиксоидов[6].

[6] Проблема аффиксоидов наиболее интенсивно рассматривается в германистике и романистике, а также в русистике [Шанский, 1970, 257—272; Григорян, 1981].

О наибольшей активности в современном языке именно этих трех аффиксоидов лица свидетельствуют наши материалы. Это подтверждает и список постфиксальных аффиксоидов, ранжированный по синхронической продуктивности и составленный по материалам ряда словарей и специальных исследований [Минина, Бартков, 1986, 121]. Все названные единицы занимают в этой таблице среди аффиксоидов лица три первых места и соответственно в общем списке аффиксоидов: *-лог* — 1-е, *-вед* — 4-е, *-вод* — 9-е.

По материалам Э.А. Григоряна, аффиксоиды *-лог, -вед* и *-вод* находятся на второй (высшей) ступени "аффиксоидности" — перехода корня в аффикс (он выделяет три ступени — нулевую, первую и вторую), обнаруживая наибольшую близость к аффиксам. Все три названных суффиксоида активно порождают наименования специалистов: *-лог* — ученых, *-вед* — лиц, профессионально связанных с какой-либо отраслью знания, *-вод* — специалистов по разведению чего-либо. Первый компонент слова — именная основа, называющая объект деятельности лица:

-вод: *просовод* (НС-70), *водорослевод* (НС-82), *верблюдовод* (К. пр. 1987), *норковод* (НС-82);

-вед: *школовед* (НМ. 1987); *цветаевед* (НС-82); *манасовед* — литературовед, занимающийся изучением "Манаса" (НС-82); *почерковед* (ЛГ. 1987). Особняком стоит *русовед*, связанное с основой прилагательного *русский*: *Русовед*. Исследователь, знаток русской истории, культуры на Западе (Изв. 1982) (НС-82). Ср. шутливые: *смеховед, людовед* и др., например: ученые *смеховеды* потратили немало усилий на то, чтобы классифицировать виды юмора (ЛГ. 1986);

-лог: значительное количество слов на *-лог* имеет первый компонент — заимствованный и функционирующий лишь в связанном виде. НС-70 помещает: *пиролог;* НС-82: *ихнолог, альголог*. Среди новообразований на *-лог* есть и хорошо членимые: *конфликтолог*. Активность элемента *-лог* приводит к порождению слов (часто шутливых) с первой русской частью: *всеолог;* с первой глагольной частью: *болтолог*. Западной прессой порождено слово *кремлинолог* (и *кремлинология*): *"Кремлинологи"* терпят крах (К. пр. 1967).

Аффиксоиды *-лог* и *-вед*, а также суф. *-ист* могут давать синонимические производные (ср. *герценовед* и *герценист*), но чаще — от различных основ: *почерковед* и *графолог*. Интересно соотношение *маринист* (от Марина) и *цветаевед*. НС-82 дает: *маринист* — то же, что *цветаевед*: Эта публикация вызвала явное раздражение некоторых зарубежных *"цветаеведов"* или *"маринистов"*, как они еще себя называют (Ог. 1982). Таким образом *-лог* тяготеет к заимствованным основам, а *-вед* — к русским.

Слова на *-лог, -вед, -вод* связаны регулярной связью с названиями наук на *-логия, -ведение* и отрасли деятельности на *-водство* (см. соответствующий раздел).

СУФФИКСАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В КРУГУ ИМЕН ЛИЦ И ПРОБЛЕМА ГЕТЕРОНИМНОСТИ

Закончим рассмотрение имен лиц характеристикой явления суффиксальной синонимии. В пределах словообразовательных категорий (СК) наблюдается конкурентная борьба и взаимодействие производных. Отдельные факты такого рода отмечались выше. Производные, содержащие одну основу и различные форманты, создаются в тех случаях, когда форманты способны образовать структуры, служащие для выражения одних и тех же деривационных отношений.

Это явление наблюдается в кругу отыменных производных с формантами *-ник* и *-щик/-чик; -ник* и *-овик; -ник, -щик* и *-ист*, используемых в значении 'лицо, активно воздействующее на предмет'. Ср., например, употребление имен на *-ник* и *-овик*, выражающих одни и те же виды отношений: (женщина-экономист говорит о себе) *Я скорее проблемник* / чем *страновик* //. Эти слова обозначают 'кто изучает проблемы', 'кто изучает страны'. Очевидно, что от основы *страна* произвести имя лица со значением 'изучающий страну' с помощью форманта *-ник* мешает омонимия с узуальным *странник*.

Особенно наглядно синонимизация производных с разными формантами видна при появлении однокоренных, но разноформантных новообразований, тождественных тем не менее по значению. НС-82 дает, например: писатель-*остросюжетник* и *остросюжетчик*. Ср. также: *ядерник* и *ядерщик, сигнальщик* и *сигналист, программник* и *программист*.

В некоторых случаях использование определенного форманта может быть вызвано омонимическим отталкиванием от узуального слова. Ср. разг. *семинарник* (член студенческого семинара) и *семинарист* (учащийся духовной семинарии). Ср. также разграничение производных слов на уровне лексики и субкатегорий, но не общего деривационного значения nomina actoris: *ручник* (специалист по ручному набору) и *ручнист* (продавец ручной продажи), *связист* (работник в сфере связи) и *связник* (военная специальность).

В кругу СК nomina possessiva конкурируют форманты *-ист* и *-ец* (в значении 'сторонник', 'последователь'), *-ец* и *-ан/-чан(ин)*, реже *-ист* в (значении 'житель', 'член'). Ср. названия жителей *ростовцы* и *ростовчане, тагильцы* и *тагильчане* и мн. др.; *бригадник* и *бригадист* (член бригады).

При отсутствии узуального слова с тем или иным актуальным для общества значением можно наблюдать, как именно происходит конкурентная борьба формантов при рождении нового слова (см. об этом в гл. IV).

Чтобы показать многообразие возможностей порождения производных наименований лиц от именных основ с ономасиологической структурой 'тот, кто оказывает воздействие на объект', приведем примеры из повести К. Чапека "Год садовода" (пер. Горбова), в которой используются все возможные и даже невозможные имена: *луковичники, примуломаны, аурикулисты, анемониаки* (ср. *маньяки*), *ирисники, касаточники, дельфинисты, розоманы* и *розариане, флоксисты, флоксофилы, хризантемоманы, астровики, георгианцы*.

Отглагольное производство не столь богато возможностями. В образовании профессиональных отглагольных наименований лиц конкурируют форманты *-щик/-чик* и *-тель*. Показательно использование в одной профессиональной сфере семантически соотнесенных производных *разработчик/пользователь*. Очевидно, что при создании подобных слов играют роль не только морфотактические свойства аффиксов (от глагола *пользоваться* производное на *-щик* не может быть образовано), но и омонимическое отталкивание, о котором говорилось выше, а также фактор случайности. Слово *разрабатыватель* вполне могло быть создано, но побеждает общая активность *-щик/-чик*.

В кругу отглагольных производных наблюдается размежевание формантов. Формант *-льщик* действует преимущественно в РЯ, порождая по большей части непрофессиональные наименования; число профессиональных наименований с *-льщик* менее значительно. Форманты *-щик* и *-ник* действуют в одних сферах языка (профессиональной, газетно-публицистической), причем *-щик* в кругу отглагольных основ более активен, чем *-ник*. Но, кроме того, имеется важное различие между формантами *-ник* и *-щик*: *-ник* порождает имена со значением не только активного производителя действия, но пациенса, что не свойственно суф. *-щик/-чик*. Ср.: *выпускник* 'кто выпущен из учебного заведения', *отказник* 'кому отказано в разрешении'; *условник* 'кто осужден условно'; *искусственник* 'ребенок который выкормлен искусственно'. К пассивным именам можно отнести также рассмотренные выше названия больных (*почечник* 'у кого болят почки'), противопоставленные активным именам врачей (*почечник* 'кто лечит...').

Пассивное значение могут иметь и отглагольные, и отыменные производные. И те, и другие характеризуются сильной степенью фразеологичности семантики. Особенно интересны в этом отношении слова *условник* и *искусственник*, мотивированные обстоятельственными характеристиками не выраженного в слове глагола.

Пассивные имена лиц в русском языке немногочисленны. Назовем еще отглагольные производные с суф. *-ыш*: *подкидыш, выкормыш*, разг. неузуальное *перекормыш*.

ВЫВОДЫ

Подведем итоги. В кругу наименований лиц наиболее активны следующие разряды:

1. Наименования лиц по профессии с формантами *-ник, -щик/-чик*, обозначающие активное воздействие на предмет (nomina actoris). В ономасиологическом аспекте они характеризуются как наименования, выражающие отношение к названному базовой основой объекту действия, причем само действие в слове не обозначено.

Активность этого разряда структур в современном языке отмечают и исследователи наименований профессий [Шкатова, 1984]. Подчеркнем, что отыменные структуры, выражающие отношение к объекту не обозначенного в слове действия, очень активны и среди непрофессиональных наименований.

2. Наименования лиц по месту жительства или рождения с фор-

мантами *-ец, -ан/-чан(ин)*. Они имеют аналогичную структуру и создаются от названий любых топонимов.

3. Наименования членов коллектива с формантом *-ец/-овец* (и другими интерфиксами).

4. Наименования лиц со значением 'последователь кого', 'сторонник чего' с формантами *-ец/-овец, -ист.*

5. Среди наименований лиц по действию (nomina agentis) лидерами являются форманты *-щик* (в сфере производства наименований по профессии, специальности, используемых преимущественно в профессиональной речи и языке газет) и *-льщик* (для называния имен лиц по действию, актуально выполняемому или тому, к которому лицо имеет склонность; функционируют преимущественно в РЯ).

Итак, век НТР порождает в первую очередь имена профессионалов, жителей, членов, сторонников. Очевидно, что особенности эпохи находят отражение и в семантике порождаемых наименований: названия специалистов, профессионалов составляют подавляющее большинство имен лиц, чему способствует появление новых видов специальностей, сфер деятельности. По подсчетам исследователей [Горбань, 1987, 9], среди отсубстантивных имен лиц самые многочисленные — наименования по профессии (66,8%).

Многочисленность названий жителей, членов коллектива, сторонников также объясняется экстралингвистически. Потребность общества в номинациях этого рода столь велика, что механизм их порождения упрощается. Вырабатываются форманты, закрепленные за передачей одного-двух определенных значений (*-чан(ин)* — 'житель'; *-ец/-овец* — 'член', 'последователь'; *-ист* — 'сторонник', 'последователь'). Преимущественная сфера сочетаемости этих формантов — основы имен собственных (топонимы, имена лиц)

В нестрогих сферах языка (в первую очередь это относится к РЯ) существует менее жесткая закрепленность имени за денотатом.

Многие из охарактеризованных выше моделей действуют в языке на протяжении длительного времени. Рассмотрение их жизни в течение даже исторически короткого времени показывает:

1) изменения в условиях их функционирования, в сочетаемости с основами (в явлениях морфотактики). Так, *-ист* и *-щик* сочетались с основами сложносокращенных слов, но были вытеснены в этой позиции формантом *-овец*. Еще в начале XX в. сосуществовали *бундист* и *бундовец, нэпист, нэпман* и *нэпач;*

2) вырисовывается общая тенденция к закреплению за отдельными формантами своих участков системы — своего круга основ и выражаемых значений. В этом смысле очень характерно поведение формантов *-чан(ин)* и *-овец;*

3) эту тенденцию к наведению порядка в системе словообразования поддерживает активизация многих формантов как иноязычного (типа *-дром, -тека, -лог* и др.), так и русского происхождения, смещающихся в сторону аффиксов (*-вед, -вод, -ход, -воз, -провод* и под.).

ИМЕНА ПРЕДМЕТОВ

Этот семантический класс слов отличается в русском и других славянских языках отсутствием специализированных для выражения предметного значения словообразовательных средств: для наименования предметов используются те же суффиксы, что и для наименования лиц, действий и состояний [Ревзина, 1969].

В русском языке для наименования предметов широко используются те же форманты, которые производят имена лиц. Особенно активны *-тель, -ник, -щик/-чик*. Менее активны *-ун, -ец* и нек. др. Специализируется на обозначении предметов инструментальный суф. *-лка*.

Класс предметных слов пополняется особенно активно, что объясняется причинами экстралингвистического характера. Класс основных действий и признаков поименован, и если он и расширяется, то за счет создания каких-то вторичных обозначений. Класс существительных, именующих действия и состояния, "привязан" к соответствующим глаголам и прилагательным и поэтому тоже не расширяется столь активно. Класс имен лиц пополняется активно, особенно в терминологии и РЯ. Наиболее интенсивно развивается класс предметных имен. Ср.: "...Если экстралингвистическая реальность требует постоянно расширяющегося словаря, то он может расширяться прежде всего за счет обозначения вещей" [Ревзина, 1969, 68].

В современном языке наблюдается явление, способствующее активному пополнению наименований предметов: увеличение инвентаря средств, служащих для называния различных конкретных подклассов внутри общего класса имен. Это явление особенно важно при изучении деятельностного характера современного словообразования. В активное словопроизводство вовлекаются сегменты заимствованных слов типа *-дром, -тека,* которые на наших глазах превращаются в аффиксы. Многие русские коренные элементы ослабляют свой корневой статус, вследствие чего тяготеют к переходу в статус морфем (*-воз, -ход, -провод, -вод* и под) (см.: [Григорян, 1981; Полуаффиксация..., 1986]).

Морфемизация сегментов слова ведет к созданию аффиксов, передающих конкретное значение: *-дром* — 'место для испытаний', *-воз* — 'средство передвижения, служащее для перевозки того, что называет базовая основа'. Такие единицы противопоставлены старым русским суффиксам типа *-ка, -ик,* наделенным лишь общим значением предметности. Что касается суффиксов типа *-тель, -щик,* то, формируя производное слово, они сохраняют свое значение агентивности, передавая его и именам предметов.

Окружающий нас мир предметов многообразен. Он дифференцирован человеком по разным основаниям (артефакты и биофакты; техника, наука и быт; механизмы и "бездействующие" предметы; предметы, служащие человеку в быту, и предметы, предназначенные для производства; членение можно продолжать долго). Какие из членений предметов находят отражение в языке и — у́же — в словообразо-

вании? Как словообразовательно-номинативные средства языка членят мир именуемых вещей[7].

Членения, наблюдаемые в разных языках, не одинаковы. Так, если такие общие категории, как производитель действия, отвлеченный признак, свойственны многим языкам, то закрепление специфических средств за частными видами предметов избирательно для разных языков. В русском языке есть специализированное средство обозначения видов мяса (по отношению к имени животного): *баранина, конина, осетрина, медвежатина, телятина, китятина, слонятина* и т.д. В чешском языке есть специализированное средство обозначения языков: *čeština, ruština, mateřtina* (материнский язык); обозначения видов билетов: *jizdenka, letenka, vstupenka.*

Какую сетку обозначений накладывает современный русский язык на мир предметов, покажет рассмотрение конкретного материала. Здесь же для того, чтобы показать, как язык может членить мир вещей, приведем те группы названий предметов, которые выделяет в мире предметов чешский язык: химические элементы; горные породы и ископаемые; фрукты; курицы; напитки; самоходы; оружие; кирпичи; некоторые виды бумаг; билеты, бланки, бумаги и другие письменные документы; загадки, пляски, болезни; виды платежей [Daneš, Dokulil et al., 1967, 776].

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффиксов. Таковы в русском языке элементы *-дром, -тека, -визор, -мобиль, -бус, -трон* и нек. др., активизация которых связана прежде всего с развитием науки и техники, освоением космоса, влиянием эпохи НТР. В исследовании [Русский язык..., 1968б] рассматривался процесс усиления членимости слов с иноязычными элементами в 60-е годы нашего века. В последующее двадцатилетие интенсивное протекание этого процесса продолжается: возникают новые слова с указанными выше словообразовательными элементами, сочетающимися как с русскими, так и с иноязычными основами, что увеличивает членимость соответствующих слов, переводя их на первую ступень (по шкале М.В. Панова) [Русский язык..., 1968б], и свидетельствует о том, что формирующие эти слова единицы превратились в словообразовательные морфемы русского языка. Важно отметить, что подобные морфемы действуют не только в узких пределах терминологии (ср. иное мнение в кн.: [Способы номинации..., 1982, 143]), но проникают в общелитературный язык, прежде всего в сферу газетно-публицистической речи. Отдель-

[7] Ср.: "Выделение тематических групп основано на внеязыковых критериях. Однако вряд ли было бы целесообразно заранее отказаться на этом основании от лингвистического анализа соответствующих объединений слов, от попытки найти в них общие семантические элементы" [Шмелев, 1973, 13].

ные из названных морфем приобретают некоторую активность в РЯ и языке художественной литературы.

Рассмотрим подробнее функционирование наиболее активного из перечисленных элементов — *-дром* (из греч. dromos — "место для бега"). Первоначально встречается в слове *ипподром* с неупотребительной свободной частью *иппо-;* в начале века отмечены: *циклодром, автодром;* в 30-е годы: *аэродром, ракетодром, велодром.* В 70-е годы появляется *лунодром*: Модель лунохода испытывалась на искусственном *лунодроме*... (Пр. 1971); Строительство *лунодрома* началось сразу же (К. пр. 1970).

Актуальность слов на *-дром,* объясняющаяся общенародным интересом ко всему, что связано с освоением космоса, сделала их излюбленным материалом для использования в качестве образца. В художественной и устной речи рождаются *поэтодромы, рюходромы, океанодромы, скотодромы, скалодромы, змеедромы* и другие далекие от космоса слова, например: молодой поэт Ю. Панкратов мечтает о времени, «когда в дни поэтических состязаний и выступлений будет так же трудно пробиться к *"поэтодрому"*, как сейчас трудно пробиться в Лужники» (ЛГ. 1962); Н. Тихонов пишет в "Страницах воспоминаний": "Настоящий *рюходром,* как у Павлова в Колотушах"; "*Скалодром* над морем" (из газет); *океанодром* (А. Хейли, Аэропорт. Пер. с англ.); о месте испытаний доильных установок: До пяти — на заводе, до 12 — на *скотодроме* (К. пр. 1965); *Спортодром* под крышей (згл. — Пр. 1986); В Кавголове пролегла еще одна трасса. Имя ее — *лыжедром* (Л. пр. 1976); На земле и на *"стиходроме"* (ЛГ. 1972); По широкому асфальтовому овалу — *роликодрому* — можно кататься на роликах (С. сп. 1970); ...огромные школьные доски. Они получили название *"мелодромы"*. Любой прохожий может взять в руки мел и выразить на них свои мысли и чувства (Пр. 1986). В РЯ отмечены шутливые *психодром* и *сачкодром* 'место, где студенты курят и вообще сачкуют'. Первое зарегистрировано в НС-81. Ср. из устного рассказа о фантастике: Он направился в сторону... Ну как это назвать? *Звездодрома* что ли?

Некоторые из приведенных слов на *-дром* повторяются неоднократно; таковы, например, *скалодром, стиходром*: Отвесные стены... превратились в *скалодром* (С. сп. 1984). "Лит. газета" ввела раздел "*Стиходром* клуба "ДС".

Таким образом, зафиксировано более 20 слов с элементом *-дром,* обладающих первой степенью членимости. Их число возрастает. НС-82 отмечает: *Автобронедром* (Пр.).

Наблюдаются два типа производных на *-дром*: 1) основа называет испытуемые или движущиеся объекты: механизмы, живые существа — *автодром, ракетодром, роликодром, лыжедром, собакодром* и др.; 2) основа называет пространство, среду, в которой происходит движение — *космодром, лунодром, вододром, скалодром* и др. С точки зрения семантического строения из этих групп выделяются слова: *сачкодром* 'место где сачкуют', *психодром* — не вполне ясное по внутренней форме; оно может быть осмыслено, как: 'место где "психуют"' (перен. 'ведут себя, как психи') или перен. 'место, напоминающее

заведение для психов'; *мелодром* 'место, где (рисуют) мелом', в структуру слова вошло наименование средства действия.

Вычленившийся из состава слова *автомобиль* элемент *-мобиль* формирует названия средств передвижения типа *автомобилей*, использующих другие виды энергии[6]. Это прежде всего *электромобиль*. Слово начинает употребляться в 60-е годы. "Лит. газета" дает редакционное сообщение: Будущее за *электромобилями* утверждает автор. И далее: Практика уже сегодня не может не думать об *электромобилях* (1968). Автомобили, использующие газ в качестве топлива, называют *газомобилями*: На трассы выходит *"газомобиль"* (згл. — Пр. 1986). В статье этот новый вид транспорта называют газобалонным автобусом. Космический корабль Апполон-7 назвали *космобилем*. Медицинский автомобиль службы реанимации называют *реанимобиль* (НС-70). Назовем еще два производных на *-мобиль*, семантика первой части которых совсем иная (не название вида энергии или топлива): *Градомобиль?* Заседание дискуссионного автоклуба продолжается (згл. — ЛГ. 1971). Это слово можно понять как обобщенное название автомобиля для города. "Московский комсомолец" (1986) дает заголовок: *М.К. мобиль* для статьи о правилах уличного движения; *луномобилем* был первоначально назван шагающий по луне аппарат (позднее: *луноход*). В конце 70-х годов появляется еще одно название нового вида транспорта — *веломобиль* (по данным печати, первый *веломобиль* появился в Москве в 1975 г.): Напомним: *веломобиль* — трех- или четырехколесная машина, приводимая в движение силой мышц, педалями или рычагами (К. пр. 1980).

Элемент *-бус* встречается в ряде названий транспортных средств: *автобус, троллейбус, омнибус* (устар.). Е.В. Красильникова регистрирует в 60-е годы *аэробус, жиробус*, а также в научно-фантастической литературе: *космобус, лунобус, электробус* и шутливое *топтобус* (В. Бианки) [Русский язык..., 1968б, 221]. Ассоциирующийся прежде всего с названием *автобус*, элемент *-бус* формирует слова, обозначающие разновидности средств передвижения, чем-то близкие автобусам: ...в Москву начнут летать *аэробусы* (Л. пр. 1967) (НС-60). В 70—80-е годы слово продолжает употребляться. В "Комс. правде" (1970) это слово использовано в заголовке статьи и в тексте. Несколько типичных заголовков: Знакомьтесь, *аэробус* (Изв. 1975); Как *"аэробус"* не пустили в Москву (ЛГ. 1977); *Аэробус* меняет курс (Пр. 1983). Легковые автомобили с многоместным кузовом (маленькие автобусы) первоначально получили название *микроавтобус* (НС-60), которое затем было вытеснено словом *микробус*. Последнее в свою очередь вытеснено словом *рафик* (уменьшительное от РАФ — Рижский автобусный завод). Автобусы, использующие электроэнергию, называют *электробусом*: По городу — на *электробусе* (згл. — Изв. 1976).

Функционирует еще одно новообразование на *-бус* — *библиобус*, имеющее иную семантическую структуру: первая часть называет не источник энергии, но объект перевозки (книги). Любопытно,

[6] В словаре Э. Бильфельдта [Bielfeldt, 1958] даны три слова с *-мобиль*: *автомобиль, лесомобиль, бронеавтомобиль*.

что в газете "Книжное обозрение" (1987) это слово употреблено дважды без всяких пояснений, как будто речь идет о чем-то вполне обычном: *Библиобусы* выделены пока только центральным районным и городским библиотекам... обеспечение остальных ЦБС *библиобусами* предусмотрено в 1987—1988 гг.

Обратный словарь Бильфельдта дает четыре слова, вычленяющих остаточную часть *-тека*: *библиотека, пинакотека, ипотека, глиптотека,* и три слова, содержащих хорошо вычленяемую предсуффиксальную часть: *фильмотека, картотека, игротека.* В современном языке этот ряд слов пополняется образованиями: *инструментотека* (ВЯ. 1959); *фонотека, фототека* (БАС, МАС), *иконотека* (МАС). Е.В. Красильникова отмечает новообразования 60-х годов *тканетека* и *модотека* [Русский язык..., 1968б, 223]. Все эти слова имеют общий компонент значения — 'собрание того, что названо производящей основой'. В наше время широкоупотребительны *дискотека, видиотека, кинотека.* НС-80 отмечает *патентотека.* Назовем еще несколько встретившихся нам в последнее время образований: *альбомотека* (Кн. об. 1986); шутл. *тигротека* (ЛГ. 1986). НС-82 отмечает окказионализм *шумотека*: На танцплощадке очень весело — работает дискотека. Но долго на этой *шумотеке* не пробыть (К. пр. 1982).

Терминоэлемент *-трон,* вычленяющийся из состава физических терминов (Е.В. Красильникова отмечает *циклотрон, синхротрон, фазотрон, магнетрон, синхрофазотрон, космотрон, бетатрон, плазматрон, циклофазотрон, клистрон*), выступает в названиях ускорителей элементарных частиц. В этой области наименований он проявляет активность. Вот пример, который показывает возможные пути создания таких терминов: Вскоре появился на свет еще более мощный ВЧ-генератор... Когда пришла пора придумать генератору какое-нибудь имя, нарекли *ниготроном* — в память о его родине [Николина гора] (К. пр. 1970). Элемент *-трон* проявляет некоторую активность и вне сферы физической терминологии. Так, создается слово *климатрон* с наложением на морфемном шве: *климатрон* — оранжерея, в которой создан особый климат (К. пр. 1965; пример Е.В. Красильниковой); *роботрон* в газетном заголовке — Гвоздики *"роботрона"* (Н. 1973); шутл. *собакотрон* (ЛГ. 1982): Весьма заманчива идея *собакотрона.* В ряде приведенных слов осуществляется полная членимость, что свидетельствует о том, что элемент *-трон* выступает как аффикс.

Элемент *-визор,* вычленяемый из состава слов *телевизор, стереовизор,* конструирует названия механизмов, позволяющих видеть, наблюдать что-либо, и получает некоторую активность. Одно из новых слов — *звуковизор.* "Неделя" сообщает: *Звуковизор* — это прибор, с его помощью можно рассмотреть предметы величиной в десятые доли миллиметра, скрытые в толще непрозрачных веществ (1968). В газетах пишут о необходимости создания прибора *тепловизора,* регистрирующего утечку тепла (ЛГ. 1986). Слово *землевизор* (Ляпунов) отмечено Е.В. Красильниковой; *моревизор* встречается в названии детской книги Н. Надеждина *"Моревизор"* уходит в плавание" (1968).

Слова с рассмотренными словообразовательными элементами имеют ряд общих черт в области строения:

1) среди подобных слов есть такие, которые имеют первую степень членимости;

2) первая часть рассмотренных слов может быть как русской, так и иноязычной;

3) между основой и конечным элементом обычно имеется интерфикс *-о-*, реже — *-е-;*

4) рассмотренные единицы, формирующие имена предметов, обладают богатым фонемным составом: имеют 3—5 фонем, т.е. переступают "фонетический порог" суффиксальной системы, приближаясь к длине лексической морфемы [Ревзина, 1969, 72];

5) структура рассмотренных слов своеобразна. Что представляют они собой — суффиксацию или словосложение? Подобно сложным словам, они включают интерфиксы *-о-* или *-е-*, однако их вторая часть не выступает в качестве самостоятельного корневого элемента. Именно поэтому считать их сложными словами нет оснований. Рассмотренные слова — новый структурный подкласс слов в общем классе имен предметов. Появление этого подкласса слов — живая реакция словообразовательного механизма на требования действительности;

6) различная активность рассмотренных элементов, их разная синхроническая продуктивность заставляют по-разному оценивать их статус в языке. Элементы *-дром, -тека, -мобиль,* на наш взгляд, можно считать суффиксами. В таблице постфиксальных формантов, ранжированной по синхронической производности, эти единицы входят в первую двадцатку, занимая такие места: *-дром* — 14-е, *-мобиль* — 16-е, *-тека* — 20-е [Минина, Бартков, 1986, 121]. Сегменты *-бус, -визор, -трон* не достигли еще этого статуса и относятся к разряду аффиксоидов.

МЕХАНИЗМЫ (НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ — ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ДЕЙСТВИЯ)

Агентивные суффиксы, порождающие наименования лиц (nomina agentis) широко используются для производства имен предметов — механизмов разного рода, помогающих человеку в производстве. В век НТР этот процесс характеризуется большой интенсивностью. Агентивные суффиксы *-тель* и *-ник* более активны в производстве отглагольных наименований механизмов, чем людей.

Имена предметов на *-тель*

Имена предметов активно создаются для называния механизмов разного рода: *зажигатель, отражатель, опрокидыватель, глушитель* и т.п. Основная сфера применения подобных слов — научно-техническая терминология. Однако подобные наименования используются и для называния бытовых предметов (*выключатель, зажигатель, подогреватель, смеситель* (кран), *проигрыватель* и др.): *Смесители* сделаны по существу из неудачных карбюраторов (Пр. 1986); ...тяжелые пачки перетаскивают от *накопителя* к рабочему месту (Пр. 1987); *"пояс-утяжелитель"* (Изв. 1982); подборщики-*копнители* (К. пр. 1982);

...нажимаю на кнопку *омывателя* стекла (ЛГ. 1986); Барахлит *зажигатель* у настольной лампы // (РЯ).

Как правило, наименования механизмов на *-тель* производятся от переходных глаголов, но употребляются абсолютивно, без объектного уточнителя. В тех случаях, когда необходимо указать объект воздействия, применяются сложные слова: *стеклоочистители, стогометатели* и под. Nomina agentis на *-тель* имеют широкий диапазон употребления. Интересно отметить два явления. Слова на *-тель* не только именуют людей и машины, но и выражают общее агентивное значение, применяясь по отношению к живым существам (животные, растения), когда те функционируют как nomina agentis: Почти бесполезны как *опылители* и многочисленные мухи блестянки... В качестве *поглотителей* в загрязненных водах... используются гиацинт и другие растения (Пр. 1985); ср. *расщепитель* — вещество, вызывающее расщепление (НС-82). Слова на *-тель*, произведенные от глаголов, именующих человеческие действия, используют и для называния машин: прибор — *"усовеститель"* (ЛГ. 1984); Депо Вихоревка стало предприятием — *заявителем* (ЛГ. 1968).

Итак, в словах на *-тель* очень ярко агентивное значение: "...такие слова, как *озеленитель, опровергатель* и мн. др., употребляющиеся в значении лица (или предмета), означают не столько лицо (или предмет), сколько деятеля вообще, выполняющего определенную функцию" [Янко-Триницкая, 1963, 92]. Типичный пример — слова *держатель* и *распространитель* в высказывании акад. А. Спирина: "...только фундаментальная наука может быть *держателем* самого высокого уровня в стране, *держателем* и *распространителем* высокой научной культуры, научного профессионализма и научной широты" (Пр. 1990. 16 апр.). Ср. такие слова, как *канал-накопитель, канал-водонакопитель* (НС-82).

Имена предметов на *-ник, -льник*

Наименования механизмов на *-ник, -льник* активны преимущественно в сфере научно-технической терминологии. Образуются они от переходных и непереходных глаголов, часто — от префиксальных. Словам на *-ник* не свойственна столь яркая агентивность, как словам на *-тель*: *разменник* (автомат для размена монет); *забурник; переговорник* (НС-80); *морозильник*.

Многие из слов на *-ник, -льник* обозначают не механизм — производитель действия, но предмет, предназначенный для действия: *переходник* — часть космического корабля, служащая для перехода (НС-70); пруд-*зимовальник* (НС-82); *откормочник* (НС-70).

Производство наименований механизмов на *-ник* от именных основ менее активно. Такие слова могут обозначать предмет по отношению к другому предмету. Виды выражаемых отношений различны. Вот типический пример: *Программник* — прибор на борту космического аппарата, выдающий команды на включение его исполнительных органов в соответствии с заданной программой (К. пр. 1972). Подобные производные содержат невыраженный предикат.

Имена предметов на *-щик/-чик*

Суф. *-щик/-чик*, активно производящий имена лиц со значением nomina agentis, проявляет активность в порождении наименований механизмов типа *подборщик, погрузчик, раздатчик; вертолеты-облавщики* (Ч. Айтматов).

Активны производные — сложные слова, в которых первая (именная) часть называет объект действия: *коробдирщик, сейсмодатчик* (НС-82); ср. производные, в которых оба члена имеют процессуальное значение: *приемоответчик, приемопередатчик. Приемоответчик* — прибор на космическом корабле для радиосвязи с другим кораблем в процессе их стыковки: Для обеспечения сближения на корабле "Союз" устанавливается *приемоответчик*, с помощью которого ретранслируются радиосигналы для измерения дальности между кораблями и осуществляется голосовая связь (Знание — сила. 1973) (НС-70); *Приемопередатчик* — устройство для двусторонней радиосвязи: *...приемопередатчик* расположится в отдельном, изолированном отсеке (Техника — молодежи) (НС-70).

Наименования механизмов на *-вод, -провод, -мет*

Аффиксоид *-вод* используется для построения названий механизмов, приспособлений, служащих для перемещения чего-либо: *водовод, пульповод.* По мнению Э.А. Григоряна [Григорян, 1981], ряд закрыт и непродуктивен. Факты показывают слабую активность этого аффиксоида: появление названия *световод*, которое породило прилагательное *световодный.* Слово *световод* встретилось нам в заметке о японской выставке (ЛГ. 1985). "Правда" публикует статью "Нить *световода*", в которой рассказывается об этом изобретении: Еще два десятилетия назад мало кто знал, что такое *световоды.* Сегодня — это перспективное направление развития техники. Один грамм *световода* заменяет десять килограммов меди! (1986).

Отметим, что элемент *-вод*, соотносительный с 4-м по БАС значением глагола *водить* ("двигать что-либо или чем-либо, плавно перемещая из стороны в сторону") менее активен, чем *-вод*, соотносительный с устарелым значением *водить* ('заниматься выращиванием'), производящим имена лиц (см. раздел "Имена лиц").

Аффиксоид *-провод*, соотносительный с глаголом *проводить* в значении 'быть проводником чего-л.' (БАС), очень активен. Этот аффиксоид занимает высшую (вторую) ступень по шкале синхронической продуктивности [Григорян, 1981, 14]. В таблице синхронической продуктивности занимает пятое место (см.: [Минина, Бартков, 1986, 121]). Примеры: *мусоропровод; рассолопровод* (НС-70); *бардопровод*: Устройство для транспортировки барды (НС-82); 5-километровый *бардопровод* (Изв. 1982); *топливопровод*: ...в машинном отделении "не выдержал" *топливопровод* (ЛГ. 1986).

Некоторую активность проявляет суффиксоид *-мет*, соотносительный с устарелым, периферийным значением глагола *метать* — 'бросать с целью попасть в кого-, что-л.' — *камнемет, миномет; линемет* (НС-70).

НАИМЕНОВАНИЯ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Названия средств передвижения активно формируются в языке последних десятилетий. Это вполне понятно: технический прогресс требует от языка наименования не только новых механизмов, но и механизмов, еще не построенных, находящихся в стадии создания.

В производстве наименований средств передвижения действенны как русские, так и иноязычные компоненты (*-мобиль* и *-бус*, см. выше).

Наименования на *-воз, -ход, -лет*

Из русских глагольных компонентов, формирующих названия средств передвижения, наиболее активны *-воз, -ход, -лет*, т.е. суффиксоиды, соотносительные с основными глаголами перемещения. Суффиксоид *-воз* высокоактивен в производстве названий транспортных средств. В таблице синхронической продуктивности Л.И. Мининой и Б.И. Барткова занимает третье место. Первая часть содержит именную основу, называющую объект перевозки: *молоковоз, нефтевоз, мебелевоз* (НС-70); *панелевоз* (К. пр. 1967); шутл. *блиновоз* — от фамилии *Блинов* (И. Штемлер, Универмаг). Аффиксоид сохраняет прозрачную связь с глаголом *возить*. Элемент *-ход* формирует названия средства передвижения, которое движется самостоятельно (*самоход*) или с помощью того, что называет именная основа: *газоход, теплоход*. Вторую группу наименований составляют такие, в которых первый компонент называет среду, где происходит движение: *луноход* (К. пр. 1970); *снегоход, болотоход, аэроход, воздухоход*: *...воздухоход* перевез свыше тысячи пассажиров (Пр. 1969). "Неделя" печатает заметку *"Внутриход"*: Рязанский инженер Александр Иванович Михайлов изобрел механизм, движущийся за счет инерции вращающегося дисбаланса: *"Внутриход"* (1986). Ср. название обувной фабрики: *Североход*.

Обе группы наименований соотносятся с глаголом *ходить* в самом общем значении — 'перемещаться', 'двигаться'. Аффиксоид *-ход* формирует также имена лиц, но в этом значении не активен (ср. старые *пешеход, мореход*). В таблице Л.И. Мининой и Б.И. Барткова *-ход* занимает 13-е место.

Суффиксоид *-лет* обнаруживает слабую активность (в таблице синхронической продуктивности Л.И. Мининой и Б.И. Барткова занимает лишь 35-е место). Соотносясь с первым значением глагола *летать*, он формирует названия разнообразных летательных аппаратов. В ономасиологическом отношении слова на *-лет* не представляют единства. Первая часть именует: место, куда направлен аппарат (*марсолет, звездолет*); источник энергии (*солнцелет, электролет, мускулолет* — Изв. 1980; НС-80); внешний вид аппарата (*дисколет, гибколет, экранолет*). Ср. *экранолет*: *...под корпусом аппарата вместо шасси начнут использовать аэродинамический экран. Образующаяся при этом воздушная подушка сделает летательные аппараты будущего — экранолеты — всеаэродромными* (ЛГ. 1971).

Э.А. Григорян классифицирует *-лет* как суффиксоид первой ступени. Формант *-лет* порождает окказионализмы: *мыслелет* (ЛГ. 1968); *времелет*. Этим словом А. Битов назвал летательный аппарат,

движущийся во времени (ср. обычно употребляемое *машина времени*). В повести "Фотография Пушкина (1799—2099)" А. Битова читаем: На рубеже третьего тысячелетия нашей эры нами был произведен первый в истории человечества запуск *времелета* с человеком на борту!..; ср. название романа В. Киселева "Девочка и *птицелет*".

НАИМЕНОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ НА *-ЛКА*

Инструментальные существительные на *-лка* ярко демонстрируют деятельностный характер словообразования. Суф. *-лка* активно производит наименования инструментов — орудий *действия в одной сфере языка — РЯ*. В РЯ от глагольных основ (преимущественно переходных) создаются наименования разнообразных предметов, бытовых и небытовых, которые человек именует по производимому данным предметом действию [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. Наиболее распространенные узуальные слова этого типа — *открывалка* (консервный нож), *точилка* (для карандашей) и нек. др. Наряду с узуальными номинациями в РЯ существует огромное количество слов неузуальных, порождаемых по требованию данного коммуникативного акта, например: А куда налить-то? Ну в кастрюлечку-*черпалочку* //; — А где конфеты? — *Сосалки*? (о леденцах); — Ты умойся на улице! — *Хлюпалка*? (об умывальнике); Это маяк-*мигалка* //; У нас есть такая *вертелка*/карандаши чинить //; (в троллейбусе, один пассажир другому) Я вам что? Подставка? *Держалка*?

Во многих семьях бытуют свои удобные номинации на *-лка*. Так, игру "Летающая тарелка" называют *леталка*, лекарство для понижения кровяного давления — *понизиловка* (Вам регулярно надо *понизиловки* пить), сосуд для промывания носа — *носопромывалка*. Ср.: У наших машинисток нет средства против опечаток, так называемых "*забивалочек*" (ЛГ. 1978).

Слова на *-лка* часто создаются на случай, когда говорящий не знает общепринятых официальных номинаций: (разговор двух женщин, сибирячки и москвички) С. У вас *раскаталочки* нету? М. Нет // Это вы нарочно / или есть такое сибирское слово? С. Это я придумала // Я забыла / как эта штука называется // С. и М. (одновременно, вспомнив) Скалка!; (о чапельнике) Вас не раздражает / что на столе эта *хваталка* лежит?; Куда же эта штучка / *рёзалка* / подевалась?; (в трамвае) Пробейте мне билет // Вон *пробивалка* //; (в обувном магазине) А. Смотрите / *надевалки* удобные // Л. (отвечает вопросительным взглядом) А. (поясняет) Ботинки надевать / металлические //; *прижималка*...

Номинации на *-лка* порождаются очень легко. Они удобны своей семантической прозрачностью, позволяют членить предметный мир на множество разновидностей: умывальники бывают *хлипалки* и *брызгалки*, выключатели — *дергалки*, тряпки — *хваталки* и *вытиралки*. Вот еще один типичный пример: (разговор о миксерах). Ведь есть *взбивалка* и есть *мешалка* //; (в хозяйственном магазине) — Дайте что-нибудь от моли // — Есть *прыскалка* / есть *посыпалка* /... Что вам?

Словари новых слов отражают немногие из подобных наименований, так как в письменность проникают далеко не все из бытующих в РЯ слов. НС-82 дает: *Мазилка* — мазь (в разг. речи). Ср. шутливые наименования из рассказа М. Задорнова "Ловушка": ...долбани *плюхалкой* по *кувыкалке* (Юн. 1986).

Другой класс слов на *-лка* составляют наименования предметов не по полезной функции, но по действию, побочному и оцениваемому отрицательно: *стукалки* (о босоножках), *дымилка* (о сигаретах); Мы отправились по реке / на какой-то *тарахтелке* такой // (о катере); Выброси свою *дымилку*! (о сигарете); (рассказ родителей о сыне) ...мы все условия для него создали: и комната отдельная, и даже эту *бренчалку*-гитару купили... (Пр. 1974).

Интересно отметить, что слова такого рода употреблялись в РЯ давно. Вот запись из дневника Н.А. Булгаковой (9 апр. 1915 г.): "Некогда купить себе приличных перьев, пишу какими-то *царапалками*".

Инструментальные слова на *-лка* полифункциональны; подобно существительным типа *времянка,* одно слово может называть разные предметы, выполняющие одну и ту же функцию. Так, *мазилка* — это и лекарство, которое намазывают (мазь), и косметический крем; *тарахтелкой* может быть назван любой предмет, который тарахтит, и т.п.

Особый семантический подтип слова на *-лка* составляют названия игр — *гляделки, догонялки* (салочки), *горелки* и т.п. Среди них можно выделить наименования песенок или стихов по функции — *дразнилки, считалки, страшилки* и т.п. Б. Заходер порождает целый ряд названий этого рода. Песенка Винни-Пуха:

Если я чешу в затылке — не беда!
В голове моей опилки, да, да, да.
Но хотя там и опилки,
Но *кричалки* и *вопилки,*
А также *шумелки, пыхтелки* и *сопелки*
Сочиняю я неплохо иногда.

А. Милн

Мы рассматриваем инструментальные слова на *-лка* в особом разделе, не объединяя их с названиями механизмов, из-за специфики этого класса слов: они именуют, как правило, "обыкновенные", не технические предметы и лишь изредка (обычно при оценочной номинации) называют механизмы (ср. выше: *тарахтелка*).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Категория пространства — одна из основных в понятийном мире человека. Именно поэтому в языке существуют словообразовательные средства, специализированные на порождении разного рода пространственных именований. В словообразовании имен существительных пространственные наименования образуют две словообразовательные категории: 1) обозначение пространства по отношению к предмету, в нем находящемуся (это может быть место, помещение, вместилище и т.п.); 2) обозначение пространства по действию, с ним связанному.

Хотя класс пространственных наименований не принадлежит к числу самых активных, в современном языке действует целый ряд суффиксов, порождающих наименования локального характера. Одни из соответствующих формантов принадлежат к числу русских суффиксов (*-ище, -ница, -лка, -ловка*), другие являются заимствованными, таковы *-дром* (о словах на *-дром* см. выше), *-арий, -ариум*.

Имена на *-ище*

Очень незначительную активность в сфере производства локальных имен обнаруживают слова на *-ище*. По-видимому, им мешает омонимия — использование суф. *-ище* для обозначения увеличительности. Во всяком случае, продуктивность суф. *-ище* с локальным значением невелика. Слова на *-ище* сохраняют некоторую продуктивность в сельскохозяйственной терминологии для обозначения площади, засеянной какой-либо культурой. Это отыменные производные типа *клеверище, коноплище, рисовище* (НС-70); *картофелище, люпинище, люцернище* (Гр.-80, 192).

Формант *-ище* дает производные и от глагольных основ: специальные *мочилища* (СЖ. 1963). Гр.-80 отмечает как нов. *кормилище* (фазанов), площадки-*порхалища* (газ.). Продуктивны также сложные слова с первым компонентом, а второй частью *-хранилище* (типа *овощехранилище*) и *-вместилище* (типа *водовместилище*). Суф. *-ище* порождает окказионализмы: *таилище* наук (Сельвинский).

Ты где, писательница малосольная,
Молоховец, хозяйка малахольная...
Утеха десятипудовых туш
Владетелей десяти тысяч душ?
В каком раю? Чистилище? *Мучилище?*
Костедробилище?

А. Тарковский

В других пространственных значениях суф. *-ище* продуктивности не обнаруживает.

Имена на *-ница*

Суф. *-ница* производит наименования вместилищ для того, что обозначает базовая именная основа (типа *сахарница*). Чаще всего такие слова называют сосуды, реже — помещения. Как правило, базовая основа именует конкретный предмет или вещество. Новообразования: *батонница, сигаретница* (НС-70). Гр.-80 характеризует как новые: *шампиньонница, фруктовница*. Этот разряд слов обнаруживает единообразие смысловой структуры и четкость формального строения. Однако некоторые производные совмещают значение вместилища со значением 'прибор, инструмент', например *пельменница*. Это не сосуд для пельменей, но приспособление для их изготовления.

Суф. *-ница* использует интерфиксы *-ат-* (в производных от названий животных) и *-ов-* (если базовая основа имеет в исходе группу согласных), ср.: *гусятница, утятница* (сосуд) и *фруктовница*. Активность суф. *-ница* обнаруживается в том, что при необходи-

мости он создает неузуальные производные; например, в одной семье *червятницей* называют коробочку для червей (при рыбной ловле).

Вероятно, пополнение рассматриваемого разряда слов сдерживается омонимией — активным классом существительных на *-ница*, обозначающих женщин (ср. *галошница* — 'женщина' и 'помещение', *утятница* — 'женщина' и 'помещение').

Имена на *-ник*

Полифункциональный суф. *-ник* образует различные имена в кругу предметных и личных существительных. Он участвует и в производстве имен с пространственным значением. В этой сфере он обнаруживает активность в порождении одного класса наименований — помещений для животных. Базовые основы — названия животных легко порождают слова типа *обезьянник, попугайник, бегемотник;* активна модель с интерфиксом *-ат-* (*журавлятник, страусятник, оленятник*).

В производстве существительных с другими разновидностями локальных обозначений (типа *чайник, соусник, ледник*) суф. *-ник* активности не обнаруживает. В этой сфере наблюдается конкуренция *-ник* и *-ница*. В ряде случаев сосуществуют вариативные образования на *-ник/-ница* (типа *салатник — салатница*). Однако наблюдения показывают, что эта вариативность охватывает лишь старые слова. В активном словопроизводстве суф. *-ник* и *-ница* размежевались: *-ница* производит названия сосудов, *-ник* — помещений для животных.

Имена на *-лка*

Полифункциональный суф. *-лка* производит от глагольных основ наименования помещений, предназначенных для выполнения действия. Активен в РЯ: *читалка* (ср. *читальня* — устар., *читальный зал* — офиц.), *раздевалка, переодевалка* (на пляже), *умывалка, ожидалка* (приемная — офиц.), *переобувалка*. Примеры: Подожди меня в *раздевалке*!; Батюшка в *крестилке*, — сказали мне пожилые прихожанки. *Крестилка* — голубой флигелек (К. пр. 1975).

Имена на *-ловка*

Суф. *-ловка* производит наименования мест, для которых характерно действие, названное базовой основой. Действует в грубоватой разговорной речи и просторечии, порождая наименования с оценкой неодобрительности: *ожидаловка* — место, где ждут общественный транспорт; *забегаловка* — столовая, кафе..., куда забегают наскоро поесть; *обираловка, грабиловка, обдираловка* — место, где берут большие деньги зря. Гр.-80 отмечает: киносеанс в *замерзаловке* (газ.) Ср. *собираловка*: ...ее позвали к центральному гастроному, на так называемую „*собираловку*" (К. пр. 1971). Ср. старые названия поселков близ Челябинска "*Теребиловка*", "*Грабиловка*".

Имена на *-арий, -ариум*

Заимствованный суффикс *-арий*, вычленившийся из слов со связанными корнями типа *дендрарий, аэрарий*, приобретает в современном языке активность. Это явление в русском языке новое. Показательно, что в книге Й. Йирачека [Йирачек, 1971] суф. *-арий* не рассматривается. Этот суффикс порождает наименования помещений и территорий, предназначенных для разведения, изучения или выращивания того, что называет базовая основа. Базовые основы — названия животных и растений: *розарий, кактусарий, дельфинарий, фазанарий, лимонарий, пингвинарий* (нов.), например: работы по реконструкции *пингвинария* (Пр. 1987); *дельфинарий* в Батуми (К. пр. 1974).

Суф. *-арий* тяготеет к соединению с заимствованными основами, ср. соотношение производного, включающего русский элемент, и существительного со связанной основой и суф. *-арий*: Вообще-то на языке науки *змееферма* называется *серпентарием* (Изв. 1986). Однако в отдельных случаях суф. *-арий* дает производные и от основ русского происхождения: *Клюкварий* расположен недалеко от Петрозаводска (Пр. 1977). Ср. также: громадный макет Москвы, на котором сразу будет видно качество проектов — что получится удобно и что неудобно, что выйдет красиво и что безобразно: *москварий*! (ЛГ. 1962).

Отмеченный в Гр.-80 суф. *-орий* (ср. *лекторий, профилакторий*), по нашим наблюдениям и материалам, не активен.

Суф. *-ариум* обнаруживает слабую активность. Заимствованное слово *океанариум* хорошо членится и осмысливается ("территория в океане, предназначенная для изучения обитателей океана"). Ср.: У нас нет ни одного *океанариума*. Но для изучения жизни обитателей моря они совершенно необходимы (К. пр. 1964).

Нами отмечено еще одно слово на *-ариум* — *лунариум*. Помещенное в заглавие книги, слово *лунариум*, на наш взгляд, не соответствует тому значению, которое ему придали его создатели. Так названа антология сведений о Луне (М.: Мол. гвардия, 1976). Проведенный нами опрос показал, что слово *лунариум* воспринимается как обозначение территории, предназначенной для проведения исследований, испытаний (ср. *океанариум, террариум*). Придав этому слову значение собирательности, составители исказили смысл словообразовательной модели и затемнили семантику слова.

Итак, среди формантов, порождающих локальные наименования, нет лидера. Значения рассмотренных аффиксов, как правило, специализированы: слова на *-дром* обозначают место для испытаний (преимущественно технические), слова на *-арий* связаны с фауной и флорой, слова на *-ище* — с сельским хозяйством, слова на *-ница* именуют вместилища для предметов (главным образом бытовых, чаще всего сосуды), слова на *-ник* обозначают помещения для животных, имена на *-лка* и *-ловка* — помещения по действию, но *-ловка* имеет яркий оценочный характер. Рассмотренные форманты распределены по сферам языка: *-дром, -арий, -ариум, -ище* относятся к терминологии; *-лка* и *-ловка* — к РЯ; *-ница* и *-ник* нейтральны, но отдельные производные тяготеют к РЯ.

СЛОВА-ХАРАКТЕРИСТИКИ (НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ И СТРАН)

В сфере номинативного словообразования можно выделить особый класс производных, в котором номинативная функция совмещается с характеризующей. От производных, относящихся к сфере экспрессивного словообразования, они отличаются тем, что в них оценочный элемент не является обязательным и основным, однако нередко он достаточно отчетлив. Назовем такие слова номинациями-характеристиками (в отличие от номинаций-экспрессивов). Особую группу таких слов-характеристик составляют пространственные наименования — названия городов и стран. Ср. такие противопоставления:

номинация	номинация-характеристика	экспрессив
Волгоград	Ситцеград	штормяга
Финляндия	Спортландия	собаченция

В современном языке активно создаются целые серии новообразований с пространственным значением 'город' и 'страна'. Такие производные включают в качестве строительного средства элементы *-град, -горск* (реже) и *-ландия, -ij(а)*.

Слова на *-град*

Слова на *-град* объединяют чисто номинативные единицы — "серьезные" названия городов (*Ленинград, Целиноград, Кировоград*, среди которых есть совсем новые: *Зеленоград, Волгоград, Зерноград*) и образные слова-характеристики, не являющиеся официальными названиями: Привет тебе, Иваново, российский *Ситцеград*! (В. Кузнецов, Ситцеград); Город Норильск называют *Книгоградом* (К. пр. 1956); Встреча с *Нефтеградом* (Пр. 1967). Журналисты любят помещать такие слова в заголовки, что способствует превращению их в штампы: Быть *автограду* (К. пр. 1957); *Автоград* на старте (К. пр. 1970); *Электроград* под Минусинском (Пр. 1972); *Атомград* (Пр. 1980); "*Андерсенград*" в сосновом бору (Уч. газ. 1975); В "*пионерграде*" (ЛГ. 1985); На велосипед! Ждет туристов *Велоград* (К. пр. 1980); "*Атомоград* у Тихого Дона" (К. пр. 1964); "*Птицеград*" (Пр. 1972); *Электроград* в Прикамье (Пр. 1976); *Оленеград* (ЛГ. 1975). Поэт Д. Самойлов назвал свою статью в "Лит. газете" (1980) "У врат *Поэтограда*". А. Головин дал название "*Танкоград*" поэме.

Таким образом, слова на *-град* не обязательно называют города. Они могут именовать нечто, имеющее пространственную протяженность и характеризуемое тем, что называет базовая основа. Это может быть поселок, лагерь, цех, фабрика, завод и т.п. В этом отношении интересно стихотворение Д. Кугультинова "*Книгоград*" (так поэт называет книжный шкаф; пер. Ю. Нейман):

Как переулок — каждый
книжный ряд,
А весь мой шкаф — чудесный
Книгоград.

Ср. также: Этот поселок настоящий *Пескоград* (Изв. 1980). Некоторые из таких слов-характеристик приобретают статус

официальных названий городов. Вот как пишет об этом В. Чивилихин в статье "Пятилетие *Кедрограда*": Когда я впервые писал об этих замечательных ребятах, то назвал их мечту, их будущий лесной городишко *Кедрогрaдом*. Слово прижилось (ЛГ. 1965).

Итак, на наших глазах рождается новый тип слов на *-град*: наименования-характеристики (не обязательно городов!) по какой-либо характерной черте, названной именной основой. Встает вопрос о статусе элемента *-град*. Слова на *-град* активно образуются по модели. Элемент *-град* следует считать суффиксоидом. В таблице синхронической продуктивности Л.И. Мининой и Б.И, Барткова он занимает 11-е, т.е. достаточно высокое, место (таблица насчитывает 54 единицы); в работах Н.М. Шанского характеризуется как суффиксоид, в Гр.-80 — как опорный компонент.

Существительные на *-горск* обнаруживают гораздо меньшую активность. По этому типу также образуются и официальные названия городов (ср. *Дивногорск*), и образные слова-характеристики: "*Снежногорск*" (Зв. 1974).

Названия стран на *-ландия* и *-ия*

Для образного названия вымышленных стран используются два вида слов-характеристик.

Элемент *-ландия* (или *-ляндия*), вычленяемый из названий стран типа *Финляндия, Лапландия* и под., формирует слова, характеризующие вымышленные страны по какой-либо характерной черте:

> В глазах ваших, карих и серых,
> есть *Новой Желандии* берег...
> *С. Кирсанов*

путешествие в страну "*Гринландию*" (ЛГ. 1970) — по имени А. Грина; "*Спортландия*" (из газет); "*Страна Киноландия*" (Сов. экран. 1968); моя любимая книга "Путешествие в страну *Спортландию*" (К. пр. 1971);

От *хайуэй* (скоростная шоссейная дорога, один из символов современной Америки) — *Хайуэйландия*: Сплошной поток машин уверенно и гулко мчит вперед. Мчит напористо, то и дело подгоняя раздраженными гудками тех, кто растерялся, замешкался или заколебался в этой новой еще для себя стране *Хайуэйландии*" (ЛГ. 1989). У них прямо *Крысландия* // (РЯ). В польском окказ. *Policlandija.*

Элемент *-ц(а)*, вычленяемый из названия стран типа *Англия, Франция,* формирует названия вымышленных стран. Такие слова тоже часто фигурируют в заголовках: Люди страны *Библиофилии* (Кн. об. 1976); Страна *Буквария* (Рус. речь. 1971); Мы из страны *Пионерии* (Юн. 1972).

Среди слов этой группы много поэтических образований. Герой "Командировочной пасторали" А. Галича мечтает о поэтической стране *Пасторалии*:

> Спой гитара, нам про страдания,
> Про глаза нам спой и про пальцы...
> Будто есть страна — *Пасторалия*
> Будто мы с тобой пасторальцы!

Но живет он — увы! — в будничной *Постоялии*:

Мы живем в стране — *Постоялии*,
Называемся — постояльцы.

Так узуальное слово *постоялец* (человек, который временно снимает жилье у кого-то) рождает необычное, но очень выразительное название страны: *Постоялия*.

Ср. название страны муравьев — *Муравьиния*:

В пальто,
И драных валенках,
И в шапке до бровей
Ведет кораблик маленький
Отважный муравей.
Вода такая синяя
И заросли стеной.
И где-то *Муравьиния*
Осталась за спиной.
В. Шульжик, Отважный муравей.

В стране *Хохотании*
Жили смеянцы.
Любили смеянцы
Веселье и танцы...
Г. Сапгир, Красный шар

В "Дне поэзии" (Л., 1967) встречаются названия стран *Нетнетия* и *Дадакия*; ср. также: страна *Людмилия*.

Б. Заходер при переводе "Алисы в стране чудес" Л. Кэрролла порождает целый каскад производных рассматриваемого типа: «Будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: "Аленка в *Вообразилии*". Или "Аля в *Удивляндии*". Или "Алька в *Чепухинии*". Ну уж на худой конец: "Алиска в *Расчудесии*". Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел».

Встречаются названия стран на *-ия* и в шутливом РЯ: *Иностранния*, *Неунасия* (от *не у нас*).

НАИМЕНОВАНИЯ НАУК, ОТРАСЛЕЙ ЗНАНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Век НТР порождает рост знаний, в связи с чем появляется большое количество новых наук. В языке создаются специализированные форманты — аффиксоиды *-логия, -ведение, -водство, -строение* и суф. *-ика/-астика*, служащие для построения названий новых наук, отраслей знания, деятельности человека.

Имена на *-ика*

Суф. *-ика*, вычленяемый из состава многочисленных классических названий наук, не всегда хорошо членимых с словообразовательной точки зрения (типа *физика, математика, ботаника*), порождает новые наименования: *бионика* (из *биология+электроника*), *метеоритика, фармацевтика, космонавтика*, например: советская *метеоритика* (ЛГ. 1983). Вот объяснения названий некоторых новых

наук: — А что такое *трибоника*? — Вот видите, слово и для нас новое. Это наука о трении, смазке и изнашивании механизмов (Пр. 1986); Проследить за судьбой попавшего в организм лекарства помогает *фармакокинетика* (Пр. 1986).

Рассмотрим ряд новообразований на *-ика*, которые, с одной стороны, свидетельствуют об активности форманта *-ика*, а с другой — размывают целостность этого словообразовательного типа, находясь на его периферии. Это слова *метафорика, конкретика, атрибутика.* Они не обозначают научные направления, отрасли, склонности, как определяет значение слов на *-ика* Гр.-80 (с. 193). *Метафорика* не есть наука о метафоре, так же как *конкретика* и *атрибутика* — это не науки о конкретном или об атрибутах.

НС-82 толкует слово *метафорика*: Использование метафор. Вряд ли с этим толкованием можно согласиться. Ср.: *Метафорика* Гумбольдта — источник его теоретических ассоциаций (В. Постовалова, Язык как деятельность); Кресты, четки, перстни — у всей этой *атрибутики* тоже вековые традиции (ЛГ. 1986); ...детектив базируется на факте, на скрупулезном изучении эпохи, предмета, *конкретики* (ЛГ. 1970).

В этих словах сильно значение собирательности, которое накладывается на значение 'уровень сведений, знаний, связанный с тем, что обозначает базовая основа'. Если бы возникла необходимость создать слова, обозначающие соответствующие науки, скорее всего были бы созданы существительные типа *метафористика*, так как формант *-истика* выступает как однозначный и отчетливый показатель именно этого значения. Что касается слова *конкретика*, то для современного узуса характерно употребление этого существительного со значением, в котором наиболее яркий компонент 'собирательность': *Конкретика* на каждый год (РЯ); Сам диссертант не пожелал выявить *конкретику* этих различий (из выступления); Мало районной *конкретики*... (ЛГ. 1986); *Конкретика* перемен (М. пр. 1987).

Отметим, что слова *метафорика, конкретика, атрибутика* не соотносятся с однокоренными именами лиц (ср. *физик — физика, космонавт — космонавтика*). Слова *метафорика* и *атрибутика* — производные от существительных *метафора* и *атрибут, конкретика* — от прилагательного *конкретный*. Семантически эти слова могут сближаться с отвлеченными именами на *-ость* (ср. *метафорика* и *метафоричность*), с соответствующими прилагательными или существительными с уточнителем *всё, все* (*конкретика* — все конкретное, *атрибутика* — все атрибуты).

Имена на *-истика*

От суф. *-ика* ответвилась единица *-истика*, которая в современном языке начала играть роль самостоятельного форманта. Тот факт, что активность этого элемента возросла недавно, подтверждается тем обстоятельством, что в обстоятельной монографии Й. Йирачека [Йирачек, 1971] эта единица не рассматривается.

Первоначально этот элемент встречался в соотносительных с име-

нами лиц на *-ист* словах типа *публицистика, журналистика,* но постепенно приобрел активность и стал формировать новые названия наук и областей деятельности и вне соотношения с именами лиц на *-ист*, например *эмотивистика, неологистика* (ЛГ. 1987); ср.: редукционизм был типичным для традиционной *гуманитаристики* [Постовалова, 1982].

Соотношение *-ика/-истика* напоминает соотношение *-ина/-атина* (в производстве названий мяса). Более длинный компонент активнее и приобретает функции самостоятельного форманта: Создан совет по *афористике* (Кн. об. 1976); Только что мы горячо приветствовали *очеркистику* и справедливо говорили... о расцвете очерка и *документалистики* (ЛГ. 1986).

Слова на *-истика* легко производятся от названий стран и народов: *американистика, португалистика, испанистика, каталонистика* и т.п. Активность форманта *-истика* подтверждается его способностью создавать шутливые окказионализмы. В словаре Бильфельдта отмечены *шагистика, ерундистика, зубристика*; НС-82 дает новообразование *бумажистика* (М. Ганина).

Элемент *-истика* в некоторых случаях признается говорящими более подходящим, чем *-логия*. Вот высказывание ученого-социолога: Первый раз слышу *вашингтонология* // Я бы охотнее употреблял *американистика*.

Имена на *-логия*

Аффиксоид *-логия* занимает второе (после *-лог*) место в таблице Л.И. Мининой и Б.И. Барткова. Он порождает значительное количество новых названий наук: первый компонент называет объект деятельности: *конфликтология* (НС-82). Целинной областью медицины называют клиническую *лимфологию* (Пр. 1986). Ср. новообразования, содержащие первый русский компонент: Существует определенная *заглавиялогия* || (РЯ); Можно сказать что создается *грибология* || (РЯ).

Первый компонент может содержать имя собственное. Об этом свидетельствует созданный Н.В. Тимофеевым-Ресовским термин *"вернадскология"*. См. об этом в повести Д. Гранина "Зубр": Работу эту Зубр окрестил *"вернадскологией"*.

Значительную часть слов на *-логия*, однако, составляют слова не первой степени членимости, т.е. содержащие связанные основы: *коммуникалогия*, ср. *коммуникация; пирология* — наука о пожарах (НС-70); *альгология* — раздел ботаники, изучающий водоросли (НС-82); *ихнология* — наука о следах (НС-82); общая *антропология* (*"гуманитарология"*) [Постовалова, 1982].

Изредка элемент *-логия* сочетается с первой глагольной частью: *болтология, трепология* (от *болтать, трепаться*).

Имена на *-ведение*

Аффиксоид *-ведение* активно порождает названия наук (в таблице Л.И. Мининой и Б.И. Барткова занимает 6-е место), имеющих преимущественно первую русскую часть: *школоведение, науковедение,*

человековедение, велемироведение (наука о Велемире Хлебникове), *озероведение, переводоведение, болотоведение.* В ряде случаев существует параллелизм наименований типа *графология — почерковедение, лингвистика — языковедение.* См. примеры: Одна из особенностей современной науки та, что она начала "познавать себя". Родилась дисциплина, условно называемая "наукой о науке" или *науковедением* (Пр. 1967); Лаборатория *болотоведения* изучает урожайность клюквы (Пр. 1987); Общефилологическая дисциплина с приличным стажем, которую специалисты давно и прочно назвали *переводоведением* (ЛГ. 1986).

Еще раз отметим, что происхождение форманта долгое время сказывается на его морфотактике: *-ведение* тяготеет к русским компонентам, *-логия* — к иноязычным.

К ПРОБЛЕМЕ СОЗНАТЕЛЬНО СКОНСТРУИРОВАННЫХ СЛОВ

В огромном массиве производных слов выделяется разряд образований, сознательно сконструированных человеком. Эти слова относятся в основном к терминологии — категории предметного имени существительного. В этой книге, однако, мы не ставим задачу анализа специальной терминологии. Рассмотрим лишь несколько разрядов такой лексики, главным образом те классы слов, которые попадают на страницы неспециальной периодической печати. Это преимущественно наименования минералов, элементов, веществ, искусственных материалов. Начнем с таких примеров, когда осознание построения слова формулируется эксплицитно.

Наименования минералов на *-ит*

Наименования минералов принадлежат сфере терминологии и относятся к разряду сознательно построенных слов. Названия минералов формирует интернациональный суффикс *-ит.* В качестве базовых основ используются, как правило, имена собственные — имена авторов открытий или географические названия месторождений. Вот некоторые материалы центральной печати, повествующие о рождении таких слов. Заметка под названием: Имя геолога — минералу. Его назвали *мухинитом* — по имени старейшего геолога Западной Сибири А.С. Мухина (Пр. 1969); "*Стишовит*" — это только начало. Молодой ученый-кристаллограф Сергей Стишов получил лабораторным путем минерал (К. пр. 1966).

Название, однако, не всегда рождается сразу. Об истории борьбы двух названий, отражающей историю открытия минерала, рассказывает статья "Судьба одного минерала": Минерал, названный *аттапульгитом* [от горы Аттапульгус], с нетерпением ждали на буровых площадках США... *Аттапульгит* стали искать во всех странах... И вот несколько лет назад одна поисковая партия Украины вдруг набрела на залежи такой знакомой по литературе глины. Советский минерал — *палыгорскит* (так называлось местечко, где его впервые нашли) (К. пр. 1967).

Вот еще несколько новых названий минералов: *таймырит, амазонит, андалузит, арагонит, реголит* (НС-70). От географических названий мест, находящихся в СССР: *байкалит, березит* (Березовский район), *ильменит* (Ильменские горы), *уралит, таймырит, балхашит, хибинит, ереванит.* В тех случаях, когда основа кончается на гласный, используется интерфикс *-н-*: *Бештау — бештаунит*; ср. также *керченит* от *Керчь* (вероятно, с целью устранения однослоговости базовой основы). Производные от основ другой семантики редки. Одно из таких названий — *комсомолит.* О появлении этого слова рассказывает статья "*Комсомолит*": Не так давно молодой геолог открыл еще два минерала. Если они будут утверждены, один из них он хочет назвать *комсомолитом* (К. пр. 1968).

К числу образований, произведенных не от имен собственных, относятся *вулканит* и *гейзерит* [Йирачек, 1971, 93], называющие, однáко, место рождения минерала, тогда как слово *комсомол* принадлежит совсем иной семантической группе.

Наименования веществ, материалов

Наименования веществ и материалов, создаваемых человеком, строятся с помощью суф. *-ит, -ин, -ан, -лон.*

Имена на *-ит*

Суф. *-ит* наиболее активен. Он дает производные от названий других веществ (*хромит, фосфорит, бетонит*; *камышит, соломит;* с интерфиксом: *слюдинит*), от имен собственных — фамилий создателей вещества, сплава или известных ученых (*мартенсит* — от имени немецкого металлурга Мартенса), места добычи, нахождения (*лунит*).

От имен другой семантики также создаются наименования рассматриваемого класса, но менее активно. Например, *победит* (сплав фольфрама чрезвычайной твердости) от существительного *победа.* Ср. также несколько новых наименований искусственных материалов, препаратов, отмеченных словарями новых слов: *наирит* (от аббревиатуры: Научно-исследовательский институт резины; НС-70); *ворсонит* (от *ворсовая ткань*; НС-80); *ильмовит* (от города *Ильменау;* НС-82); *капсувит* — витаминный препарат в виде капсул (НС-82).

Имена на *-ин*

Суф. *-ин,* по наблюдению Гр.-80, продуктивен в химической и фармацевтической терминологии. Он производит названия препаратов, лекарств, веществ, материалов. Базовые основы — конкретные, именные; называют вещество, материал (*янтарин, вельветин, трикотин*); болезни, против которых направлено вещество (*мозолин, туберкулин*); действия и результаты (*стимулин, анастезин, грацидин*).

Несколько примеров, показывающих пути формирования новых производных на *-ин*: *реагин* — особое антитело... определяющее особенности реакции (НС-70; ср. *реагировать*); *резилин* (НС-70): белок *резилин.* Он, подобно резине, обладает очень высокой упру-

гостью... (Сов. Россия. 1974); *влтавин* (от названия реки *Влтава*) — полудрагоценный поделочный камень зеленого цвета (НС-82). Стругацкие употребили слово *янтарин*. В. Каверин создал окказионализм *письмин*: Когда не пишется, следует принимать "*письмин*" ("Перед зеркалом").

В целом формант *-ин* менее активен, чем *-ит*. В книге Й. Йирачека [Йирачек, 1971] отсутствует. Иногда дает производные от тех же основ, что *-ит*. Так, НС-80 помещает: *ворсолин* — ворсовая ткань. То же, что *ворсолит*.

Как видим, формант *-ин* (подобно *-ит*) также нередко использует интерфиксы.

Имена на *-лон*

Формант *-лон* специализировался на производстве наименований новых искусственных материалов от аббревиатур (см. об этом наблюдения Е.И. Голановой в кн.: [Русский язык..., 1968б]). Вот несколько новообразований: *мтилон* — волокно (от: Московский текстильный институт), ср. *нейлон, перлон* (отмечено в НС-70); *девилон* (*декоративный* + *виниловый* + ...*-лон*) — искусственное волокно (НС-82). Ср. также: Материал-заменитель — *кожволон*, по виду почти не отличающийся от кожи... (Изв. 1967).

Наименования элементов на *-ий*

Обратимся к названиям элементов. Их названия, как правило, производят от имен собственных ученых-первооткрывателей или в честь выдающихся ученых. Вот некоторые иллюстрации: Сто четвертый элемент был получен в Дубне на большом циклотроне в 1964 году. Он был назван *курчатовием* (К. пр. 1967); Название 105-му дали в честь великого датского физика Нильса Бора — *нильсборий*. (К. пр. 1975); Еще ни один физик в мире не видел собственными глазами даже грамма *фермия* или *эйнштейния*. Впервые полученный *плутоний* занимал место величиной с булавочный укол. Элемент *менделевий* физики считали просто в атомах... *Лоуренсий* получили вообще в символических дозах (ЛГ. 1964). И здесь, так же как и в историях с минералами, случаются драматические события: ...во всех предыдущих работах, связанных с синтезом и исследованием сто второго элемента, допущены ошибки. Во всех, в том числе и американских. И название — *нобелий* — было присуждено элементу на основе ошибочных данных. А раз так, то и название тоже "отменяется" (К. пр. 1967).

Итак, мы рассмотрели несколько разрядов сознательно сконструированных слов. Все они имеют важную семантическую особенность: семантика базовой основы никак (за редчайшими исключениями) не определяет свойства денотата. Таким образом, это производные слова, мотивация которых может быть названа у с л о в н о й [Ермакова, 1989, 88—89; Ермакова, Земская, 1991].

Рассмотрим еще несколько иных видов сконструированных слов:

новое слово строится с использованием активных морфем и метафорическим переосмыслением основы. Журнал "Наука и жизнь" опубликовал такую заметку: Новое свидетельство популярности во всем мире классической русской литературы пришло с совершенно неожиданной стороны. Американский биолог Кеннет Босс предложил назвать способность некоторых моллюсков впадать в спячку *"обломовизмом"*.

Другой типичный путь: построение слова по конкретному образцу. В книге А. Ферсмана "Воспоминания о камне" есть глава "Рождение слова", в которой рассказывается о создании названия месторождения руды *Африканда* (по аналогии с *Охтоканда*): Даже неловко: мировые руды, а разъезд просто номер 68. Так думает старый железнодорожник. "Надо переименовать... и жарко сегодня, не до крестин. А тут еще пристал диспетчер: поезжай в *Охтоканду*... Ну, просто *Африка, Африканда* какая-то". Разъезд был назван *Африкандой,* и по всему миру во всех минералогиях, во всех музеях стояло отныне гордое слово — *Африканда,* Кольский п/о, СССР.

СЛОВА-КВАНТИФИКАТОРЫ

Характерным для нашего времени является обозначение предметов (реже лиц) по количественной характеристике. Подобные слова находятся на границе между номинативным и компрессивным словообразованием. Они производятся с помощью суф. *-ник* и *-ка* и, как правило, являются синонимами развернутых официальных номинаций. Употребляются в нестрогой профессиональной речи и в РЯ. Ср.: девятиэтажный дом — *девятиэтажка,* пятитонный грузовик — *пятитонка,* десятитомное собрание сочинений — *десятитомник.* Вот примеры из НС-82: *однотонник* — кран грузоподъемностью в одну тонну (в разг. речи); *четырехосник* — четырехосный железнодорожный вагон; имя лица: *первоэтажник.*

Номинации, рассмотренные выше, содержат кроме указания на количество именную основу, относительно которой делается квантификация (четыре оси, первый этаж и т.п.). Не менее распространены квантификаторы иного типа — содержащие только количественное указание. К чему оно относится, в слове не выражено. Вот примеры из НС-82: *трехтысячник* — овощехранилище вместимостью в три тысячи тонн; *двадцатипятитысячник* — газоперекачивающий агрегат мощностью в 25 мегаватт.

Слова-квантификаторы обычно именуют механизмы, агрегаты, средства передвижения, заводы, корабли и т.п., но могут именовать и вершины гор (*пятитысячник* и т.п.), собрания книг, словари (по количеству томов или слов) и т.п.: альпинисты задумали траверс четырех *восьмитысячников* Канченджанги... Канченджанга возвышается в стороне от других *восьмитысячников* на границе Непала и индийского штата Сикким (Пр. 1986); *полуторка* — дневное задание прядильщицы, связанное с обслуживанием полутора "сторонок" (полутора рядов прядильных машин) (в разг. речи).

Невыраженность в слове того, что именно подвергается количест-

венному измерению, не мешает общению. Как правило, сокращенные номинации употребляются или при полной ясности темы разговора, или после полных наименований как их сокращения. Из речи лингвистов (о создании словарей разного объема): — *Словарь на десять тысяч слов* вы когда закончите? — А большой / он по такой же программе составляется как *десятитысячник*?; — Этот *тридцатитысячник* сильно отличается по характеру словарной статьи от *десятитысячника*? //; А вот пример из газет: Есть *"миллионники"*! (згл. — Пр. 1986) — о турбогенераторе.

Слова на *-ник* и *-ка* могут использоваться как синонимы: *двадцатипятка* — то же, что *двадцатипятитысячник* (в разг. проф. речи) (НС-82): ... приступили к сборке серийного газоперекачивающего агрегата мощностью 25 тысяч киловатт. Каждая *"двадцатипятка"* даст стране эффект в миллион рублей (Пр. 1982). Представляется, что производные на *-ка* имеют более сниженный характер. Слова на *-ник* ближе к нейтральной литературной речи.

МОДИФИКАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Набор деривационных значений, представляющих модификационные словообразовательные категории (СК), можно отнести к разряду языковых универсалий. Во всех европейских языках и многих языках других семей есть специализированные словообразовательные средства, выражающие такие значения, как 'уменьшительность', 'увеличительность', 'собирательность', 'единичность', 'невзрослость', 'женскость'.

В русском языке значения уменьшительности и увеличительности редко выступают только как размерные. Они тесно спаяны с категорией субъективной оценки: как правило, уменьшительность связана с различными видами положительной оценки (ласкательность, похвала и т.п.), увеличительность — с различными видами отрицательной оценки (уничижительность, пренебрежительность и т.п.). Именно поэтому эта область словообразования получила название категории субъективной оценки [Виноградов, 1947]. По нашей классификации функций словообразования она относится к сфере экспрессивного словообразования, так как выполняет не столько функцию размерной квалификации, сколько субъективно-оценочную, экспрессивно характеризующую.

КАТЕГОРИЯ ЖЕНСКОСТИ

Словообразовательная категория женскости принадлежит к числу универсальных языковых категорий, обнаруживаемых во многих языках. В русском языке она реализуется в наименованиях женщин и самок животных.

Наименования женщин

Модификационная словообразовательная категория "женскость" — одна из активнейших в современном языке. Ее отличают черты большей регулярности по сравнению с многими другими СК, в том числе со СК, служащими для обозначения имен лиц мужчин и предметов. Эту категорию отличает и бóльшая регулярность, чем некоторые другие модификационные категории (такие, например, как "единичность — собирательность"). Наименования женщин всегда выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме. Отношения иного рода, т.е. когда имя лица мужского пола вторично по отношению к имени лица женского пола, редки и производят впечатление анормальности. Таковы *вдова — вдовец* (ср. устар. *вдовица*), *ведьма — ведьмак, дура — дурак*.

Категория женскости отличается в семантическом отношении от других модификационных категорий. Ее своеобразие заключается в том, что она не модифицирует значение базового слова, а, по справедливому мнению М.В. Панова, зачеркивает один семантический компонент ('мужчина') и добавляет другой ('женщина'). Ср. *дом — домик* (дом + 'маленький') и *учитель — учительница* (*учитель* —'мужчина' + 'женщина').

Упомянутая выше регулярность СК "женскость" далека, однако, от регулярности словоизменительных категорий; она резко отличается и от регулярности категории "женскость" в других славянских языках, таких, например, как польский и чешский, в которых наименования женщин образуются без исключений [Daneš et al., 1967].

Следует добавить также, что русский язык неоднороден с точки зрения степени регулярности и широты употребительности женских коррелятов. В этом отношении резко противопоставлены кодифицированный литературный язык в его официально-деловом стиле и РЯ, в котором женские наименования образуются легче и употребляются чаще (см.: [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, 99—102]).

Особенность языка нашего времени состоит в том, что подавляющее большинство имен лиц женского пола — это профессиональные наименования. Наименования жен по мужу, выражаемые ранее словами с суф. *-ш(а)*, редки и не типичны. Характерно, что при употреблении слов на *-ша* часто возникает недопонимание, люди переспрашивают: Это моя соседка / *профессорша* // — Что? Сама или муж? — Самá / самá //; — У нас рядом *адмиральша* живет // — Разве бывают женщины-адмиралы? — Да она вдова / у нее муж был адмирал //.

Наименования других разрядов — характеристики (типа *болтушка, певунья*), имена жительниц (типа *харьковчанка*) и др. — более употребительны и создаются активнее, чем наименования жен.

Регулярность производства женских наименований зависит от структуры и семантики соотносительных имен муж. рода. Семантические особенности сказываются в следующем: если имя муж. рода называет сугубо мужскую профессию, то производство имени жен. рода затруднено, осуществляется редко. Так, более обычны наименования *кондукторша, агрономша, докторша*, чем *дирижерша, мэрша,*

президентша. Однако это лишь тенденция, управляющая созданием таких слов, но не непреложный закон. Что касается формальных отношений, то их действие больше напоминает характер закона. Однако если некоторые типы соотношений реализуются во всех сферах языка, то другие типы — лишь в определенных.

Более широкие возможности производства женских соответствий дает РЯ. Во всех сферах языка порождают легко и свободно женские соотносительные наименования следующие структурные виды имен лиц муж. рода: 1) существительные на *-щик/-чик — -чица/-щица;* 2) существительные на *-ник — -ница*; 3) существительные на *-тель — -ница*; 4) существительные на *-ист — -ка*. От имен лиц на *-ец, -овик* женские корреляты на *-ка* образуются, но не столь регулярно.

Следует особо подчеркнуть, что существует различие в возможности образования и в употреблении наименований женщин. Если наименования женщин от существительных муж. рода перечисленных разрядов образуются вполне регулярно, то их употребительность не во всех сферах языка одинакова.

В кодифицированном литературном языке существительные муж. рода — наименования лиц по профессии, роду занятий имеют более общее значение и могут применяться для названия и мужчин, и женщин; существительные жен. рода — лишь для названия женщин. В.В. Виноградов писал: "...в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т.е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея п о л а, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. Например, для общего логического обозначения понятия о людях, принадлежащих к классу крестьян, мы воспользуемся словом мужского рода *крестьянин,* отнюдь не подразумевая при этом мужчин, а имея в виду лиц обоего пола. Этот смысл очень ощутителен в таких выражениях, как *Дом крестьянина, газета "Вузовец", работник просвещения* и т.п." [Виноградов, 1947] (см. также: [Русский язык..., 1962, 25—26; Русский язык, 1968б, 17—19]).

Эта типическая особенность книжной сферы языка приводит к тому, что употребительность женских наименований в кодифицированном языке менее велика, чем в РЯ. Именно в РЯ часто бывает нужно обозначить пол лица. Показательны такие диалоги, в которых говорящий особо подчеркивает женский пол лица: (разговор двух приятелей) **А.** Кто твой *начальник*? **Б.** У меня *начальница* // **А.** Так у тебя *начальница*? **Б.** Да-а // **А.** (понимающе) А-а //; **А.** А когда твой *врач* приедет? **Б.** У меня *не врач / а врачиха* //; **А.** *Доктора* звали? *Б.* У нас *докторша*//.

Рассмотрим, как реализуются разные виды соотношений между суффиксами муж. и жен. рода.

Имена на *-щик/-чик~-щица/-чица*

Женские соответствия образуются регулярно к наименованиям мужчин, как отыменным, так и отглагольным: Она *гобеленщица* // (РЯ); модная *манекенщица* (ЛГ. 1986); *ковровщицы* (ЛГ. 1962);

асфальтировщица (НС-70); *стропальщица* (НС-70); *трассовщица* — работница на трассе газопровода: Невестка быстро освоилась, работает *трассовщицей*, то есть ведет журнал, документально оформляет продвижение, каждый шаг строителей вперед (Пр. 1982; НС-82); *часосборщица* (НС-82); *калькировщица* — работница, занимающаяся калькированием чертежей: Снимаю и вешаю пиджак, засучиваю рукава, берусь за работу. Останавливает трудовой порыв *калькировщица* Наташа (ЛГ. 1982; НС-82); из РЯ: *пропольщица; укольщица* (о медсестре); (разговор в библиотеке им. Ленина) А. Это что за номер? Это шифр? Б. Нет / это *отказчица* // ('кто дает отказы'); — Кто твоя *обменщица*?; Она настолько *потогонщица* / что другой такой не найдешь //.

Имена на *-льщик ~ -льщица*

Этот вид соотношений обладает неограниченной регулярностью в РЯ. Имена лиц муж. рода на *-льщик* высокопродуктивны в РЯ, и каждое из них может породить женское соответствие. Среди подобных существительных и наименования по профессии (*раздевальщица, одевальщица* — о гардеробщице, *выдавальщица, получальщица* — в химчистке; официально — *приемщица; подметальщица*, ср. *уборщица*), и наименования по актуальному действию (*ночевальщица, читальщица*), и наименования по склонности к действию, обычно отрицательно оцениваемому (*тянульщица, опоздальщица, надрывальщица*). Вот иллюстрации из записей РЯ: (об аспирантке) Это моя *опоздальщица* //; (на даче) И хорошо что К. приедет / хотя она ночевать не будет // А вам ведь *ночевальщица* нужна //; (о библиотекаре) Там *выдавальщица* молоденькая //; *Я проверяльщицей* работаю //; *Подметальщица* у нас новая //; Она ужасная *тянульщица* //.

Имена на *-ник ~ -ница*

Это соотношение вполне регулярно. Вот несколько новообразований: *пэтэушница* (НС-70); В ноябре трещал план у *галошниц*, и тогда тридцать комсомольских вожаков вышли в ночную смену (Юн. 1966); Сколко уж прошло, но до сих пор говорят: «Какая Стелла? Та, что в „окне сатиры", *пятнадцатисуточница*?» И сокрушенно качают головами, несчастные родители! (Изв. 1964). Особенно широко и свободно создаются женские наименования на *-ница* в РЯ: Она должно быть *щитовидница* // У нее глаза на выкате //; (о продавщице) У вас хорошая *картошница*; Там такие бабы / *интрижницы*! (ср. узуальное *интриганки*); Вот *кошатница*!; У нее мать *сердечница* //.

Показательно, что в РЯ много женских профессиональных названий: (о враче, лечащем травами) Мне обещали опытную *травницу* //; (о враче иглотерапевте) Она ей эту *иголочницу* привезла //; из речи филологов: Я еще тогда *наречницей* была [т.е. изучала наречие] //; Она у нас *суперсегментница* (от *суперсегментная фонетика*); У меня подруга / *античница*.

Имена на *-тель ~ -тельница*

Приведем лишь несколько образований из многих возможных: *водительница* (НС-70), *заседательница* (НС-70); (из частного письма) Не откажите передать моим любезным *записывательницам...*; Прошествовали по двору — мимо песочниц, мимо юных мам и молодых бабушек с колясками, мимо вереиц частных автомобилей, мимо старых бабушек, *сплетненакопительниц, сплетнераздавальщиц* (С. Абрамов, Странники; НС-82).

Имена на *-ка*

Очень высокую активность в производстве наименований женщин обнаруживает суф. *-к(а)*. Он порождает женские соответствия от имен муж. рода с различными формантами: *-ист, -ец, -енец* (с усечением *-ец*), *-ик, -овик* (с чередованием к||ч), — типа *ватерполист — ватерполистка, мапряловец — мапряловка, разведенец — разведенка, тунеядец — тунеядка, землянин — землянка.* Наиболее частотно и нейтрально соотношение *-ист/-ка.* НС-70 помещает: *юристка, барьеристка, брассистка, гандболистка, кролистка, рапиристка, фотожурналистка, геодезистка, прибористка, телеметристка.* Вот несколько примеров из РЯ: Это такая *ларинистка* [от фамилии *Ларин*] //; Мы ехали с какой-то *клавесинисткой* //; Она *кофеинистка* и *барбитуратница* //; ср. также: *синоптичка* (НС-70); *кадровичка* (НС-82); из РЯ: Ой! Есть же термин! Забыла! *Склеротичка* я!; Она познакомилась с ним через какую-то *гипнотичку...;* Она *целевичка* // [учится в целевой аспирантуре]; *брошенка* — женщина, которую оставил муж (в просторечии) (НС-82); *разведенка; подселенка;* Она русская *обученка* //; Но вот когда бывает распределение жилплощади, нас называют *подселенками* (Пр. 1987); Я думала, что она *мапряловка* //; (шутл.) Она *пришелка* // (ср. *пришелец*).

Производство женских коррелятов на *-ка* от существительных муж. рода с иными суффиксами или бессуфиксных (в том числе слов экспрессивных или сугубо книжных) осуществляется в нейтральных стилях кодифицированного языка не столь регулярно. НС-70 помещает отмеченные в периодической печати 60-х годов производные: *чабанка, юниорка, ветеранка, фотокорреспондентка, космонавтка, почтальонка, радиопиратка, кукурузоводка, аквanавтка, слабачка.* Многие из таких образований воспринимаются как стилистически сниженные. Они используются как средство художественной выразительности в языке художественной литературы: Они подплывают к *пижонкам-девчонкам...* (В. Соснора, Студенческий городок);

Стиляжек наших платья —
дилетантские.
Тут черте что!
Тут все наоборот!
Е. Евтушенко, Парижские девочки

Слезокапалка, плакса, рева (Т. Жирмунская, Родственники из города);

Агрессорка, — добавлю, *скифка...*
Ты скажешь: "Фиг-то..."
А. Вознесенский, Стрела в сосне

Разве что вот тоже *истуканка*! (Л. Обухова, Доброта); Так что последний день в Риме я провел... в обществе *функционерки* автоклуба... (НМ. 1986).

Производство женских наименований на *-к(а)* осуществляется особенно широко в РЯ: Катя хорошая! Эта / нет // Эта ловкачка //; (о зав. кафедрой) Наша *завка* сказала... //; Ну / *снобка*!; Она не акула / не кровожадная / не *вампирка* //; Женщина-*главлитка* //; *Нотариалка* просила передать чтоб подождал //; Какая-то *халдейка* / *докторантка* //; (иронич.) Как сказала одна *титанка* мысли / *корифейка* науки...; (о кинофильме) И это / какая-то *маркизка* или *герцогинька*...

Прочие суффиксы, производящие женские корреляты, ограничены в своем действии нестрогими сферами языка, т.е. они действуют преимущественно в РЯ, откуда могут попадать в язык художественной литературы.

Имена на *-ша*

Суф. *-ша* особенно легко присоединяется к основам на сонорные и сочетания других согласных с предшествующими сонорными (типа *-нт*: *лейтенантша*), используясь в первую очередь тогда, когда соответствующая специальность преимущественно женская: *секретарша, кондукторша.* При необходимости обозначить пол лица создаются производные на *-ша* и от нетипично женских наименований профессий и званий. НС-70 приводит: *докторша, администраторша, барменша, вахтерша, агрономша;* НС-82: *Капитанша* — женщина-капитан (в разг. речи); Впервые техникумы и училища Министерства речного флота РСФСР в порядке эксперимента приняли в курсанты девушек. Знакомиться с будущими "*капитаншами*" я поехала в Московский речной техникум (Н. 1982); *Хилерша* даже не молилась — накладывала руки, шептала несколько слов и отпускала пациента с богом: следующий!.. (ЛГ. 1985); Лишь чувство, пусть и не вызывающее нашей симпатии, могло как-то объяснить жизнь Алексея в доме у *плантаторши* (ЛГ. 1962); *Профессорша,* она же заведующая отделением... (В. Токарева, Длинный день);

Боцман роста башенного
опрокинул в глотку ром,
приглашает *ба́рменшу*
Е. Евтушенко, Атлантик-бар

...дни без отдыха и снов *шоферши* тети Клаши... (Е. Евтущенко, Родина).

Подобное употребление производных на *-ша* отмечается и в более раннее время. Вот несколько примеров:

...а по берегу до зари, —
чем рассвет золотей и ширше, —
ходят парни-богатыри,
ходят девушки-*богатырши*...
Н. Асеев, Богатырская поэма

В "Одноэтажной Америке" И. Ильфа и Е. Петрова встречается употребление слов *драйверша* и *драйвер* по отношению к женщине, резко показывающее различие их стилистического звучания: Мы все посмотрели на миссис Адамс. Хотя она никогда не засыпала на ходу, у всех у нас на лицах было написано: "Вот видите! — как будто мы уже не раз ловили нашу *драйвершу* храпящей за рулем... И над головами провожающих бешено заметались старая верная шляпа мистера Адамса и платочек его жены, мужественного *Драйвера*, которая дважды перевезла нас через весь материк, никогда не уставая, терпеливая, идеальная спутница в дороге. Ср. в частной переписке тех же авторов использование слова *тореадорша*: Будут выступать две *тореадорши*... (Е. Петров, Письмо В.Л. Катаевой от 29.12.1935); Первая *тореадорша* колола своего быка несколько раз... (И. Ильф, Письмо М.Н. Ильф от 29.12.1935); в том же письме: Бык устал, она тоже выбилась из сил. Наконец быка зарезали маленьким кинжалом. *Девушка-тореро* заплакала от досады и стыда.

В РЯ суф. *-ша* имеет более широкую сочетаемость с основами. Он порождает производные не только от основ на сонорные, но и на другие согласные (в том числе *т, г*): *Деканша* рассвирепела //; (о враче) Моя *докторша* ушла в отпуск //; Есть такая *обер-эксплуататорша* //; *Пижонша*!; Эта ваша *йогша* так говорит //; Моя *коллегша* ушла на пенсию //; Эта твоя *гомеопатша* советует?; (о кандидате наук) Она уже давно *кандидатша* //; (о враче) И даже *ухо-горло-носша*. Суф. *-ша* проявляет экспансию и в сферу действия других суффиксов, например *-ница*: *руководительша, учительша* и под. Эти производные более сниженные, чем существительные на *-ница*.

Имена на *-иха*

Суф. *-иха* более сниженный, чем *-ша*. Наделен резкой окраской грубости. Лишь несколько слов, наиболее часто употребляемых с ним, допускаются в письменную речь (*врачиха, дворничиха*). Производные на *-иха* употребляются в РЯ: Моя *врачиха* заболела //; *Деканиха* еще одно задание дала //; А отцу *маляриха* и говорит //"Будь вы помоложе / я бы в вас влюбилась"//; ...очень хорошая была *швейцариха* / Маша //. Некоторые говорящие имеют пристрастие к таким производным: *зубниха, глазниха, оппонентиха, деканиха, экскурсоводиха, профсоюзиха, фашистиха, маршалиха* (из речи одного и того же говорящего — мужчины, научного работника). Подобные производные, наделенные экспрессией резкой грубости, часто используются как слова-оценки: Эта тетка жалости не имеет! *Фашистиха*! // Образования на *-иха* могут обозначать и жен: —*Послиха* всегда приходит // — Кто? —*Послиха* / (поясняет) жена посла //. В непринужденной речи образования на *-иха* использовались и ранее. Частная переписка и дневники начала XX в. фиксируют грубоватое *курсиха* наряду с официально принятым *курсистка*.

Имена на *-иня* и *-есса*

Кроме рассмотренных выше в производстве имен женщин обнаруживают активность суф. *-иня* и *-есса*. Их использование своеобразно. Суф. *-иня*, входящий в состав лишь несколько слов (типа *богиня, княгиня, герцогиня, графиня*) и до недавнего времени непродуктивный, приблизительно с 60-х годов XX в. начинает производить женские корреляты при необходимости обозначить женщину-специалиста, в том числе от основ на *-лог* и *-г*, не дающих нейтральных коррелятов жен. рода: *геологиня, филологиня, анастезиологиня, йогиня, хирургиня*. Слова такого рода имеют шутливо-иронический характер и оттенок некоторой претенциозности: Вон ведь с каким смаком предают анафеме и мужчин, и семейную жизнь героини-*филологини*: "Чтобы он сдох, твой проклятый Женька..." (ЛГ. 1986); из РЯ: Мы были там у одной армянской женщины // Причем она была *филологиня* //; Как ваша *йогиня*? Ср. ироническое *экологинюшка* с экспрессивным уменьшительно-ласкательным суффиксом: Бабка шепчет: "трава цветет волшебная, мать-и-матрица! Кто ее сорвет, тот, сказывают, большой научный вклад внесет. А Валерка мается: "Вдруг травка из Красной книги?" Но тут из чиста полюшка вышла ему навстречу красна девица, Нюра-*экологинюшка*. "Не кручинься, Валера-свет, — говорит, — вот тебе лицензия на срыв травы в научных целях" (ЛГ. 1985). Некоторые говорящие употребляют слова на *-иня* как привычные нейтральные производные. Так, многие аспиранты зовут своих научных руководителей-женщин *шефиня*: Моя *шефиня* говорила... //; Ей ездить к *шефине* будет далеко //; У нас выступала *психологиня* //.

Суф. *-есса* приобретает продуктивность также в 60-е годы. Он производит женские соответствия от наименований профессий, преимущественно заимствованных существительных (узуальное: *поэтесса*; новообразования: *хирургесса, психиатресса, критикесса, гидесса* и под.): (из речи врача-психиатра) — У нас была одна знакомая / *психиатресса* //; (из речи женщины-филолога, шутливо) У меня здесь есть знакомая *хирургесса* //; И вот последний день. C'est tout, — как сказала наша *гидесса* (Зн. 1963); Будем, впрочем, справедливы. Моральное чувство наших прозаиков и *прозаикесс*, как правило, на высоте... (ЛГ. 1985). Свободное и вместе с тем шутливое производство подобных слов хорошо иллюстрирует следующий Приказ, опубликованный "Литературной газетой" к дню 8 марта 1968 г.:

ПРИКАЗ

В связи с наступлением 8 Марта мужская часть администрации "Клуба ДС" постановляет:

поздравить

а) *поэтесс*, б) *прозаесс*, в) *драматургесс*, г) *критикесс*, д) *очеркесс*, е) *переводесс*, ж) *фельетонесс*, з) *баснописцесс*, и) *юморесс*, к) *сатирикесс* и вообще всех женщин.

Администрация "Клуба ДС".

Суф. *-есса* создает производные от основ разного строения, в том числе на заднеязычные (*г, к*), и имеет более широкую сочетаемость, чем *-иня*.

Как видим, суф. *-иня* и *-есса*, с одной стороны, и *-ша* и *-иха* — с другой, идут в ход, когда обычные нейтральные суффиксы не способны произвести имя женщины. При этом они могут порождать производные от одних и тех же основ, что создает вариативность. Вариативные производные на *-иня* и *-есса* имеют одну тональность, порождая шутливые производные, наделенные некоторой претензией на изыск: *хирургиня — хирургесса.* Вариативные производные на *-ша/-иня, -ша/-есса* резко различаются тональностью. Ср.: *гидша — гидесса, йогша — йогиня.* Использование тех или иных зависит, по нашим наблюдениям, от индивидуальных пристрастий говорящих. Одни предпочитают грубоватость манерности, другие отказываются от грубости в пользу некоторой претенциозности.

Итак, производство женских наименовний осуществляется с помощью нескольких суффиксов. В книжных сферах языка функционирует целая группа нейтральных суффиксов. Ее лидеры — *-ка* и *-шица.* Лидер стилистически сниженной группы — *-ша.* В РЯ наиболее активны также суф. *-ка, -шица* и *-ша.* Сопоставим наши наблюдения с данными исследования [Jachnow et al., 1980, 79]. Материалы этой книги дают такую частоту зафиксированных суффиксов: *-ка* (22), *-ша* (7), *-щица* (1), *-овщица* (1), *-ница* (1), *-иня* (1), *-есса* (1), *-анка* (1). Отметим, что суф. *-анка* выделен неверно (*землянка* соотнесено с *земля*; следовало бы выводить это слово из *землянин* и вычленять суф. *-ка*). Можно думать, что редкая встречаемость формантов *-щица, -овщица, -ница* объясняется характером использованного материала. В данных, на которые опирается книга Г. Яхно и его соавторов, те сферы языка (РЯ в первую очередь), в которых широкоупотребительны соответствующие производные, мало представлены.

Заканчивая рассмотрение словообразовательной категории "женскость", отметим, что в разных городах наблюдается разное отношение к женским коррелятам мужских наименований. По наблюдениям саратовских исследователей, в Саратове употребление существительных муж. рода по отношению к женщине встречается чаще, чем в Москве. Слова типа *рецензентка, аспирантка, диссертантка,* даже *студентка* воспринимаются говорящими как сниженные, поэтому о женщинах чаще говорят, используя существительные муж. рода.

Наименования самок

Наименования самок животных имеют единственный продуктивный формант — суф. *-иха.* Производные свободно образуются от основ различного строения: *кит — китиха, муравей — муравьиха, крокодил — крокодилиха, воробьиха, попугаиха, гнучиха* и т.п. От существительных жен. рода производные образуются реже, отмечены *обезьяниха, рысиха, акулиха.*

Неузуальные производные употребляются преимущественно в РЯ и языке художественной литературы:

Там, в теплом муравейнике,
Не гаснут огоньки...

Там, в муравьином городе,
Взволнована весьма,
Ждет *муравьиха* гордая
Далекого письма.

В. Шульжик. Отважный муравей

Выход найден: *мамонтиха*, "одна во всем свете" принимает гудок самосвала за рев самца ("голос крови звал зверя") и тонет в речном водовороте (ЛГ. 1975).

Суф. *-иц(а)* и *-к(а)* не обнаруживают активности в производстве наименований самок (ср. старые узуальные *тигрица, волчица, львица; голубка, тетерка, перепелка*).

КАТЕГОРИЯ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ

Положение словообразовательной категории собирательности в современном языке своеобразно. Эта категория не имеет нейтральных средств выражения, обнаруживающих активность. Суф. *-ство*, который мог бы претендовать на роль лидера в этой категории, слишком обременен значениями и угасает. Лишь старые производные типа *офицерство, учительство* имеют собирательное значение. Новообразований со значением собирательности этот суффикс не дает. Он проявляет некоторую активность лишь для выражения значения 'отвлеченный признак'. Таким образом, словообразовательное значение собирательности обнаруживает в современном языке лишь небольшую активность, пользуясь средствами, лишенными нейтральности.

Два русских суффикса *-j-* и *-ня* совмещают собирательное значение с выражением яркой оценки. Они дают небольшое число новообразований, преимущественно в РЯ.

Базовыми основами для производных с суф. *-j-* служат имена лиц (*профессорье, болванье, солдатье, пацанье, бабье*), животных (*комарье, воронье*) и конкретных предметов (*сучье, дубье,* окказ. *палочье*).

В словаре З. Кёстер-Тома и Е. Ром [Koester-Thoma, Rom, 1985] с суф. *-j-* отмечены 16 слов (12 названий людей, 4 названия вещей): *бабье, ворье, дурачье, жулье, кулачье, мужичье, офицерье, пацанье, тупье, хамье, хулиганье, шпанье; тряпка — тряпье,* собирательные: *хлам — хламье, шмотки — шмотье;* базовая основа — адъектив: *старый — старье.* Несколько примеров из РЯ: Это *сырье* / эта тупость; Ну и *болванье*!; У меня по всей комнате *шмотье* // Я его / в чемодан //. Как правило, производные с суф. *-j-* совмещают значение собирательности с отрицательной оценкой. *Болванье* звучит более уничижительно, чем *болваны; шмотье,* чем *шмотки; серье,* чем *серые люди* или *серость* (в собирательном значении).

Суф. *-ня* использует в качестве базовых основ преимущественно наименования лиц. Проявляет еще меньшую активность: *малышня, шоферня, фашизня* (ср., впрочем: *собачня*): И еще мы его спросили: как, мол, ему нравится такая "свобода духа", при которой коммунисты — в подполье, а недобитая *фашизня* из молодой, но подающей надежды НДП (национал-демократическая партия) заседает в правительствах земель ФРГ (К. пр. 1967);

Во дворе работал ткач когда-то,
И ночами плач не умолкал
собачий и ребятишек

С. Квазимодо. Переулок

В словаре Кёстер-Тома и Ром отмечены три слова: *ребятня, мальчишня, шоферня.* НС-82 помещает отглагольное *бродежня* с пометой "жарг." и толкованием: собир. О людях, много скитавшихся по свету, не имевших постоянного места жительства: Эх ты, *бродежня, бродежня,* великовозрастные мои беспризорники! (Г. Немченко, Возвращение души).

Большую активность обнаруживают заимствованные словообразовательные элементы *-(и)ада, -иана, -ика,* а также *-тека.* Последний на наших глазах превращается в суффикс русского языка (см. гл. II).

Молодой формант *-тека* берет на себя функцию формирования собирательных обозначений конкретных предметов — *тканетека, модотека, патентотека* (НС-80), *дискотека* (НС-70), *альбомотека* (Кн. об. 1986), *видиотека* и т.п.: *Видиотеки* в разных городах нашей страны могут стать своеобразнейшими привлекательными культурными центрами, собрать "на огонек" очень многих людей (ЛГ. 1986). Многие из таких производных относятся к сфере специальной терминологии.

Форманты *-иан(а)* и *-иад(а)* образуют существительные специфической семантики. Они обозначают собрания каких-то предметов или явлений, связанных с тем, что называет производящее существительное. Отличие таких существительных от собственно собирательных, как отмечает Е.В. Красильникова, заключается в следующем. Если собственно собирательные существительные обозначают совокупность того, что названо производящей основой (*зверье* — совокупность, группа зверей; *пионерия* — совокупность пионеров и т.п.), рассматриваемые существительные имеют совершенно иное значение: *Мольерина* обозначает "не совокупность Мольеров", а "совокупность чего-то (художественных произведений, исторических материалов и т.п.), посвященного Мольеру. Слова на *-иан(а)* и *-иад(а)* функционируют преимущественно в официально-книжных сферах языка, тяготея к специальной терминологии и языку газет.

Обратные словари (Бильфельдта и 1974 г.) дают одно слово с собирательным суффиксом *-иана(а)*: *пушкиниана.* В современном языке этот тип обнаруживает продуктивность для наименования собраний материалов, документов, посвященных какому-либо лицу (чаще всего) или явлению: *лениниана, вольтериана, булгаковиана, хлебниковиана.* НС-80 помещает *жоаниана* (собрание документов о Жанне д'Арк). В газетах встречаем: *сибириана, тунгусиана* (материалы о тунгусском метеорите). Например: ..."Элегия" в Театре Советской Армии — спектакль о самом Тургеневе, органично вписывающийся в нашу *тургениану* конца шестидесятых годов (Пр. 1969); Рождение *Сибирианы* (згл. — ЛГ. 1967) — о стихах, посвященных Сибири.

Обратный словарь Бильфельдта дает четыре слова с собирательным суффиксом *-иада*: *спартакиада, олимпиада, альпиниада, эксцентриада.* Слова на *-иада,* как видим, используются для названия спортивных

состязаний и праздников. Они сохраняют тот импульс, который им был дан наиболее старыми словами на *-иада* (*олимпиада, спартакиада*)[9].

В 60-е годы стало активно слово *универсиада*: Вообще венгерские молодые спортсмены, выступающие очень успешно в фехтовании, плавании и других видах *универсиады*, — одни из основных претендентов на первое командное место. "Решающее слово" за двумя финальными днями *универсиады* (К. пр. 1963); Победители *универсиады* (згл. — Пр. 1965).

Кроме названий спортивных соревнований слова на *-иада* проявляют активность в формировании книжных заголовков. Ср., например, старые названия "*Россиада*" Хераскова, "*Гавриилиада*" Пушкина, "*Генриада*" Вольтера и новые "*Бюрократиада*" Маяковского, "*Сибириада*" (серия книг, посвященных Сибири).

Отмечены окказиональные: *пегасиада* — собрание рисунков о Пегасе (ЛГ. 1984); *фельетониада, эльбрусиада* (К. пр. 1986), *Лопухиада* (шутл., поэма о лопухе); С чувством хорошей профессиональной зависти читается эта удивительная *фельетониада* (Пр. 1979); "Издается "*Сибириада*" (згл.) — так называется серия книг, к выпуску которой в юбилейном году приступило Восточно-Сибирское книжное издательство" (газ. "Ригасбалсс". 1967). Ср. название кинофильма "*Топориада*".

Суф. *-иад*(*а*) отмечен также в наименованиях явлений, связанных с деятельностью какого-нибудь лица, по имени которого они названы: Робинзон — *робинзонада*, Дрейфус — *дрейфусиада*, Распутин — *распутиниада*, Чаплин — *чаплиниада* и т.п. Этот разряд слов активности не обнаруживает.

Суф. *-ика* формирует в специальной терминологии наименования со значением 'совокупность того, что называет базовая основа': *строфика, ритмика, силлогистика, аксиоматика, идиоматика, тематика, проблематика, синонимика, топонимика, атрибутика, орнаментика, интервалика;* единичные производные от адъективных основ: *конкретный — конкретика.*

Этот разряд слов обнаруживает активность в специальной терминологии. Соответствующие производные могут иметь дополнительное значение 'отрасль науки', 'учение о том, что называет базовая основа' (ср. Гр-80, 206—207; см. также выше раздел "Наименования наук, отраслей знания, деятельности").

КАТЕГОРИЯ ЕДИНИЧНОСТИ

Словообразовательная категория единичности действует активно лишь в РЯ [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. Именно в обычном, непринужденном общении чаще всего требуется подчеркнуто выделить одну штуку чего-нибудь (обычно бытовой предмет, относящийся к сфере, типической для повседневной жизни человека,— еда, лекарство, курение и т.п.). Форма ед. числа существительного не

[9] О словах этого типа см.: *Академиада* // Вопросы культуры речи. 1965. Вып. 6. Отдельные слова на *-ада* могут иметь собственно собирательное значение: *колонна — колоннада* [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981].

выражает значения единичности столь отчетливо. Фразы типа *Дай мне свеклу; Принеси морковь* и т.п. не обозначают количества. Для того чтобы быть правильно понятым, требуется или добавить указание количества (типа: одну штуку; две-три штуки), или образовать производное, обозначающее единичность (*свеклина, морковка*). Именно эти суффиксы *-к(а)* и *-ин(а)* проявляют в современном РЯ активность при необходимости обозначить штучность предмета. Слова типа *морковка, шоколадка, репка, безешка* (о пирожном), *конфетка* обозначают одну штуку вещественного предмета. Может быть, поэтому данную категорию можно было бы называть и категорией штучности.

Другой способ обозначить единичность (штучность) — суф. *-ин(а)*. Наряду с узуальными *горошина, изюмина, соломина* и под. в РЯ свободно образуются *морковина, картошина* (ср. узуальное *картофелина*), *конфетина, инжирина* и др. Вот ряд примеров: Я *полселедины* съела //; Я заработал *инжирину*?; В супе плавает две жиринки и три *перловины* //; Дайте мне *зефирину-безешину* //; Хотите *грильяжину*?; Я две *конфетины* съела //; **А.** Про свеклу я скажу так // Если она на штуки / берите... **Б.** (перебивает) Килограмм? **А.** Нет / две-три *свеклины* //; (о сигаретах кент) Можно я возьму *кентину*?; *Беломорину* дадите?

Особенно часто подобные производные возникают при необходимости назвать лекарство: *Валидолину* хотите?; Я / пожалуй / съем вторую *фтолазолину* //; Ему дали *пилюлину* / после которой у него не было приступов //; Я зрительно помню что там была *седуксенина* //; Ну / дай мне *этазолину* //.

Суф. *-ина* образует также названия одного из парных предметов: *брючина, штанина, лыжина, штиблетина* и под.

В соединении с основами существительных вещественных суф. *-ина* и *-ка* образуют производные со значением 'кусок соответствующего вещества, материала': *железина, рогожина; железка, рогожка, шоколадка, ватка, фанерка, бумажка.*

Суф. *-к(а)* и *-ин(а)* полифункциональны. Они могут обозначать (помимо других значений) уменьшительность (*-ка*) и увеличительность (*-ина*). Отсвет этих размерных значений и связанных с ними оценочных коннотаций падает и на значение единичности. Поэтому *конфетина, морковина* звучат грубее, чем *конфетка* и *морковка.* Однако грубоватость образований на *-ина* не столь велика, чтобы делать их вульгарными и препятствовать их употреблению в хорошем обществе.

В выборе тех или иных производных сказывается вкусовое пристрастие. Необходимо отметить также, что суф. *-ина* имеет более широкую морфотактику. Он легко сочетается с основами на шипящие, группы согласных (типа *грильяж, кент* и под.), что невозможно для *-ка.* К тому же звуковая выразительность этого суффикса выше, чем у суф. *-ка.* Комбинация "основа вещественного существительного + суф. *-ина*" будет осмыслена как наименование единичного предмета (*укропина, петрушина, сельдереина*), тогда как суф. *-к(а)* сочетается далеко не с каждой основой вещественного существи-

тельного (ср. невозможность слов типа *грильяжка, кентка*). Прибавление *-ка* к основе может породить семантически неясные структуры. Ср. *беломорка*? *зефирка*? *этазолка*? *валидолка*? и под. Слова же типа *пилюлька* скорее будут поняты как уменьшительные, чем как единичные.

Совмещает значение единочности с уменьшительным суф. *-инка*. Он также обнаруживает продуктивность в РЯ (*рябининка, малининка, клубничинка, виноградинка* и под.).

КАТЕГОРИЯ НЕВЗРОСЛОСТИ

Словообразовательная категория невзрослости живет в современном языке активной жизнью. Ее обслуживает суф. *-'онок/-'ата*, специализирующийся на выражении именно этого значения. Значение невзрослости реализуется обычно в наименованиях детенышей животного. Порождение этой группы слов происходит легко и свободно, без всяких ограничений. При образовании названий детенышей от существительных, имеющих основу, не свойственную русскому языку (несклоняемые существительные с исходом на гласный типа *гну, колибри, какаду, шимпанзе*), действует интерфиксация или усечение: *гну(ч)онок, калибри(н)енок, какаду(ч)енок, шампанз'-енок* и т.п. Производные на *-'онок* от других основ могут давать рифму к названиям детенышей (ср. название книжки *"Зверята-северята"*).

Своеобразие рассматриваемой СК состоит в том, что значение невзрослости нередко метафорически переосмысливается. При этом создаются производные от существительных иной семантики (неодушевленных, чаще всего обозначающих конкретные предметы) с помощью все того же суф. *-'онок*. Это явление описано в ряде работ, в которых анализируются семантика и условия образования подобных слов [Янко-Триницкая, 1969]. Приведем пример из сказки Л.Е. Керна "Фердинанд Великолепный", который иллюстрирует связь таких предметных имен с семантикой 'детеныш': *зонтенята* — 'маленькие зонтики' и 'дети зонтов': Под огромным зонтом было сухо, точно так же, как и под всеми другими зонтиками, которыми была уставлена комната. Среди них были *взрослые зонтики* и маленькие *зонтенята*, едва пустившие первые ростки.

Производные с суф. *-'онок* от основ неодушевленных существительных выражают метафорически переосмысленную идею невзрослости, которая содержит компонент 'маленький' и оценку ласкательности. Такого рода дериваты нередко производятся от названий машин, механизмов, например марки автомашин: Жигули — *жигуленок*, "Москвич" — *москвичонок*, камаз — *камазенок*.

Соединяясь с наименованиями природных объектов (гор, рек, озер), суф. *-'онок* формирует наименования типа *озернята* (маленькие озера), *эльбрусята, амурчата* (притоки Амура). Подобные производные характерны для языка поэзии:

И было слышно, как журчат,
сбегаясь к рыжему Амуру,
десятки рыжих *амурчат*.

Е. Евтушенко, Откуда вы?

Я снег твой люблю —
Двугорбый Эльбрус...
в сиянье горбы
твоих *эльбружат*.
С. Кирсанов. На кругозоре

Верю и знаю: любовь непритворна,
Слово — святого святей,
Где называют *зернятами* зерна
Ласково, словно детей.
Н. Рыленков

Мы вышли на просеку, сухую и ненаезженную. По обеим ее сторонам росли молодые *кедрята* (К. пр. 1967).

Суф. *-'онок*, присоединяясь к именам лиц, пор. ожидает наименования не детенышей, но невзрослых лиц данной категории (детей). Если базовое слово — профессиональное наименование, производное обозначает помощника (*поваренок*) или невзрослое лицо данной профессии. Ср. название рассказа Ч. Айтматова "*Солдатенок*"; ср. также *циркачонок*: Он вспоминает те давние времена,... когда его называли просто Алешкой, "*циркачонком*" (из газет).

Производные создаются также от названий национальностей (*татарчонок, негритенок, индусенок*), реже от названий жителей (окказ. *москвичонок, амурчонок* — от г. Амурск; а).

Встречаются окказиональные производные и от имен лиц других семантических групп. НС-82 помещает рядом с *шатун* (прогульщик, РЯ) — *шатуненок*. Ср. также: *нахаленок* (название рассказа М. Шолохова).

Суф. *-'оныш* (ср. узуальные *змееныш, звереныш*) активности в современном языке не обнаруживает, хотя отдельные окказиональные производные возможны. Так, Гр.-80 отмечает *сентереныш*.

ПО ПОВОДУ МОДИФИКАЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ ПОДОБИЯ

Высказывалось мнение, что в русском языке имеются словообразовательные средства выражения значения подобия [Янко-Триницкая, 1975в; Гр.-80, 205—206], а именно суф. *-ка, -ок* и др. Такое значение находят в словах типа *ножка* (стола), *ручка* (двери), *глазок* (в двери), *стенка* (шкаф) и под. С нашей точки зрения, действительно слова типа *ручка, ножка* и под. можно рассматривать как обозначающие подобие. Однако вряд ли можно считать, что суф. *-к, -ок* и другие средства образуют (производят) слова со значением подобия. Показательно, что все средства, описанные как имеющие значение подобия, имеют в качестве основного значения уменьшительности. В изолированном виде слова типа *ручка, ножка, головка, шляпка* осмысляются как уменьшительные существительные. Их образование вероятнее рассматривать как метафорический перенос, чем как словообразовательный процесс. Показательно, что потенциально слова со значением подобия не производятся. В языке функционируют лишь те производные, которые уже имеют словарное значение подобия. Если мы прибавим соответствующие суффиксы к базовым основам аналогичной семантики,

значение подобия не возникает. Соответствующие слова будут осмыслены как уменьшительные (нами был произведен подобный эксперимент). Это обстоятельство резко отличает значение подобия от других модификационных категорий, которые имеют специализированные словообразовательные средства выражения данного значения: многочисленные суффиксы женскости, суффикс невзрослости *-'онок*, суффикс единичности *-ина*, суффиксы собирательности *-j-* и *-ня*, присоединяясь к базовым основам, порождают модификационные категории вполне определенной семантики, чего нельзя сказать о так называемых суффиксах подобия.

В русском языке имеется лишь один суффикс со значением подобия — заимствованный суффикс *-оид*, который обнаруживает активность в сфере специальной терминологии. Базовые основы — одушевленные и неодушевленные существительные. Производное обозначает лицо или предмет, который подобен тому, что обозначает базовая основа: *негроид, европеоид, монголоид; металлоид, кристаллоид, сфероид;* ряд лингвистических терминов: *радиксоид, морфемоид, аффиксоид, суффиксоид, префиксоид, просодемоид, дифтонгоид.*

Моносемантичность суф. *-оид* повышает его выразительность, что способствует его использованию для порождения новых терминов и окказионализмов: *гоминоид* (Н. 1964), *интеллигентоид* (НС-80), *аргоид* (Д.С. Лихачев); Он сочинил биографию Мерилин Монро и указал жанр: "*фактоиды*", т.е. смесь фактов и вымысла (В. Конецкий, Третий лишний); ср. окказионализм *поэзоид*, который объясняет сам творец: (из устного выступления Д. Данина на вечере А.А. Тарковского 4.II.1983) "Земля имеет форму *геоида* // Поэзия / извините меня за словотворчество / имеет форму *поэзоида* //. Недавно в выступлении по центральному ТВ прозвучало слово *сталиноид* (1990).

Русские "суффиксы подобия" *-к, -ок* и др. окказионализмов порождать не могут.

Итак, модификационные словообразовательные категории обнаруживают разную степень активности и распространенности по сферам языка. Наиболее активна, наиболее разветвлена по сферам функционирования СК женскости (нейтральный литературный язык, РЯ, специальные сферы). СК невзрослости функционирует в языке иначе. Прямое значение невзрослости используется реже, чем значение женскости. С другой стороны, оно предоставляет богатые возможности для метафорического переосмысления, порождая целые серии производных (от ласковых названий машин типа "*жигуленок*" до поэтизмов типа *озернята*, приобретающих характер штампа). СК собирательности распределена по контрастным сферам: одни производные закреплены за РЯ, другие — за сферой терминологии. СК единичности функционирует преимущественно в РЯ.

ГЛАВА IV

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕКСТ

Из обширной проблематики, связанной с изучением структуры текста (см., например: [Dressler, 1972; Новое в зарубежной лингвистике, 1978]), в этой главе избрана для рассмотрения специальная, но важная часть: функции словообразовательного механизма языка в построении текста; влияние текстового окружения на семантику и функционирование различных единиц системы словообразования[1]. Эти два аспекта общей проблемы "Словообразование и текст" определенным образом корреспондируют с теми задачами построения грамматики текста, которые формулирует Т.М. Николаева [Новое в зарубежной лингвистике, 1978].

Мы исходим из следующих положений:

1. Словообразование выполняет в тексте разнообразные функции. Производное слово, будучи единицей, наделенной определенным лексическим значением, и являясь одновременно конструкцией, несущей деривационное значение, служит средством когезии, осуществляя текстовые связи между словами и по линии лексической семантики, с одной стороны, и по линии более обобщенного (деривационного) значения — с другой. При этом актуализируются различного вида связи между производными (антонимические, синонимические, градуальные). Таким образом, словообразование выполняет функции не только когезии, но и выделения, градуирования и экспрессивизации текста.

2. Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма. Производное слово в тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно свой конструктивный характер. При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте в процессе построения текста, особенно ярко виден деятельностный характер словообразования.

Для того чтобы показать, как именно действует механизм словообразования в тексте, для анализа были избраны материалы разных сфер современного языка — газетно-публицистические тексты, записи разговорного языка, научная и научно-популярная речь, художественная проза и поэзия. Лишь одна сфера современного языка глуха к

[1] Проблематика "Словообразование и текст" под иным углом зрения рассматривалась в ряде работ [Янценецкая, 1979; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Кубрякова, 1981; Блинова, 1984; Виноградова, 1984; Ohnheiser, 1987; Зайченкова, 1988]. На материале немецкого языка эту проблематику — с преимущественным вниманием к словосложению — изучает К. Шабуришвили [Шабуришвили, 1983]. Психологический аспект этой проблематики разрабатывается в трудах Л.В. Сахарного [Сахарный, 1980; 1985].

текстовому порождению слова — деловая речь. Для анализа избирались как узуальные слова, так и неузуальные (потенциальные и окказиональные), ибо они типическое проявление процессуального аспекта словообразования.

ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ХАРАКТЕРА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТЕ

Деятельностный характер словообразования обнаруживается в речевом акте по-разному. Можно выделить шесть видов такого обнаружения:

1) создание в процессе речевого акта производного от данного в предтексте базового слова или словосочетания;

2) использование в одном тексте ряда одноструктурных образований от разных основ;

3) построение производных различных структур от одной основы;

4) построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение;

5) каламбурное столкновение производных от омонимичных или близких по звучанию основ, выявление внутренней формы слов;

6) семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов.

Во всех перечисленных случаях происходит актуализация того или иного аспекта процессуального механизма словообразования:

1) актуализация связи "базовое — производное" в процессе порождения производного слова;

2) актуализация словообразовательной структуры слова;

3) актуализация разного рода противопоставленности членов словообразовательной парадигмы и гнезда, иными словами: выявление оппозиций, соотносящих однокоренные слова с различными, но сопоставимыми по тем или иным семантическим компонентам деривационными значениями (при этом создаются оппозиции градуальные, эквиполентные или привативные);

4) сопоставление членов одной словообразовательной категории, которое приводит к актуализации определенного деривационного значения и синонимических средств его выражения;

5) шутливое, с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы;

6) семантическое противопоставление однокоренных слов, сближающихся по деривационному, но расходящихся по лексическому значению.

Порождение слова в тексте происходит в соответствии с основными функциями словообразования: номинативная, конструктивная, экспрессивная. Реже при этом действует компрессивная функция, не отмечена стилистическая (о функциях словообразования см. подробнее во Введении).

ПОРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА НА ОСНОВЕ ПРЕДТЕКСТА

В речевом акте на базе предтекста могут порождаться разные типы производных слов, по всей вероятности все типы производных слов, действующие в языке в данное время. Наблюдения показывают, что порождение слова из предтекста выполняет две функции: а) номинализации (свертывания пропозиции) и б) создание текстовой номинации.

Номинализация

Целям номинализации служат существительные — наименования действий и признаков в отвлечении от их носителей. Наиболее активны в этой функции имена существительные с суф. *-ниj-(е)* и *-ость*. При этом реализуется конструктивная функция словообразования. Средством свертывания глагольных пропозиций служат, как правило, имена действия на *-ние*, изредка — другие. Примеры многочисленны и общеизвестны. Приведем лишь несколько. Из газет: Но заживут и побои и даже ножевая рана, тело выздоравливает. А клевета *калечит* душу... Как же не судить за *калечение* душ? Из РЯ: Мы долго *продирались* сквозь кусты // Но это *продирание* ни к чему не привело //; (рассказ о драке птиц и котов) Коты *мяукали* / птицы *били* крыльями // Было *мяуканье* жуткое / страшное *битье* крыльями //; Она *тащила* стол // Я как раз вошла во время этого *тащения* //. Нередко отглагольное имя включено во вторую реплику диалога: — *Трудились?* — Ну да / если это можно назвать *трудением* // (ср. узуальное *труд*). Из художественного текста: (врач объясняет матери болезнь дочери) Идет воспалительный процесс. *Запустевают* канальцы... Эти *запустевающие* канальцы поразили Веронику... Ей казалось, что процесс *запустевания* движется неумолимо... (В. Токарева, Длинный день).

Средством свертывания именных пропозиций служат отадъективные существительные на *-ость*. Из РЯ: Она человек *тихий* / скромный // Но эти черты у нее есть / при всей ее *тихости* //; — Значит у него участок / очень *тенистый* // — Просто северная дорога / *тенистости* никакой там нету //; Мама очень *тихо ходит* // Мы и опоздали из-за ее *тихоходности* //. При этом могут создаваться неузуальные слова (ср. выше *тихость*). Из научного диспута: Где критерий / что такое описание будет *не адгоковым?* Если предлагается *адгоковость* возводить в принцип... Из газет: Не всякому охота выглядеть *средним*... [Он] всегда размахивал своей "*среднестью*", как флагом.

Свертыванию в отвлеченное имя подвергаются не только сказуемые, но и другие элементы предтекста. Вот несколько примеров из газет: Курсы для "*малосильной*" категории педагогов — мера сомнительная. "*Малосильность*" определяют по формальным признакам...; Отказ от *лозунга* декларируется, но... Это разве не *лозунговость*?; *Везучий* человек. И все же главная его *везучесть* не в этом. Из передачи ТВ: (записка к академику Д.С. Лихачеву): "Вы писали *о русском* // Какая же все-таки главная черта *русскости?*" В ответе Д.С. Лихачев употребил слово *русскость* с такой оговоркой: "если употреблять это не совсем удобопроизносимое слово".

Значительно реже средством номинализации служат отвлеченные

имена иной структуры: ... *быть писателем* в восьмимиллионной Швеции трудновато. Между тем тяга к *писательству* большая... (из газет); ...вас объявили в правой французской печати "*антиамериканистом*". Как вы к этому относитесь?" — Но во Франции нет такого явления, как "*антиамериканизм*" (из газет).

Создание текстовых номинаций

Создание текстовых номинаций[2] — другой вид порождения производного слова из предтекста. Наиболее часто порождаются имена лиц. Имя лица может быть получено в результате свертывания конструкции как с глаголом, так и с прилагательным. В таких случаях нередко образуется неузуальное существительное, значение которого является транспозицией процессуального или непроцессуального признака в наименование человека по действию, актуально им выполняемому, или по признаку, ему присущему: Да, Савелий, все мы живые люди. И именно поэтому не должны ошибаться. Хватит нам этих грешников, что грешат и каются. Сколько проблем навязали стране своими ошибками!.. И все оттого, что безнаказанны эти *ошибальщики!* (И. Штемлер, Поезд). Ср. каламбурную текстовую номинацию в стихотворении М. Раскатова "Поправка":

Ему бы только *доложить*,
Потом — спокойно долго жить.
Подобный долгожитель
Зовется "*доложитель*".

Базой номинации может быть не только глагол, но отвлеченное или конкретное существительное — имя предмета, диктующего признак, по которому создается наименование: Будет идти снег, будут сходить лавины. Будет работа и у *лавинщиков* (из газет).

Оценочные и безоценочные имена лиц разного рода (часто неузуальные) особенно легко рождаются в РЯ: Ну Нинка! Ты *конфетница!*; Наши соседи / как приедут / к телефону бросаются // *Телефонники!* Из разговоров о детях и с детьми: Он все соску сосет? Все еще *сосочник?*; Он у нас на горшке сидит // Он теперь *горшочник* // (поясняет) Бывает горшéчник / это профессия // А у нас *горшóчник* //; Мы теперь в коляске гуляем // У ты / мой *колясочник!* Ср. отглагольные производные: Не надоело тебе *подзуживать?* Вот *подзуживатель* выискался!; Хватит меня *дразнить! — Дразнилка* жуткий!; Кто здесь *канючит? Канюка! Канюка!; Не пищи!* Мерзкая *пищака!*

В некоторых функциональных сферах языка (публицистика, художественная речь, РЯ) порождаются имена лиц, напоминающие по форме фамилию на *-ин*, а в качестве базовой основы использующие глагол, обозначающий действие, характерное для данного лица. Из газет: Пятнадцатый год коллективу завода *обещают* возвести Дом культуры со спортивными сооружениями. С "*обещалкиных*" пора спросить по всей строгости. Из разговоров с детьми: Ну что ты все *попрошайничаешь?*

[2]Ср. понятие "коммуникативная номинация" в работе: [Сахарный, 1980].

Попрошайкин ты! Вот ты кто!; Хватит *повторять* // Вот настоящий *повторялкин* //.

Порождение слова в речевом акте происходит не только как свертывание глагольной конструкции. Наблюдается и обратное явление — порождение глагола с целью динамического изображения ситуации. Этот тип порождения производного слова более редкий и осуществляется чаще как шутка, острота, результат которой — неузуальное слово.

Глагол может иметь разные ономасиологические структуры. Он может быть создан на базе произносимых слов (*ура — уракать*), путем включения в основу глагола имени производителя действия (лица или предмета), признака лица, объекта или обстоятельства действия и т.п.: А эта *Лялька*-простофиля начнет *лялякать*, да вконец и *залялькает* мужика (из газет); (разговор за обедом) (А. к Т.) Ты в тарелку рукавом влезла // М. (вступая) — Это ведь *кимоно* // Т. Не ушила рукава / так вот и *кимоню* //; Направление называлось — *когтизм*, страшное было зрелище... Пусть она *когтит* свои картины (Т. Толстая, Поэт и муза); — *Ура-а*... (Валюша:) Чему вы *уракаете* ребята? (Злотников, Терех). Из РЯ: Все он "*ну*... / *да ну*..." *Тюнькает-нюнькает* что-то //; А. *Га-га*...Б. Хватит! *Погагствовали* //; — Распихать бы его по *кучкам* // — *Не кучируется* он //; *Трус* он! А уж сколько сегодня *трусливничал* //; Ну и *настырный* ты! Перестань *настырничать*! //.

Как показывают наблюдения, словообразовательным стимулом порождения слова в тексте может быть не только слово, отстоящее от создаваемого на один деривационный шаг, но и слова более далекие; непосредственного словообразовательного "соседа" нет в тексте, например: *трус* — (трусливый) — *трусливничать* (ср.: [Улуханов, 1977а; 1977б].

Реже на основе предтекста создаются неузуальные наречия. Вот иллюстрация из газет: в письмах требуют немедленно навести порядок на железнодорожном транспорте... Взять в руки лопату, лом... и броситься самолично крушить завалы на магистралях? Не думаю, что на это рассчитывают читатели. Как тут ни крути, а сапоги сподручней все же тачать сапожнику. Тогда отчего "*сапожно*" действуют железнодорожники?

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

В результате употребления в одном тексте ряда разнокоренных слов, относящихся к одному словообразовательному типу, происходит актуализация деривационной структуры слова и соответствующего деривационного значения. Этот вид действия механизма словообразования является наиболее частотным. Он распространен в различных сферах языка и охватывает производные разных словообразовательных типов. Он используется как прием когезии и усиления преимущественно в целях художественной выразительности (ср.:[Блинова, 1984, 46—47]). Повтор на смысловом уровне, сопровождаемый повтором тождественных по форме частей слова (чаще всего дерива-

ционных морфем), создает особый вид звукописи, вносящей "поэтическую составляющую" в структуру не только поэтического, но и прозаического текста (ср: [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 837—839]). Вот пример использования этого приема, поддержанного ритмико-синтаксическим повтором, имитирующим народную словесность: Семь пар железных сапог *истоптала* Нина по паспортным делам и отделениям милиции, семь железных посохов *изломала* о Лизаветину спину, семь кило железных пряников *изгрызла* в ненавистной дворницкой — надо было играть свадьбу (Т. Толстая, Поэт и муза).

Наиболее активно реализуют рассматриваемый прием префиксальные глаголы, а среди существительных — имена качества на *-ость* и имена действия на *-ние*. Приведем примеры использования глаголов с одной и той же приставкой. Ряд глаголов с одной и той же приставкой включает обычно от двух до пяти членов.

Недо- со значением недоведения действия до конца: Яновская вслед за И. Грековой показала героинь разными — и добрыми, и злыми. "Все эти женщины, — написала о них автор, — *недожили* свое, *недолюбили, недоревновали*" (из газет);

вы- со значением тщательности совершения действия: Открытие не свалилось к ним на голову в виде Ньютонова яблока и не явилось прекрасным видением из циклотрона. Они *выстругали, выпилили, выточили,* сработали свой 104-й элемент, и в этом смысле термин "открытие" подходит не очень точно (из газет);

за- со значением 'зафиксировать посредством действия': В эфир можно выйти только с единственным словом: Десятки, а то и сотни раций *засекут, запишут, запеленгуют* нарушителя... (из газет);

про- со значением движения, проходящего мимо чего-либо: А по коридору мимо него *пробегали, проходили, проплывали* — с бумагами, портфелями, папками, молодые, пожилые, старые... (Зв. 1974);

в-...-ся со значением погруженности в действие: ...люди отправляются "в поле", в район поселка Ванавара — *всматриваться, вчитываться, вдумываться* в следы события 1908 г. (ЛГ. 1983).

на-...-ся со значением удовлетворенности действием: *Наслышалась, навидалась, начиталась* благодарностей в адрес Корецкого (из газет).

Использование таких рядов изоструктурных производных глаголов, подчеркнуто выражающих определенное категориальное значение, — прием, действующий не только в современном языке, но и в прошлые периоды истории русского языка как средство художественной выразительности. Вот иллюстрация из "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева: "Занятое либо *проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про...* или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н.Н., или Б.Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание".

Итак, приставка выступает как скрепа — выразитель единого значения, усиливающего единство текстового ряда и подчеркивающего звуковую организацию. Последний член ряда часто включает одну приставку — без глагола или приставку с ее произвольным распространением. В РЯ в таких случаях часто употребляются слова типа *что хотите / что хочешь, не знаю что*: *Перепиши / переделай / пе-*

ре — что хочешь / но измени //; *Я измоталась/извелась/издергалась/из- не знаю что* //.

Ср. стихотворение В. Ходасевича "Перешагни":

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам потерял — теперь ищи.

Такую же функцию может выполнять повтор приставки. В повести Д. Гранина "Зубр": Биологию, ту тоже обещали *перестроить, перевернуть, пере-, пере...*

Прием нагнетания изоструктурных производных, особенно характерный для префиксальных глаголов, реализуется и в других группах производных. Подчеркнутое выражение категориального значения выражают слова разных частей речи — с одинаковыми приставками или иной первой частью. Вот несколько примеров: Дело в сути — потеснить мастеров *мнимодела, мнимохозяйства, мнимолитературы,* поставить на их место реальных, деятельных героев (из газет); Старики страдают от *недолюбленности,* от *недовнимания,* от *недоласки* (из газет); Адресат должен принять приглашение к *сопереживанию.* Ожидается, что он так или иначе выразит свое *со-чувствие* (*со-радость, со-восхищение, со-возмущение* и т.п.) (ВЯ. 1986).

Особенно характерно нагнетание в рифмах однокоренных производных (чаще всего существительных с суф. *-ость*) для современной поэзии. Этот прием присущ и таким мастерам, как М. Цветаева, Б. Пастернак:

А еще, несмотря на *бритость,*
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — *побитость,*
За какой-то их взгляд собачий,
Сомневающийся...

М. Цветаева, Хвала богатым

В последующие годы этот прием стал своеобразным поэтическим штампом. В этом отношении показательно стихотворение Вл. Орлова "Верю" (1963):

Вы говорили — *осторожность,*
Вы восклицали — *безнадежность,*
Вы утверждали — *невозможность,*
Умерь свой шаг, забудь свой бег!
А я забыл про *осторожность,*
Я в жизни чувствую *надежность,*
Не верю в слово "*невозможность*",
А верю в слово "Человек".

Столь же излюбленно в современном языке, в том числе в художественной речи, нагнетание отглагольных существительных на *-ние.* Вот типический пример:

И дети в обиде —
Сидят у кровати:
Что можно увидеть
В больничной палате!

Мои *потрясенья,*
Сомненья,
Мученья
У них вызывают
одни *огорченья.*
Еще — *снисхожденье*
И *отчужденье...*
Для них я давно
Объект *наблюденья.*

А. Яшин, Опять больница

Очень ярко действенный характер словообразования обнаруживается тогда, когда в ряд одноструктурных производных попадает окказионализм — слово, порожденное в данном контексте инерцией словообразовательной модели. Такого рода явление свойственно разным сферам языка — художественной, газетно-публицистической, научной, разговорной.

Из стихотворения С. Стасова "Полдень. 1 октября":

Этот город прозрачен,
как сон.
Словно полдень осенний,
прозрачен,
Но, над полднем предел
обозначив,
Лист закружится невесом.
Листопляс, листоход,
листопад —
Светлый праздник
осеннего сада.
К тополям за чугунной
оградой
Возвращает прохожих тропа.
Листопад, листодел,
листоград...

Из стихотворения Е. Евтушенко "Милые люди":

Где иголки у этих людей,
где углы?
Как они тошнотворно милы
и круглы!
Анекдотом кончается
их *прогрессизм,*
да какой *прогрессизм* —
угостизм,
пригласизм!

Из путевого очерка В. Пескова: "Без Миши путешествие не могло состояться. В шуточных разговорах я звал его: «*Кормилец, поилец, водилец, переводилец*". Водить машину и переводить было для Миши добавочной нагрузкой в этой нелегкой поездке». Узуальные *водитель* и *переводчик* по аналогии с *поилец* и *кормилец* превратились в *водилец* и *переводилец*. Из фельетона З. Паперного: "У иного такого пищущего даже не *скоропись*, а *борзопись, резвопись, лихопись*".

Показательны случаи, когда в тексте поясняется смысл новообразования синонимическим рядом слов той же структуры. Глагол *записать* в современном бюрократическом употреблении приобрел

значение, которое так поясняется в тексте: Тени наветов ходят за нами по пятам. Тени имеют магическую власть над людьми и их судьбами. Пятно на репутации можно с годами смыть честным трудом — тень смыть нельзя... "*Запишу*!" — так грозят кубанские "борцы за справедливость" неподкупным противникам своим. *Запишу*? Это как понимать? И мне предложили набор синонимов — *заклюю, заплюю, затопчу, задолбаю* (из газет).

Рассматриваемый прием наглядно демонстрирует действенность механизма словообразования — соотнесение производных одного словообразовательного типа способствует тому, что одно производное слово как бы тянет за собой другие аналогичной структуры. С точки зрения эстетической этот прием, однако, не всегда достаточно художественно выразителен и может иметь характер штампа.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ОДНОМ КОНТЕКСТЕ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ, ИМЕЮЩИХ РАЗНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Действенный характер словообразования находит реализацию в приеме, который в известной мере можно считать со словообразовательной точки зрения противоположным предыдущему, — использование в одном контексте ряда слов, произведенных от одной и той же базы, но относящихся к разным словообразовательным типам. Таким образом обычно сталкиваются слова, составляющие одну и ту же словообразовательную парадигму, т.е. имеющие и общие, и различные компоненты значения, например глаголы, обозначающие пространственные или временные модификации действия, существительные — формы субъективной оценки. При этом происходит актуализация деривационных значений, противопоставленных по какому-либо семантическому компоненту (направление действия внутрь — наружу, полнота — неполнота действия, уменьшительность — увеличительность, ласкательность — пренебрежительность): ...лучше поторопиться и *перешерстить*, чем *недошерстить* (К. Симонов); Давление творческой атмосферы регулируется разными факторами. Немаловажный из этих факторов — административный. Тут всегда можно *перекачать*, или даже *недокачать* (из газет);

Над *речишкой* —
мостишко,
Над *реченкой* —
мостчонко,
Над рекою — мост
В полный рост!
Л. Куклин, Мостовики

Столкновение однокоренных слов, выражающих разные и противопоставленные деривационные значения, может приводить к высвобождению словообразовательных аффиксов из состава слова. Вот характерная иллюстрация: Стоял Петька. Хлопал глазами. Ведь он *Уехал*, а оказалось, что *ПРИехал*. Как ты? Почему *При*, а не *У*? (Л. Давыдычев, Лёлишна из третьего подъезда).

Сопоставление в тексте разноструктурных однокоренных слов сопутствует оживлению их внутренней формы. Слово *продленка*

родилось из сочетания *продленный день* (в школе), но его внутренняя форма потускнела, так как часто *продленка* бывает недостаточно длинной, укорачивается. И вот рождается газетный заголовок: "*Как продлить продленку?*";из фельетона З. Паперного: "Судя по справкам, автор и *доходчив*, и *находчив*..."

ПОСТРОЕНИЕ СЛОВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ОДНО И ТО ЖЕ ДЕРИВАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Известно, что словообразование характеризуется отсутствием однооднозначных отношений между означаемыми и означающими. Одно и то же деривационное значение имеет различные средства выражения (имя действия: *-ние, -ка, -ба, -Ø* и т.п., имя признака: *-ость, -изна, -ева, -Ø* и т.п.). В тех случаях, когда говорящим надо выразить какое-то значение, не имеющее узуального средства выражения, речевой акт может строиться по принципу нанизывания неузуальных контекстных наименований, порождаемых разными говорящими. Приведем лишь один пример, ибо этот тип актуализации словообразовательных связей будет рассмотрен ниже. Идет разговор между четырьмя близкими знакомыми, которые обсуждают черту современного человека — постоянно носить что-то с собой — в рюкзаке, портфеле, сумке, авоське и т.п. Деривационного значения, выражающего подобный смысл 'лицо, которое носит с собой постоянно вещи в том, что обозначено базовой основой', нет. Собеседники наперебой, легко и свободно, порождают неузуальные слова с суф. *-ник, -щик, -ист*, входящие в словообразовательный тип 'наименование лица по типическому предмету': **А.** Сейчас много *рюкзачников* развелось // **Б.** Да / мода такая // **Н.** А есть *портфелисты* // **В.** Андрей *портфельщик* / **А.** И Сергей тоже // **Б.** Нет / Сергей не *портфельщик* // Он высокий // А этого [т.е. Андрея] из-за портфеля не видно // **А.** А есть *авосечники* // (к мужу) Вот твой друг // Он все в авоське таскает //.

КАЛАМБУРНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ СЛОВ, ПОРОЖДАЮЩЕЕ ПСЕВДОЧЛЕНЕНИЕ СЛОВА

В словообразовательном отношении представляет собой интерес такое построение текста, при котором сталкиваются не только слова однокоренные или изоструктурные (содержащие одну деривационную морфему), но и слова лишь по форме близкие — омонимы, паронимы, слова с омонимичными неморфемными сегментами. Так, нанизывание слов, включающих одну и ту же морфему или омонимичный ей сегмент, приводит к созданию псевдочленения слова, что рождает новые каламбурные текстовые связи.

Обнаженно демонстрирует это явление В. Рич в стихотворении, которое он так и называет "Филологические стихи":

Говорят, *экспрезидент*
Это бывший президент.
Говорят, *эксчемпион*,
Это бывший чемпион.

И выходит, что *экспресс*
Означает — бывший пресс.
И выходит, что *экстракт*
Означает — бывший тракт.
И выходит, что *эксперт*
Это некий бывший перт.
И выходит, что *экстаз*
Это просто старый таз.
Да-с!

Аналогичный словообразовательный механизм обнаруживает столкновение производных от омонимичных и паронимичных основ. Ср. строку из стихотворения Вл. Шленского "О завтрашней радости": "*В Судаке / суда / судачат меж собой...*"

Прием каламбурного столкновения омонимичных структур широко распространен в РЯ. Это — особый вид языковой игры [Русская разговорная речь..., 1983], т.е. реализация поэтической (по Р. Якобсону) функции языка. Вот ряд примеров: (при встрече, одна знакомая, игриво обращаясь к другой) Какая вы *совершенно летняя!* (имеется в виду: лето, летнее платье; столкновение с *совершеннолетняя*).

Особо выделим прием подчеркнутого расчленения слова, в котором граница морфем уже стерта; оживлению морфемного шва способствуют присутствующие в тексте окказионализмы аналогичного строения. Из письма А.А. Реформатского: "Хотел бы я знать, в каком ты *состоянии,* или, что хуже — *сосидении, солежании*". Возникает шутливое раскрытие внутренней формы слова.

Обыгрывание внутренней формы слова[3] — частый случай использования словообразования с целью шутки, каламбура, остроты. С этой целью нередко используется шутливое раскрытие аббревиатур. Вот типический пример — сталкивается официальное и иронически-бытовое раскрытие аббревиатуры *ЖКО — жилищно-кооперативное объединение*: Рустам усмехнулся, припомнив, как на стройке расшифровали *ЖКО*: *Ждите, Кривоносов Обещал* (ДН. 1986).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ ИЛИ ПАРОНИМОВ

Известно, что однокоренные слова, реализующие одно и то же или близкие словообразовательные значения, могут быть резко противопоставлены по лексической семантике. Ср. наименования лиц по действию: *певец* (профессиональное имя) и *певун* (кто любит петь); *чтец* (артист, занятый художественным чтением), *читатель* и пренебрежительное *читака; писатель, писец* и *писака*. Такие слова, являясь именами производителя действия, имеют разные фразеологические наращения ('профессионально', 'любит производить действие' и др.). Столкновение подобных слов, наделенных фразеологичностью семантики и/или подвергшихся лексикализации, служит острому выявлению их семантических различий и способствует экспрессивизации текста. Так, резко противопоставлены имена лиц *ценитель* ('кто

[3] О связях внутренней формы слова с явлениями словообразования см.: [Ермакова, Земская, 1985].

умеет ценить нечто прекрасное') и *оценщик* ('человек, чья профессия назначать цену'; в данном противопоставлении *оценщик* получает пейоративный оттенок): Это фельетон не о *ценителях* искусства, а об *оценщиках* (Л. Лиходеев, Клешня). Ср. противопоставление нейтрального *рассказы* и *россказни* (пренебр., выдумка, рассказ, не внушающий доверия): Я расстроился: одна неточность, другая — и *рассказы* Зубра могли превратиться в *россказни* (Д. Гранин, Зубр). Еще несколько примеров: ...с искусственным выпячиванием *настроений*, выродившимся в "*настроенчество*" (В. Виленкин, О В.И. Немировиче-Данченко); Он делил их на "*попрошаек*" и "*попросителей*" (из газет).

ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВЫХ НОМИНАЦИЙ

Какие намерения движут говорящим при создании номинаций в тексте? Как используются текстовые номинации?

КРЕЩЕНИЕ НОВЫМ ИМЕНЕМ

Говорящий создает номинацию, часто неузуальную, чтобы окрестить предмет или лицо, не имеющее имени, и тем самым подвести их под какой-то разряд. Часто при этом присутствует элемент шутки. Факты этого рода рассматривались выше, когда говорилось о создании текстовых номинаций: (разговор двух женщин, гуляющих весной по берегу реки) **А.** Соловьев-то сколько! Поразительно! **Б.** Да-а // **А.** *Соловейник* // (ср. *обезьянник, грачовник, птичник* — место, где живут животные); — Ой! Маргаритки какие! — У нас под окнами целый *маргаритник* // (ср. *цветник*); Сюда уж британцы не доберутся, чтобы его переименовать, — тут уж своих собственных *переименовщиков* больше опасаться надо (В. Конецкий, Третий лишний).

В подобных случаях может происходить намеренное каламбурное столкновение созданного в тексте имени с узуальным существительным. Ср.: *пилить* (дрова) — *пильщик* (узуальное) и *пилить* (играть на скрипке) — *пильщик* (индивид.). Из рассказа братьев Стругацких: "По первой программе кто-то *пилил* на скрипке. Полюбовавшись некоторое время измученным лицом *пильщика*, я переключился".

Особо следует выделить случаи п о и с к а нового имени. Когда в языке нет устоявшегося, узуального названия, нередко оно рождается не сразу, но в борьбе нескольких конкурирующих наименований. Особенно часто возникает потребность в названиях лиц: (разговор двух знакомых) Я нашел ваши ключи! — О! Вы лучший в мире *находчик*! *Находитель? Находец?* Как сказать лучше?; (говорящий ищет женское соответствие к слову *варвар*) Какая *варварка*! Или не *варварка*? А кто же? *Варвариня? Варваруша?*

Часто поиск происходит в диалоге, каждый собеседник предлагает свое имя: **Л.** А вы чем занимаетесь? **Б.** Я математик / но я на машине работаю // **Л.** А-а // так вы *эвеэмщик?* Или *машинник?* **Б.** Ну-да // ну да // **В.** Нет / лучше сказать *компьютерщик* //.

В НИИ вместо секторов ввели отделы. Сразу же возник вопрос: как называть сотрудников отдела? (Разговор трех научных работни-

ков) А. От *сектор — секторяне* / а от отдела? (обращаясь к Б.) Это вы должны решить // Б. Да-а / Трудно // *Отдельщик* / нехорошо // Не знаю / как // (В разговор вступает В.) *Отделец* // *Артельщик* / но *отделец* //.

В таких случаях уточняется словообразовательная структура слова; внутренняя форма и мотивация при этом не меняются. Ср. конкуренцию в других классах производных: С реки отправляемся толстые, как бочки... и чем ближе к дому, тем тоньше становимся. Как это сказать: *тончаем, тонеем, утончаемся* (А. Яшин, Угощаю рыбой).

ПОЯСНЕНИЕ НОМИНАЦИИ

Известно, что производное слово не просто называет, но несет в себе мотивировку названия. В речи часто возникает необходимость обосновать имя лица и предмета, тем самым желая подчеркнуть его смысл, уточнить внутреннюю форму. Примеры из области домашних номинаций: (Женщина объясняет свое прозвище) Меня дома зовут *тенистик* / потому что я всегда в тень убегаю / по тенистой стороне иду //; (о маленьком ребенке рассказывают родители) Он у нас теперь *колясочник* / в собственной коляске выезжает // Ждем когда будет *саночник* //.

А вот как объясняется создание номинации для предмета, имя которого неизвестно говорящим. Речь идет о наименовании приспособления для растирания мази от радикулита: — Вы рукой растирали? — Нет // Там есть такая штучка // пластмассовая // Эта женщина называла ее *терка* // Я бы никогда не сказала так // Я бы ее назвала *растиралка* // Ведь она растирает / а терка трет //.

Поясняются и новые наименования социальных явлений: Подивились ревизоры распространенности в здешних краях, даже обыденности явления, названного одним обществоведом "*несунизмом*". Да, несли с предприятий тут основательно (из газет).

Интересны случаи, когда дается истолкование узуальных наименований, причем таких, которые широкоупотребительны в обществе. В этом отношении показательна статья, озаглавленная "*Управленец*" или "*аппаратчик*" (Пр. 1987. 12 мар.), в которой резко противопоставлены эти два имени. *Управленец* занят управлением, это имя действующего лица; *аппаратчик* — член аппарата; он пассивен. Автор пишет: «Для подготовки эффективной нормативно-правовой базы нужно много времени. Где же выход? В привлечении самих производителей к решению проблем управления, превращении *аппаратчиков* — в *управленцев*... Сегодня, когда идет перестройка, надо сказать *аппаратчику*: "Либо ты перестраиваешься в *управленца*, либо переходи в исполнители. И сам почувствуй на себе плоды работы аппаратчика".

КОРРЕКТИРОВКА УЗУАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Особая разновидность приема нагнетания соотносительных по структуре производных — построение по конкретному образцу неузуального слова, корректирующего значение соотносительного слова-

образца. Известно, что слово обобщает. Слово вообще и производное в том числе не может в своей структуре отражать все компоненты того, что бывает необходимо обозначить человеку. Отсюда два следствия. Слово расширяет свое значение, его внутренняя форма забывается. Мы *стреляем* из ружей, пушек, пулеметов (не стрел!), пишем красными, синими и других цветов *чернилами,* носим цветное *белье,* и это не мешает пользоваться языком, не затрудняет наше общение. Примеров можно привести множество.

Однако так бывает не всегда. Нередки случаи, когда говорящего не удовлетворяет неточность слова, она мешает ему выразить свою мысль, искажая его речевое намерение. В таких случаях, отталкиваясь от узуального слова, он рождает слово, непринятое узусом, но более точно передающее его намерение. Ср. такой диалог: (Пожилой человек разговаривает со своей соседкой) Я Катю *усыновить* хочу (поправляясь) *удочерить* // (задумчиво) Точнее *увнучить* // Она ведь мне во внучки годится //. В этом речевом акте говорящий идет от наиболее распространенного слова (*усыновить*) к менее распространенному, но узуальному (*удочерить*) и, сам замечая его неточность, порождает окказионализм: *увнучить* 'взять во внучки'.

Еще примеры. Диалог двух знакомых: А. Она мне *собрат* // Б. (шутливо) А не *сосестр*?; На все эти *запреты* есть *отпреты* //; Он действовал не один, в окружении не лаборантов и помощников, а скорее *соратников, сомысленников* (Д. Гранин, Зубр). В языке имеется слово *устойчивый.* Но так говорят о стоячих предметах и лицах. А как сказать о лежачих? Ср. диалог при перестановке разобранного стола: А. Эта столешница должна быть *устойчивой* // Б. Устойчивыми могут быть только ножки // А. Ну тогда *улежчивой* // Б. Вот-вот // Я не мог придумать как сказать //. Гонорар бывает *построчным.* А если его платить за ночи: Вот если бы мне платили не *построчно,* а *поночно.* Уж очень много ночей я на этот перевод потратил! (из частного письма). Из рассказа И. Грековой "Два мальчика": "В одном большом городе, в большом доме на большом проспекте жили два мальчика: Сережа и Андрюша. Но они не любили эти детские уменьшительные имена, им больше нравилось, чтобы их звали по-взрослому: Сергей и Андрей. А друг друга они называли *убольшительными* именами: Серега, Андрюха". Несколько примеров из газет: Помимо пешего *несуна,* в силу все больше входит теперь *несун* машинизированный — *везун* (еще один термин, рожденный временем); И, конечно, никто лучше, чем он, не расскажет нам о своих *единомышленниках* и *единотружениках.* Из фельетона З. Паперного: "А вот редактор, которого хлебом не корми, а дай поковырять, покромсать художественный текст. Этакий коновал, воображающий себя нейрохирургом. *Костоправ,* ставший *литправщиком;* Васютка... был ребенком повышенной моторности. Он был если не *перпетуум-мобиле,* так уж во всяком случае *перпетуум-прыгале*".

Итак, корректирующая номинация обычно имеет в тексте слово-образец, на которое непосредственно опирается. Но это не обязательное условие ее появления. Образец может стоять и за текстом.

Ср. неузуальное *собственноглазно*, опирающееся на узуальное *собственноручно*: Пленяет подлинность характеристик памятников и пейзажей, пройденных самим автором, увиденных им "*собственноглазно*"... (из газет).

ГРАДУИРУЮЩАЯ НОМИНАЦИЯ

Называя что-либо, говорящий нередко употребляет слова одинаковой словообразовательной структуры, подчеркнуто передающие одно и то же категориально-квалифицирующее значение. При этом создается комплексное градуированное обозначение. Типичный вид такой номинации — сопоставление в одном тексте производных, реализующих разные виды словообразовательных оппозиций (чаще всего градуальные, типа "уменьшительность — увеличительность"): ...ненужные "*шумики, шумы, шумищи*" нередко... отвлекают читателя от произведений, созданных в результате вдумчивого, серьезного труда (из газет/; Местность Сигараки славится своей керамикой. Керамические *заводы, заводики, заводишки* размером с одну-единственную печку (из газет); На что же направила эта фигура свою незаурядность? На организацию темных *делишек, дел* и, я бы даже сказал, *делищ*! (Юн. 1981).

Этот прием имеет давнюю традицию употребления. Вот отрывок из "Воспоминаний" Ф.П. Лубяновского (М., 1872), живо показывающий интенсификацию наименования в речи: «Граф Захар Григорьевич [Чернышев], впрочем, был действительно скор и горяч. В семилетнюю войну чуть не оторвал пальца у главнокомандующего Бутурлина. Советовались, где и как дать сражение, ходили по карте, главнокомандующий искал Одер и спрашивал: где же эта речка? Схватил Чернышев фельдмаршала за палец; этот кричит "больно!" — а он бегает его пальцем по Одеру и твердит ему: "Не *речка*, ваше сиятельство, а *река, речище, Одерище*».

ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩАЯ НОМИНАЦИЯ

Интенсификацию особенно часто передает цепь разнокоренных глаголов с одной приставкой: семантический компонент, выражаемый приставкой, резко выделяется при этом. Этот прием свойствен разным сферам языка. Из газет: "Машина *заработала. Загорелись* лампы, *засветились* контуры, *заурчал*, словно водопад, ток, *заиграли* провода". Из художественных текстов: И потому так дико лютовали волки в те дни, беспорядочно били скот в окрестностях — не столько, чтобы утолить голод, сколько из неуемной, неутолимой потребности *заглушить, заесть, завалить* мясом и кровью сосущее чувство пустоты и злобы на мир (Ч. Айтматов, Плаха); ...он не будет, как опасался, лежать в сырой земле, а будет стоять среди людей в чистом теплом зале, *прошнурованный* и *пронумерованный*... (Т. Толстая, Поэт и муза); Колонисты взвыли от такой пронизывающей и лихой езды. Восторженно *заорали, засвистели, заголосили* в тридцать мужских глоток... (А. Приставкин, Ночевала тучка золотая).

Этот прием виртуозно использовала М. Цветаева (выразитель-

ность, в частности, усиливается благодаря тому, что каждый глагол имеет свой особый, не общепринятый распространитель):

...Так *вслушиваются* (в исток
Вслушивается — устье).
Так *внюхиваются* в цветок:
Вглубь — до потери чувства!
Так в воздухе, который синь, —
жажда, которой дна нет.
Так дети в синеве простынь
Всматриваются в память.
Так *вчувствывается* в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так *влюбливаются* в любовь:
Втягиваются в пропасть.

М. Цветаева, Так вслушиваются...

ВЫВОДЫ

1. Словообразование является сильным средством когезии и экспрессивизации текста, актуализации отдельных его фрагментов, "усиления фактора мотивированности знака на уровне горизонтальных отношений" [Gamkrelidze, 1974].

2. Все порождаемые в тексте словообразовательные единицы строятся по законам аналогии. Они или воплощают в действие какие-либо активные модели языка, или реализуют в новом материале имеющиеся в языке "конкретные образцы" (ср. иное мнение в работе [Motsch, 1987]).

3. В тексте может происходить актуализация всех связей и отношений, имеющихся в системе словообразования: слов одного словообразовательного типа, одной словообразовательной категории, одного гнезда, одной словообразовательной парадигмы, базового и производного. По нашим наблюдениям, лишь связи между словами одной цепочки не подвергаются текстовой актуализации.

4. Актуализация названных выше видов связей и отношений — яркое свидетельство того, что названные единицы словообразовательной системы — это не только лингвистические конструкты, но и языковая реальность, находящая отражение в языковой компетенции носителей языка.

5. В речи существуют определенные повторяющиеся приемы использования словообразовательных структур для построения текстовых номинаций и свертывания пропозиции.

6. Текстовое словообразование служит выявлению разного рода связей и отношений между производными: антонимических, синонимических, градуальных, связей паронимической аттракции и каламбурного противопоставления.

7. Общее свойство текстовых образований — усиление членимости слова, в том числе создание псевдочленимости, реализуемой лишь в данном тексте и приводящей нередко к рождению каламбура. Виды текстовой номинации разнообразны и служат как серьезному наиме-

нованию предмета, действия или признака, так и целям порождения шуток, острот.

8. Базой текстового словообразования является, как правило, слово, но могут использоваться и единицы большие, чем слово (словосочетание, предложение). В тексте самостоятельную роль могут играть и единицы дословесного уровня (морфемы), особенно часто приставки, реже суффиксы.

9. Повторы морфем и псевдоморфем создают разные виды звукописи, что характерно не только для поэтического, но и для прозаического текста.

10. Активность текстового словообразования свойственна разным сферам современного русского языка. В наибольшей мере присуща она художественной речи, публицистике и разговорному языку.

ГЛАВА V

НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
(Окказиональные и потенциальные слова)

Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее

Л. В. Щерба

ВВЕДЕНИЕ

Сферу неузуального словообразования составляют преимущественно два класса слов — потенциальные и окказиональные. О разграничении этих классов см. подробнее: [Земская, 1973]. Слова потенциальные создаются по наиболее продуктивным типам, заполняя пустые клетки словообразовательных парадигм, т.е. они реализуют действие законов словообразования. Окказиональные слова противостоят обычным (узуальным) словам. Окказионализмы — нарушители законов (правил) общеязыкового словообразования. Они используют бездействующие, мертвые аффиксы или "не те" основы (ср. обычные слова *пошлятина, серятина* и окказионализм *брошюрятина*: ... *брюшюрятина,* килотоннами которой заставлены полки библиотек — ДН. 1988) и даже имеют свои способы словообразования. Окказионализмам посвящена обширная литература[1].

Возникает вопрос: должны ли окказионализмы, эти нарушители законов словообразования, рассматриваться в книге, изучающей действие словообразовательного механизма языка? Мы отвечаем на этот вопрос положительно. Окказионализмы характеризуют совершенно особый аспект изучения языка — творческий, индивидуальный, эстетический: они реализуют индивидуальную творческую компетенцию говорящего, будь то поэт, ребенок или обычный человек. Они ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка. Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы. Ведь любой самый индивидуальный окказионализм должен быть понят другими. Иначе он пропадает втуне. Каков механизм этого понимания?[2] Как общий язык служит индивидуальному словотворчеству? Эти проблемы требуют рассмотрения некоторых общих понятий теории словообразования.

[1] Назовем некоторые работы: [Винокур, 1941; Ханпира, 1966; Земская, 1972; 1973; Лопатин, 1973; Лыков, 1976; Калниязов, 1978; 1975а; 1975б; Улуханов, 1974б; 1977а; 1984; Бакина, 1977; Намитокова, 1986; Виноградова, 1987; Александрова, 1980; Григорьев, 1979; см. также: Китайгородская, 1978; Rammelmeyer, 1988].

[2] Интересный опыт истолкования самых индивидуальных — хлебниковских — окказионализмов предлагает В.П. Григорьев [Григорьев, 1986].

ПРОДУКТИВНОСТЬ, ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ И АНАЛОГИЯ

Как соотносятся эти понятия? В процессе порождения новых слов аналогия играет важнейшую роль. Однако и действие аналогии при порождении новых слов, и сами классы новообразований, наблюдаемых в то или иное время в языке, в высшей степени неоднородны. Одни новообразования возникают как члены, входящие в классы однородных в семантическом и формальном отношении структур, другие — как отдельные индивидуальные слова. Ср. с этой точки зрения, с одной стороны, такие ряды новообразований: существительные на *-ость* — в НС-82 отмечены: *впаянность, нехоженность, полижанровость, полистадиальность, дисконтактность, кибернетичность; расходимость* книг (ЛГ. 1987); *лошадиность* (И. Грекова); в РЯ: *отдыхательность, макаронность, бабистость, служебность, медово-месячность, дырчатость, открыточность, чистоганность, подоночность, ползучесть, мощеность, календарность;*

существительные с высокопродуктивными приставками — *сверх-*: *сверхфантастика, сверхсознание, сверхточность, сверхзлоба, сверхпроводник, сверхналог, сверхдоход, сверхприбыль;* НС-70 отмечает: *сверхгород, сверхдержава, сверхмарафон, сверхнагрузка, сверхскорость;*

супер-: *суперколосс, суперэкспресс, супервежливость, супермода, супершумность, супертанк, суперкубок, супергерой, супершериф;* НС-70 дает: *суперавтострада, супергигант, супергородок, супердержава, суперженщина* (ирон.), *суперзвезда, суперкласс, суперкоманда, суперконцерн, суперкубок, суперлайнер, супермаховик, супертраулер;*

анти-: *антипочин, антироман, антирубрика, антигерой, античистица, античиновник, антистиль;* НС-70 дает: *антиразрядка, антиработа, антиконституционность, антинаучность* и др.

И, с другой стороны: *тебестоимость* (ср. *себестоимость*), *зонтоприкладство, палкоприкладство* (ср. *рукоприкладство*), танцевать *вполноги* (ср. слушать *вполуха*), *доброупотребление* (ср. *злоупотребление*). Слова первого рода реализуют продуктивные правила, управляющие механизмом словообразования. Слова второго рода возникают не по правилам. Они реализуют творческую индивидуальность и живут не сериями, но одиночками. Их называют окказиональными.

Рассмотрим подробнее понятие продуктивности. В славянском языкознании принято рассматривать понятие продуктивности как шкалированное[3]. Есть типы очень высокой продуктивности, которые не знают ограничений в производстве слов той или иной части речи. К ним относятся вышеназванные существительные с префиксами *анти-, сверх-, супер-*. Есть типы, производство которых ограничено каким-либо семантическим разрядом слов. Действие других типов реализуется лишь в той или иной сфере языка (например, отсубстан-

[3]См., например: [Виноградов, 1947; Ревзина, 1969; Dokulil, 1962]. Аналогичного мнения придерживается В. Мотч [Motsch, 1987], полемизирующий по этому поводу с концепцией, согласно которой продуктивность рассматривается как понятие абсолютное (есть/нет).

тивные имена признака типа *синь, гладь* продуктивны в поэтическом языке). Следовательно, существуют разные виды ограничения продуктивности (см. подробнее: [Земская, 1973]).

Таким образом, новые слова производят не только высокопродуктивные типы, но и типы, обладающие слабой (невысокой) продуктивностью.

Понятию продуктивности противостоит понятие непродуктивности. Непродуктивными называют типы, которые не порождают новообразований (например, имена лиц с суф. *-с(а)*, типы *крикса, плакса;* имена действий на *-б(а)* типа *мольба, молотьба, борьба*), т.е. лишенные активности.

Свидетельством наивысочайшей продуктивности типа является его свобода от ограничений разного рода и производство слов, являющихся чистой реализацией модели. Это так называемые слова ad hoc. Такие слова лишены фразеологичности семантики и часто являются порождением текста.

Высказывалось мнение, что слова, производимые по правилам продуктивности, противостоят словам творческим, которые производятся по правилам аналогии [Motsch, 1987]. С нашей точки зрения, такое противопоставление неадекватно отражает факты языка.

Сколь бы различны ни были окказионализмы и слова, порождаемые ad hoc, и те, и другие создаются под воздействием аналогии. Но если ad hoc-слова — это результат полностью аналогического действия правила (ср. понятие словообразовательного квадрата, которое воплощает действие аналогии [Гринберг, 1963]), то окказионализмы — это нарушители правил продуктивности, вместе с тем тоже покоряющиеся аналогии, но аналогии не правила, а конкретного слова-образца: *громкодоверитель* (ср. *громкоговоритель*), *ежемодно* (*ежегодно*). При этом действие аналогии может одновременно разрушать одно словообразовательное правило и создавать новое (ср.: [Шмелев, 1963]). Таким образом, именно аналогия — это тот двигатель, который порождает все виды новых слов. Без аналогии не рождается не только ни одно узуальное, но и ни одно окказиональное слово. Однако если в рождении окказионального слова аналогия часто действует как конкретный образец (именно поэтому Н.А. Янко-Триницкая выделила в особый разряд словообразование по конкретному образцу [Янко-Триницкая, 1975б], то в порождении слов узуальных действуют абстрактные аналогические правила, причем чем продуктивнее тот или иной тип, тем абстрактнее правило, т.е. тем менее оно отягощено лексико-семантической конкретностью.

Рассмотрим подробнее, как обнаруживается действие аналогии в производстве окказионализмов. Аналогический характер окказионализмов различен и, можно сказать, градуирован. На одном полюсе шкалы находятся производные, образованные с помощью высокопродуктивных аффиксов, но с нарушением типовых законов их функционирования (см. о таких словах подробнее ниже). Противоположный полюс шкалы занимают окказионализмы В. Хлебникова, Л. Кэрролла и творцов, близких им (см.: [Якобсон, 1987; Панов, 1975; Григорьев, 1986]). Они слабо членятся, за ними часто стоит не вполне опре-

деленный языковой фон (в виде слова или языковой модели), но фон, который можно было бы назвать **мерцающим**. Этот фон освещает неологизм своим переменчивым светом [Панов, 1971а].

В творчестве В. Хлебникова представлены разные типы окказионализмов, в том числе имеющие вполне определенный конкретный образец, прозрачные по строению. В его знаменитых строках

Это шествуют *творяне*,
Заменивши Д на Т

за словом *творяне* отчетливо стоят *дворяне*, контрастно оттеняющие смысл неологизма, но — что важно подчеркнуть — базой для *творян* служит глагол *творить*, а не только мена звонкости/глухости (Д — Т). Специфику словотворчества В. Хлебникова составляют, однако, не такие прозрачные построения, как *творяне*, но неологизмы, использующие мертвые аффиксы и псевдоаффиксы. В особенности же специфично для Хлебникова явление, которое сам поэт назвал скорнением. В.П. Григорьев определяет скорнение как «особое объединение смыслов корней в одном слове: смыслов „названия" и „образа", т.е. прообраза и неологизма» [Григорьев, 1986, 19]. Примерами скорнения могут быть слова *звучей* (*звук* и *ручей*), *улетавль* (*улетать* и *журавль*), *летерик* (*летать* и *материк*), *младуга* (*младой* и *радуга*), *мророки* (каркающие черные писатели), *небеди*, *нравда* и др. [там же]. Сложность строения и семантики таких слов, своеобразие их членимости блестяще проанализировал М.В. Панов [Панов, 1971а; 1975].

Таким образом, окказиональное словообразование, реализуемое преимущественно в поэтическом языке, представляет собой особую систему словообразования, выявляющую свои законы.

Богатство словотворчества Хлебникова остается в русской поэзии (а возможно, и в мировой) непревзойденным. Оно не только свидетельствует о гениальности поэта, его необыкновенной языковой интуиции и прозорливости, но может и послужить языковеду своеобразным "мерилом" словотворческих потенций языка, менделеевской системой словообразования. Так, например, интересно поставить вопрос: свойственно ли такое явление, как скорнение, современной поэзии и "общего языка употреблению"? В известной мере — да. Наиболее близок скорнению тот вид внетипового окказионального словообразования, который называют термином "контаминация" [Калниязов, 1975а]. Ср. примеры М.У. Калниязова из современной периодики: *птицерон*, *тостопримечательность*, *хамильярный* человек. (о контаминации см. подробно ниже). Однако эстетический эффект их не столь высок. Таким образом, не прием определяет эстетическую значимость, но творец, и результат действия одного и того же приема может быть глубоко различным. Не претендуя на полноту, попытаемся сопоставить окказиональное словообразование нашего времени с теми словотворческими "началами", которые теоретически и практически разрабатывал Хлебников. При этом будем опираться на ту типологию этих "начал" (принципов словотворчества), которая предложена В.П. Григорьевым [Григорьев, 1986, 85—123].

При всем различии явлений, объединяемых термином "окказиональное словообразование", хочу подчеркнуть следующее. Факты язы-

ка показывают, что в языковую компетенцию говорящих входит не только знание слов и умение их склонять и спрягать, но и умение строить новые слова. Говорящие строят их и в строгом соответствии с законами словообразования, и в продолжение этих законов, и в нарушение их. Но везде при этом присутствует аналогия. Аналогия — это тот механизм, который позволяет понимать новое слово, создавая опору на существующее. Без аналогического сопоставления, аналогического фона новое слово не может быть понято и, следовательно, не может существовать. Повторим, что таким аналогическим фоном могут быть: словообразовательная модель, конкретное слово-образец, ассоциативный фон.

Особенность окказионализмов как класса слов — многоплановость семантического наполнения, сложность членения, многомерность семантических и формальных ассоциаций с "прообразом". И во всех этих случаях царит аналогия. Недаром одним из ведущих словотворческих начал Хлебников назвал аналогию (начало V в. в исчислении В.П. Григорьева [Григорьев, 1986, 80—91]). Чтобы показать, сколь многообразно действие аналогии в неологизмах Хлебникова, приведем анализ одного из таких слов: «Хлебникова постоянно волновала "мирового *равнебна* волна"... Слово *равнебен*, уникальное в словотворческом отношении, представляет собой миниатюрный сплав хлебниковской гносеологии, этики и эстетики. В нем, коротко говоря, следует различать "прообраз" *молебен*, идея *равенства небу* (с наложением основ), равенства как меры в противовес вере, социального равенства и, в контексте других высказываний поэта, эстетического (потенциального) равенства слов» [там же, 97—98].

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО, ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

Говоря об окказиональных словах, исследователи постоянно подчеркивают их выразительность, экспрессивность и другие положительные свойства. В этой связи хочется обратить внимание на два момента. Далеко не всякое прекрасное творчество связано с использованием окказионального слова. Примером может быть поэзия А. Ахматовой, которой было чуждо словообразовательное новаторство, что нисколько не снижает ценности ее поэзии. И наоборот, словообразовательные изыскания, изыски и излишества далеко не всегда повышают эстетическую значимость произведения. Ценность словотворчества, как и использование всякого формального приема, определяется уместностью его применения, соответствием художественному заданию и целостности произведения. Примеры эстетически невыразительных производных слов интересны лишь для характеристики действия механизма словообразования (см. гл. IV). И в настоящей главе не все иллюстрации в должной мере эстетически значимы, однако приверженность к теме этой книги обращает нас к творчеству тех лиц — поэтов и непоэтов, которым свойственна любовь к словотворчеству.

Из наших современников типический поэт "словообразовательного начала" — Е. Евтушенко. Его поэзия содержит богатейшие материалы неузуального словообразования. В его палитре словообразование — одна из наиболее ярких красок. Рассмотрим одно из произведений поэта — поэму "Фуку!", ибо она представляет собой типический пример того, как используются словообразовательные краски в современной поэзии.

Словотворчество Е. Евтушенко — антипод словотворчеству В. Хлебникова. Если Хлебников, рождая слово, заставляет читателя погружаться в глубины языка, добывая смысл, улавливая мерцание фона, поддерживающего неологизм и объясняющего единство его смысла и звучания, заставляя членить нечленимое с точки зрения обычного языка, то Евтушенко действует иначе. Он опирается на активные модели и конкретные образцы так, что почти каждый неологизм прозрачен и по строению, и по значению. Среди индивидуальных построений поэта есть много удачных. Поражает, однако, прежде всего перенасыщенность текста неузуальными словами. Они, можно сказать, выпадают в осадок, не всегда способствуя созданию эстетического эффекта. Такими словами в поэме "Фуку!" являются безмерно эксплуатируемые современной журналистикой и художественной литературой производные на *-инка*. И если еще можно признать удачными такие новообразования, как *полуиндеинка*:

Но сквозь все, что казалось экзотикой...
проступали, как призраки, лица заросшие
с жалкой *полуиндеинкой* смазанных черт,

если можно считать близкими обычным *блестинка, шершавинка, сединка*:

Он руки вытер о штаны,
смахнул с дрожащих глаз *блестинку*...
с редкими *сединками* женщину,

то *влажнинка, умнинка, сомнинка, протертинка, пацанинка* и, наконец, *фашистинка, крысиночка* могут вызвать уже протест читателя. Они ослабляют, на наш взгляд, художественность впечатления. Слова на *-инка* несут печать ласковости (ср. *смешинка, хитринка* и под.), тогда как новообразования *фашистинка* и *крысиночка* по своей семантике противоречат духу языка.

Эксплуатация некоторых активных словообразовательных типов характерна для поэмы "Фуку!"

-ость: *несломленность, ненайденность, недобрость, заспинность, просительность, буйволиность, глобальность, болотность;*

-ство: *пиночетество, фальшивомонетчество, неотвечайство;*

-онок, -ата: *зулусенок, фашистенок, гитлерята.*

Многие из этих производных удачно используются в рифмах:

Никакая не *чегевaристка,*
вздохом втягивая пространство,
ты в любви не боялась риска —
это было твое партизанство;
Я была
патриотка
и *каратистка,*

и меня из начальства никто не тискал...;

В грязь уроненное *отечество*
превращается в *пиночетество*...

Еще раз повторим. Удачность отдельных новообразований меркнет от слабости других и — главное — от чрезмерности количества неузуальных слов. Так, наряду с *фюреришка* (Рем думает: "Ты нужен был на время... / Тебя мы скинем, *фюреришка,* прочь...") находим *гитлерята.* В этом слове общая экспрессия ласковости суффикса не гармонирует с основой. Могут возразить: словообразование допускает контрасты в эстетических целях. Здесь, по нашему мнению, возникает не эстетический контраст, но художественное несоответствие.

Отдельные фрагменты поэмы строятся как раскрытие повторяющихся образцов. Приведем пример:

Чья-то *крысиная* дипломатия
грудь с молоком прогрызает у матери.
В стольких — не совести угрызения,
а угрызенье других — *окрысение!*...
Видя всемирный *крысизм* пожирающий,
видя утопленные утопии,
я себя чувствую как умирающий
с голоду где-нибудь в Эфиопии...
...спекулянты шустрили *крысино*...
Люди отчаянно изголодались
по *некрысинности,* неубиванью!

В соответствии с общими тенденциями языка в поэме "Фуку" широко используются относительные отсубстантивные прилагательные [Земская, 1991], многие из которых развивают качественные значения. Вот пример, показывающий, как создаются подобные значения: Состарившийся, отяжелевший дуче, услышав шаги своей любимой, снял очки, и в его ввалившихся от бессонницы глазах заблестели так называемые скупые *слезы, капнутые перед съемкой из пипетки* гримера. В объятия этого покинутого почти всеми, одинокого, несчастного человека отрепетированно бросилась... Кларетта Петаччи с такими же *пипеточными слезами...;* ср. также: Пупа преобразился. Он пошел к трибуне не расхлябанной *марьинорощинской* походочкой, обычной для него, а почти строевым шагом...; *пластиковый* сад; *сувенирные* Донкихоты; *ширпотребная* чеканка; *тротуарные* голуби.

Итак, неузуальное словотворчество имеет широкий диапазон: от сугубо индивидуальных слов до слов, близких обычным. Для того чтобы показать своеобразное место неузуального словообразования в системе языка, рассмотрим способы построения окказиональных слов. В общем виде способы построения окказионализмов можно разделить на две группы: 1) с помощью обычных словообразовательных средств и способов при нарушении законов их действия, поэтому об их обычности можно говорить лишь условно; 2) специфическими способами.

КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ

Выше упоминалось, что неузуальные слова нередко создаются с помощью высокопродуктивных аффиксов, но с нарушением законов действия словообразовательного типа. Образуемые при этом производные могут рассматриваться двояко: как проявление высокопродуктивности типа (расширение возможностей его действия) и как нарушение законов его действия. Эти слова при первой трактовке могут оцениваться как потенциальные, при второй — как окказиональные. Таким образом, антиподы — слова потенциальные (реализация модели) и слова окказиональные (нарушение модели) — сближаются. Крайности сходятся. Покажем на примерах, как это может происходить. Возьмем новообразования на *-изм* — отвлеченные существительные, называющие идейные, эстетические, политические и другие направления, склонности: *рейганизм, остапбендеризм* и *малинчизм* (НС-82), *тэтчеризм* (ЛГ. 1987), *"орлизм"* (от фамилии *Орлов*. ЛГ. 1986), *плюмбумизм* (от названия кинофильма *"Плюмбум"*), *лаоконизм* и *гуруизм* (ЛГ. 1987), *несунизм* (Пр. 1987), *"главкизм"* (М. пр. 1987), *"селявизм"* (К. пр. 1967), *"благополучизм"* (А. Довженко), *приземлизм* (из газет), *выпихнизм* (НМ. 1963), *какбычегоневышлизм, прогрессизм, угостизм, пригласизм* (Е. Евтушенко), *когтизм* (Т. Толстая); из РЯ: *ишачизм, нахализм, хулиганизм, квашнизм, жестокизм*. Вот некоторые иллюстрации: Теперь возник такой феномен — *плюмбумизм*... (ТВ. 1987); реализовать действительно демократический централизм вместо административного *"главкизма"*; Против *"селявизма"* (Л. Кассиль. К. пр. 1967); Некоторые мысли по поводу *"орлизма"* и нашей перед ним беспомощности (згл. — ЛГ. 1986); схема *тэтчеризма* (ЛГ. 1987). Показательно, что многие из этих слов даются в кавычках. Как трактовать подобные слова? Возможны два ответа:

1. Новообразования на *-изм* свидетельствуют о высочайшей продуктивности этого типа. Они создаются от основ существительных и прилагательных, в том числе русских (*жестокизм*); отметим, что все узуальные отадъективные производные на *-изм* соотносятся с основами заимствованных прилагательных (Гр-80), от имен лиц и предметов, от имен нарицательных и собственных, от существительных отвлеченной и конкретной семантики (*когтизм*), в том числе метафорически переосмысленной (*квашнизм*), от целых выражений (*какбычегоневышлизм*), в том числе иноязычных (*селявизм* — от фр. *c'est la vie*), от основ с исходом на гласные, что обычно является препятствием для словопроизводства (*гуру — гуруизм*) и даже от глаголов (*выпихнизм*). Интересно отметить, что во французском языке суф. *-isme* также распространяет свое действие на сферу глагола. Отмечаются отглагольные новообразования *entrisme, suivisme* [Guilbert, 1975, 169]. Подчеркнем, что многие из слов на *-изм* являются параллелями к узуальным словам с другими аффиксами (ср. *жестокизм* и *жестокость, нахалимз* и *нахальство, хулиганизм* и *хулиганство, прогрессизм* и *прогрессивность*), однако особенность их семантики состоит в том, что они именуемое понятие обозначают как направление, течение.

2. Новообразования на *-изм* неоднородны. Слова типа *жестокизм, селявизм, какбычегоневышлизм, хулиганизм, нахализм* не продолжатели действия продуктивного правила, но его нарушители, тогда как *рейганизм, тэтчеризм* и нек. др. — свидетельство продуктивности типа.

Рассмотрение слов на *-изм* заставляет нас снова поднять тот вопрос, о котором шла речь выше (гл. I): где проводить границу словообразовательного типа? Составляют ли существительные на *-изм,* наделенные общим словообразовательным значением 'наименование идейного, общественно-политического и т.п. направления, склонности', единый словообразовательный тип (СТ), хотя они производятся от основ разных частей речи (существительных, глаголов и прилагательных), или же их следует распределять по трем СТ, как это сделано в Гр-80 в соответствии с отнесением базовой основы к различным частям речи? Мы склоняемся к положительному ответу на первый вопрос.

Материал для размышлений о разграничении потенциальных и окказиональных слов дают производные существительные на *-изм* конкретной семантики, обозначающие 'элемент языка, речи' (тип *украинизм, диалектизм, латинизм* и под.). Вот ряд новообразований: в "Лит. газете" на последней странице многих номеров встречаем *футболизмы, феноменизмы, юморизмы, размышлизмы, наблюдизмы, шоуизмы;* ср. *"тартаковеризмы"* (от фамилии шахматиста *Тартаковера.* М. пр. 1987), *усложнизм* (литсотрудник вгонял всяческие *усложнизмы* в чужую рукопись. ЛГ. 1982); *"путчизмы"* (ЛГ. 1991).

Очевидно, что рассмотренные новообразования на *-изм* обоих типов хорошо членятся и четко выражают словообразовательное значение. Именно поэтому они составляют тот полюс шкалы окказиональности, который наиболее близок узуальным производным словам. Подобного рода производные, стоящие на границе окказиональных/потенциальных слов, содержат многие высокопродуктивные словообразовательные типы. Вот некоторые иллюстрации этого явления. Суф. *-ость* отличается высокой продуктивностью в современном языке. Однако основы прилагательных с суф. *-ск-* всегда служили для него препятствием. За длительный период истории было образовано лишь несколько слов: в XIX в. *детскость, светскость, зверскость, великосветскость* (см.: [Земская, 1963, 51—52; Лопатин, 1973, 109]), в XX в. происходит расширение этого подкласса производных: слово *женскость* стало грамматическим термином; *мальчишескость* (Е. Евтушенко); *"простецкость"* (К. пр. 196[1]); *догреческость* (На базаре Ираклиона) /, в бестолковой захламленности Востока / на *догреческость* Греции нет и намека // (С. Квазимодо, Минотавр в Гноссе. Пер. Л. Мартынова); *русскость* (Д. Гранин); приобрести черты *"мужескости"* (ЛГ. 1975). В.В. Лопатин приводит также слова *"буржуйскость"* (из воспоминаний Шверубовича), *советскость* (Я люблю Маяковского. Люблю за *советскость* каждой строки. — Р. Рождественский), *деревенскость, интеллигентскость, залихватскость.*

Как оценивать этот подкласс производных? Что происходит: расширение сферы сочетаемости этого суффикса или многократное

нарушение законов его сочетаемости? Однозначный ответ пока дать трудно. Отметим, что слова на *-скость* по-прежнему "коробят" нас, мы их не воспринимаем как вполне нормальные (так оценил слово *русскость* Д.С. Лихачев, выступая по телевидению). Ср., впрочем, недавнее употребление слова *русскость* без оговорок и кавычек в газетной статье: Особая *русскость* и вправду всегда была присуща Москве — и "сорок сороков" церквей, и другие черты ее милы были русскому сердцу (ВМ. 1990). Еще несколько примеров, показывающих не только изменение условий сочетаемости аффикса, но чаще — лексическую необычность производных, их неожиданность:

-изация: кампания — по *козлотуризации* сельского хозяйства (Ф. Искандер); процесс *лауретизации* (ЛГ. 1987); "*спокизация*": Трагизм доктора Спока состоит в том, что он... стремится отстоять гуманистическую систему воспитания в милитаристском, алчном обществе, которое... если и допустит какую-то толику "*спокизации*", то непременно потом жестоко отыграется на детях... (ЛГ. 1974); "*конторизация*": Первым следствием "*конторизации*" деревни стала бумага, в смысле документ... (НС. 1982); *спектаклизация* кинофильма (ЛГ. 1982); *педфакизация* университетов (РЯ); *маршрутизация* автоперевозок (ЛГ. 1979); *канадизация, вьетнамизация, филлипинизация, финляндизация* (из газет); *фельдшеризация* (К. пр. 1968); *космизация*: идет великий синтез наук на базе их *космизации*... (К. пр. 1969); *роботизация, компьютеризация, коммерциализация, гибридизация* (из газет); НС-80 дает: *дрелизация, инсценизация, буквализация;*

-ство: *шмотовство* вступает в силу (ЛГ. 1984);

-таньство (от имени *Таня*): — У них в семье три Тани! — Сплошное *таньство* // (РЯ); *спартаковство, динамовство*: ... и то что было драмой, / стало фарсом: // *спартаковством, / динамовством, / дикарством* // (Евтушенко); "*струвианство*" (ЛГ. 1986); *овсожевательство* (РЯ);

-шина: "*шарафрашидовщина*" (ЛГ. 1987), *брежневщина, сталинщина, алиевщина.*

Мы стремились показать, что потенциальные и окказиональные слова могут сближаться ("крайности сходятся"). Это не значит, однако, что разграничение этих двух классов слов несущественно. Наличие переходных случаев свойственно языку. Типические окказионализмы и типические потенциальные слова противостоят друг другу.

Итак, окказионализмы могут следовать типовому словопроизводству, нарушая тот или иной компонент действия его схемы: в качестве базовых используются слова иной части речи (*запугист* от глагола, тогда как суф. *-ист* предписывает сочетание с основой существительного), иного семантического класса (*квашнизм, когтизм*), иной стилистической окраски, чем это предписывает тип. Окказионализм может содержать суффикс, отличный от узуального (ср. *прогрессизм, прогрессячество* и *прогрессивность; хулиганизм* и *хулиганство*) (ср.: [Лопатин, 1973, 87—94]).

Ограничимся еще несколькими иллюстрациями, так как нарушение

законов словообразования при производстве окказионализмов рассматривалось в специальной литературе.

Типическая особенность окказионализмов — сложных слов — их многокомпанентность. Обычные сложные слова состоят из двух-трех членов. Окказиональные могут включать четыре, пять и более компонентов: Не был ли Пушкин наведен на мысль о "Цыганах" *романо-эпопо-идилле-драмою* Шатобриана "Natchez"? (В. Брюсов, Дневники); Много лет ходит он [скептик] в авторитетных знатоках футбола. И ровно столько же лет говорит о нем с *кисло-горько-грустно-иронически-ядовито-безнадежной* миной (из газет; пример В.В. Лопатина); Нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид: *гидо-шофер-о-переводчико-бессеребренник* (И. Ильф, Е. Петров, Одноэтажная Америка).

Несколько примеров стилистической и прагматической несовместимости элементов слова. Так, словообразовательные типы на *-щина* и *под-...-j(e)* производят имена существительные от русских и славянских географических наименований (*Орловщина, Подмосковье*). Производство по этим схемам наименований от иноязычных топонимов создает необычность и повышенную ироничность: Конферансье: Я... хочу предложить послушать "Частушки", которые авторы записали во время фольклорных экспедиций... Нет, не в *Рязанщину* и не во *Владимирщину*... В других областях побывали: в *Парижщине*, в *Подмиланье* и *Подновоорлеанье* (Н. 1986).

Резко иронично звучат принятые в некоторых творческих кругах универбаты типа *эпохалка* (эпохальное произведение), *монументалка, нетленка* (нетленные произведения) и под. Универбация закреплена за обозначением бытовых предметов и явлений. Сочетание с книжными высокими основами дает резкое снижение. Ироничность создается сочетанием книжных первых частей слова и сниженно бытовых основ: *биотреп* (Д. Гранин, Зубр); "*телеклюква*": многосерийная "*телеклюква*" (Пр. 1986); *оргшишки, оргизъяны* (ЛГ. 1987); Шофер был *антилихач* (РЯ). Ср. диалог юноши и девушки, в котором иронически сталкиваются подчеркнуто официальное *гидропорт* и домашнее *берег речки*, показывающее неприменимость первого наименования к данной ситуации: — Тогда идем прямо в *гидропорт*. — *Гидропорт*? — переспросила она. — *Гидропорт*? А почему просто и честно не сказать: *на берег речки* (В. Кожевников, Дерево жизни).

Все перечисленные выше виды нарушений содержат прием контраста; контраст соединяющихся частей слова делает его необычным и выразительным.

СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ПОРОЖДЕНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ

Охарактеризуем те способы, которые специфичны для порождения окказионализмов. В начале этой главы была уже названа основная литература, в которой исследуются способы производства русского окказионального слова. Необходимо отметить, что полное исчисление

этих способов вряд ли возможно в принципе, так как создание окказионализмов — явление индивидуальное. Именно поэтому нельзя дать гарантию, что, найдя и охарактеризовав n способов окказионального словотворчества, мы тут же не встретим способы n+1, n+2 и т.д. Кроме того, многие окказионализмы — это явления не типовые, а индивидуальные, поэтому "подвести" их под какой-то типовой способ бывает нередко трудно, а иногда и невозможно. Между тем сам термин "способ" (в том понимании, как мы его употребляем) называет понятие обобщенное, а не единичное.

Мы рассматриваем здесь не только способы словообразования в строгом терминологическом смысле этого слова, но и приемы порождения окказионализмов. К последним, например, относятся образования по конкретному образцу, которые создаются по типу отдельных слов разными способами, нередко аффиксацией (см. ниже).

Материалы этой главы отчасти перекликаются с материалами гл. IV, так как в ней тоже рассматривались факты неузуального словообразования. Однако там угол зрения был иным. В IV главе мы обращали внимание на связи между строением текста и действием механизма словообразования. Цель этой главы — выявить особенности построения окказиональных слов, вскрыть их специфику по сравнению с узуальным словообразованием.

МЕЖДУСЛОВНОЕ НАЛОЖЕНИЕ

Это прием производства только окказиональных слов. При этом приеме членение слова необычно. Слова накладываются, наезжают друг на друга (ср. явление наложения морфем, представленное в словах типа *розоватый*): конец одного является началом другого (см.: [Янко-Триницкая, 1975б, 416—417]). Типический пример — слово *заходерзости* в названии произведения Б. Заходера "Мелкие *заходерзости*" (ЛГ. 1984). Конец фамилии *Заходер* накладывается на начало слова *дерзости*. Семантика окказионализма складывается из семантики склеившихся слов — дерзости Заходера. Ср.: *каламбурильщики* (ЛГ. 1964; *каламбур* + *бурильщики*); *треплика* "Клуба ДС" (ЛГ. 1987; *треп* (трепаться) + *реплика*); глаголы *электронул* и *нейтронул*, в которых слова *электрон* и *нейтрон* "наползли" на глагол *тронул*:

Лишь физикой меня ты *электронул*,
А лирикой меня *нейтронул*, нет!

М. Владимов

Многоплановость семантики усиливается тем, что начало слова *нейтронул* созвучно отрицанию *не*, которое и осложняет его значение.

КОНТАМИНАЦИЯ

Этот прием состоит в том, что соединяются два узуальных слова, которые порождают третье — окказионализм. От междусловного наложения этот прием отличается тем, что часть одного слова устраняется, т.е. не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма. Именно

поэтому иногда этот прием порождения окказионализмов называют каламбурным. Несколько примеров: *орудирован* (*ОРУД* + *эрудирован*): Он был *орудирован* в вопросах уличного движения (Кр. 1964); НС-82 дает слово *профанакторий* (из *профанация* + *профилакторий*): Вот оно, это слово: *Профанакторий.* Задумаемся над ним, но отнюдь не с целью лингвистических изысканий (Кр. 1982). Подобные слова нередко используются как броские заголовки: Кое-что о *дымократии* (Пр. 1975; *дым* + *демократия*); *компью-терроризация* (ЛГ. 1988; *компьютеризация* + *терроризация*): Кому помешал тот тонюсенький ручеек приличной вычислительной техники, что едва-едва сочился к жаждущему компьютеров населению?! Сплошная *компью-терроризация!;* "Крестоносцы *твистопляски*" (К. пр. 1964; *твист* + *свистопляска*); *Мурлындия* (раздел в "Неделе"; *мурлыкать* + *ландия,* элемент формирующий названия стран). Для подписей под рисунками раздела "Фототест" были предложены названия: "*Шлангокоон*" (ЛГ. 1987; *шланг* + *Лаокоон;* 'Лаокоон, опутанный шлангами') и "*Дровиссимо!*" (ЛГ. 1983; *дрова* + *брависсимо;* рисунок изображал автобус, в котором вместо пассажиров едут дрова). НС-82 помещает: *демократура* (*демократия* + *диктатура*) и *демократуризация*: ...идея всяческой *демократуризации* и дальнейшей витринизации западного мира живет и действует (Пр. 1982).

Окказионализмы, образованные этим способом, свойственны и современной поэзии. В цикле стихов А. Вознесенского "Изумрудный юмор" используется аббревиатура НЛО (неопознанные летающие объекты). Поэт начинает стихотворение, давая свою расшифровку этой аббревиатуры:

"Алло!
Я вас предупреждал
О неопознанной летающей О".
Нынче всех повело:
Ноль становится НЛО.

И далее он творит слова *НЛОлеон* (за которым прочитывается *Наполеон*), *НЛОжницы* (ср. *наложницы*):

Треугольная шляпа во время оно
носила *НЛОлеона*...
НЛОжницы
Отличные наложницы...

От имени *Юлий Ким* поэт создает название болезни *юлийкимия* (ср. *лейкемия*):

В Дании *юлийкимия.*/
Юлий Ким — шаман струны.

Целый фейерверк окказионализмов-контаминаций породил Даниил Аль в юмористическом произведении "Опечатки пальцев": *кресловутый* бюрократ; молодая *подросль;* далеко идущие *посредствия; бельможи; пережатки* прошлого; в духе *квасицизма*: принцип наибольшего *благопрепятствования; кусать* подано; рекордный *надуй; рехламация; рахитектурный* ансамбль; за *отечный* период; *вычистительная* техника; *скоропрестижно* скончался. Этот набор окказионализмов напоминает одно из хлебниковских начал — поиски "наималов".

Игра слов, каламбурная окказиональность часто создается меной одной фонемы (согласной: пресловутый бюрократ — *кресловутый*, непременный атрибут — его *кресло*; гласной: *пережитки-пережатки*). Глагол *рерихнулся* может рассматриваться и как контаминация (при орфографическом восприятии), и как междусловное наложение (при йкающем литературном произношении): рерихнулся (*Рерих* + *рехнулся*; 'рехнулся на почве Рериха'): поэт В. Сидоров с мягкой самоиронией пишет, что он "рерихнулся" задолго до своей поездки в дом Рерихов в предгорьях Гималаев (ЛГ. 1986).

СЛИЯНИЕ

Слияние — это использование в качестве базы для слова словосочетания или предложения. В узуальном словообразовании способ слияния непродуктивен (можно назвать лишь немногие слова типа *отсебятина, ничегонеделание, сиюминутный* и нек. др.), тогда как в производстве окказиональных слов он обнаруживает активность [Калниязов, 1975а; Лопатин, 1973, 112—113].

Рассмотрим стихотворение Е. Евтушенко "*Какбычегоневышлисты*". Это стихотворение интересно тем, что в нем в качестве производящей базы ключевых слов используется целое выражение. Трусливое бюрократическое *как бы чего не вышло* породило имя лица — *какбычегоневышлист*, направления — *какбычегоневышлизм*, фамилию — *Какбычегоневышлистенко*. *Какбычегоневышлисты* — это "откладыватели, непущатели", "карандаш-вычеркиватель у кабычегоневышлистов". Словечко *какбычегоневышлизм*, видимо, семантически значимо для нашей эпохи, во всяком случае оно зафиксировано М.У. Калниязовым в "Лит. газете" (1971) в несколько иной форме — не *как бы*, а *кабы*: «Чувство ответственности превращается в трусливый "*кабычегоневышлизм*" только у слабых духом». У Евтушенко оно отмечено также в 1971 г. в речи на V съезде писателей СССР: «...мы выбьем из траншей искусства окопавшуюся там сейчас серость, трусость, "*кабычегоневышлизм*"». Это существительное используется неоднократно; возможно, что оно перейдет в разряд обычных слов языка.

Способ слияния активно действует в порождении окказионализмов. С его помощью образуются имена лиц, отвлеченные существительные: *никуданепускатель, дофенистка* (от *дофени*), *долампочкизм, чтоизволизм*, например: Галя: Я вообще *дофенистка*. Судья: Чего-о? Вера: А того, что люди и подруга ей, извиняюсь, *до фени* (Павлова, Вагончик). Ср. название учреждения "*Чтоугодная*" (по типу *Блинная;* Москва, 64; 'лавочка, где продают что угодно'); газета "Книжное обозрение" (1986) пишет о явлении, которое называет "*Самсебяиздат*": ...не упирается ли этот вопрос в обнаруженную мною проблему "*Семсебяиздата*"? "Комс. правда" (1967) под заголовком "*Вездесам*" пишет о герое романа Павленко "Счастье", который не умел руководить, но все пытался делать сам. По образцу общеязыкового *отсебятина* рождено *отнихятина* (от выражения — *от них*). От выражений *честь мундира — честьмундирные* соображения (ЛГ. 1985), *кругом виноват* — комплекс "*кругомвиноватости*" (Пр. 1988).

ОБРАЗОВАНИЯ ПО КОНКРЕТНОМУ ОБРАЗЦУ

Это один из наболее распространенных приемов порождения окказионализмов. Конкретный образец может быть как производным словом, так и непроизводным, но вычленяющим какие-то сегменты. Создавая окказионализм, творец может отчетливо осознавать связь с прообразом и эксплицировать ее. При этом в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза. Так, окказионализм *крикаин* воспринимается на фоне *новокаина*: ..."*крикаин*". Странное слово, не правда ли? Похоже на *новокаин*? Правильно. Но так как настоящего обезболивания в зубоврачебной практике нет, появился "*крикаин*" (М. пр. 1987). При этом может возникать резкая членимость и прообраза, и новообразования. Ср. диалог дедушки и внука четырех с половиной лет: Дед: Мне некогда // Внук: *Да́когда! Да́когда!* Ср. создание двойной каламбурной членимости у слова-образца *горемыки* (*мыкать горе* и *жить в горах*), порождающего окказионализм *моремыки*:

Поселились два племени, жившие в ссоре:
Горемыки — в горах,
Моремыки же — в море.

С. Таск

По образцу *хозяин, хозяйство* поэт Г. Седельников создает *Нельзяин* и *нельзяйство*: "Как живешь, *Нельзяин*? В порядке ли, скажи, твое *нельзяйство*? Выразительность этих слов породила заголовок газетной статьи: *Хозяин ли Нельзяин?* (Пр. 1988). Еще ряд примеров: — Ату его! Взять! Да это не *волкодавы*, а *дерьмодавы!* — науськивал кто-то псов... (Ч. Айтматов, Плаха); *нашепланетянка* — на фоне *инопланетянка*: Вроде бы какая-то *нашепланетянка*, дама весьма преклонного возраста, вышла замуж за молодого *инопланетянина*... (ЛГ. 1985); *плохопись* (Евтушенко) — по образцу *скоропись; ежемодно* (ср. *ежегодно*):

Что ни год, то новые фасоны;
Если модно, носит что угодно.
Говорю вполне определенно,
Ибо с ней встречаюсь... *ежемодно.*

М. Раскатов, Модница

Комичен глагол *прикоровливаться* (ср. *приземляться*): Земля приближалась. — Эй! Ты куда летишь?! — взмахнув кнутом, во весь голос закричал снизу пастух. — Убери стадо!!! Женька еще цеплялся за воздух, но *приземляться*, вернее, "*прикоровливаться*" все равно было надо (К. пр. 1982).

Особый подвид этого приема составляют случаи, когда новое слово отличается от прообраза отсутствием какой-либо части. Так, *нелицеприятность* порождает *лицеприятеля* (ЛГ. 1983).

При создании окказионализмов по конкретному образцу может происходить нагнетание ряда слов одного словообразовательного типа. При этом узуальные производные индуцируют порождение окказиональных. Этот прием рассматривался в гл. IV, поэтому приведем

здесь лишь одну иллюстрацию — фрагмент из детского стихотворения В. Башкирова "Звери в сквере":

В зоопарке очень людно,
говорильно и *ходильно*,
и нисколько не *верблюдно*,
и ничуть не *крокодильно*,
безусловно *безословно*
и бесспорно *бесслоновно*.

По типу узуального наречия *людно* рождается *верблюдно* (эффект усиливается рифмовкой); с нарушением использования части речи базовой основы создаются отглагольные внутренне рифмующиеся *говорильно* и *ходильно;* узуальное *безусловно* индуцирует *безословно* (без этой поддержки должно было бы быть *безослино*), рифму которому создает структурно-семантическая параллель *бесслоновно*. Как видим, образования по конкретному образцу всегда формально и семантически соотносимы с "прообразом". Эта семантическая соотнесенность может иметь разный характер — противопоставленность (антонимичность), синонимичность, модификация, носящая характер уточнения.

ПОСТРОЕНИЕ СЛОВ С ВЫМЫШЛЕННЫМИ КОРНЯМИ

Существует способ построения окказионализмов, при котором обычные аффиксы сопровождают вымышленные корни. Этот способ в классическом виде представлен в знаменитой фразе Л.В. Щербы "Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка".

Вымышленные основы возникают не только в научной или поэтической речи (заумная поэзия и др.), но и в обычном языке. Использование выдуманных, асемантических корней свойственно РЯ. В РЯ есть такие глаголы, которые предназначены для выполнения роли слов-пустышек, слов-заменителей, способных обозначать почти любое действие. Глагол дает лишь эмоциональный ключ, семантику дополняют контекст и конситуация: Сашка еще здесь возился / *чебурéкался* / а потом я заснула //; (о походе) Впереди бегут олешки / а ты сзади *телепáешься* //; Ты так ногами *балабýтил*...

Еще ярче синтагматическая обусловленность семантики глагольного корня обнаруживается в префиксальных образованиях, когда значение корня конкретизирует не только широкий контекст, но и префикс (см.: [Капанадзе, Красильникова, 1975; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]): Куда это вы словарь *забубушили?* (ср. *засунули*); Нельзя сюда этот пакет *втюхривать* (ср. *всунуть*).

Вымышленными могут быть не только глагольные корни. В разного рода коллективах (дружеских, семейных, профессиональных) нередко создаются свои слова — шутливые номинации, оценки, характеристики. Так, слово *пумп* (мн. *пумпы́*) использовалось в одной семье для называния маленьких детей. От него рождались производные: *пумпля́ндия* (детская страна), *пумподром* 'место, где учатся ходить дети'), например: (о лужайке с чистой ровной травой). Это же настоящий *пумподром!* Здесь им и гулять; *суперпумп, хитропумп; пумпидоны* (ср. *купидоны*), *пумпы́ш* (ср. *малыш*); *пумпо́вый.*

ВАЖНОСТЬ НАЧАЛЬНОГО СОГЛАСНОГО

Важность начального согласного подчеркнута в одном из хлебниковских начал: "начальный согласный приказывает остальным" (XVI начало) [Григорьев, 1986, 119]. В качестве примера приведем название детской книжки Э. Синклера: *Гномобиль — гнеобычные гновости о гномах* (повесть-сказка). Слово *гномобиль* — пример рассмотренного выше приема контаминации (*гном* + *автомобиль*)[4].

Иное дело — слова *гнеобычные гновости*. Семантику слова определяет его начало, но не одно *г*, а сочетание *гн* (играют роль не один, но два согласных). Кроме этого важен конечно фон: конечное *о гномах* подкрепляет осмысление, заданное словом *гномобиль*.

"СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КУСТ"

Даем этому приему метафорическое, условное название. Называем так то явление, которое в классическом виде представлено в "Заклятии смехом" Хлебникова. Приведем лишь одну иллюстрацию — детское стихотворение "О пане Злодиевском" (ЛГ. 1964. 6 авг.):

В чудном городе Хищевске,
В тихой улочке Крадевской
Жил один злодей известный —
Пан *Злодислав Злодиевский.*
И супруга — *Злодеюга,*
И дочурка — *Злодеюрка,*
И сыночек — *Злодеечек,*
И собачка — *Злодеячка.*
А котенок? И котенок
По прозванью *Злодеенок.*
Есть еще и канарейка,
Презабавная *Злодейка*

Набор производных от слова *злодей* достаточно выразителен. Тут действуют и активные суффиксы, но присоединяются они не к тем основам (*злодеенок*), и конкретные образцы (*злодеюрка,* ср. *дочурка*).

ВЫСВОБОЖДЕНИЕ АФФИКСОВ И ДРУГИХ ЧАСТЕЙ СЛОВА

Деривационные аффиксы, аффиксоиды и связанные части слов в окказиональном словообразовании могут получать свободу и использоваться как слова (см., например: [Земская, 1965; Янко-Триницкая 1975б; Виноградова, 1987]). Это относится прежде всего к активным аффиксам с четким единственным значением (приставкам и таким суффиксам, как *-изм, -ист, -ние* и под.). Вот несколько типических примеров: Встречая Репина на папиросных коробках, Васнецова на вышивках, некоторые молодые люди заражаются самым страшным, на мой взгляд, "*измом*" — скептицизмом (СК. 1964); критика всяких "*псевдо*" и цыганщины обрушилась на Киру Смирнову (ЛГ. 1966); Но, видимо, свершилось здесь и некоторое "*пере*" (К. пр. 1968);

[4] Впрочем, это слово можно рассматривать и как включающее аффиксоид *-мобиль* (см. об этом в гл. III).

восторгается избранностью, выдающейся талантливостью по сравнению с какими-то "*ведами*" ... (ЛГ. 1986); Подросли, очень подросли запросы современных "*надцатилетних*" (Пр. 1987).

Высвобождение аффикса или аффиксоида из состава слова может производиться эксплицитно, "на глазах" у читателя или слушателя — из ряда слов, включающих один и тот же элемент, этот элемент извлекается: Ларингологи, невропатологи, ревматологи, эндокринологи, профпатологи и прочие "*ологи*" ограничили сферу деятельности терапевта только заболеваниями органов грудной клетки, печени и желудка (МГ. 1964); ...объем применения инсектицидов, зооцидов и прочих "*цидов*" (К. пр. 1966); Наконец поход окончен, едут в электричке домой... А дома целую неделю отмываться, отсыпаться, отъедаться... и еще десять "*от*" (там же).

Этот прием как сатирическое средство используется в художественной литературе. Иллюстрацией может быть сатирическое стихотворение В. Лагоды, озаглавленное приставкой, — "*Недо*":

НЕДО... Что это за птица!
Чем известна? Чем жива?
Тем, что намертво вцепиться
Норовит порой в слова.
А из слов с приставкой НЕДО
Уж какая там беседа...
Недо — лишь для тех находка,
У кого в делах изъян:
НЕДОвес, НЕДОработка,
НЕДОвыполненный план.
Но не только у соседа
Мы встречаем эти НЕДО!
Где-то мы *НЕДОглядели,*
Что-то мы *НЕДОучли*...
...Но победа — не победа
Там, где много всяких НЕДО.
НЕДОделки, НЕДОстачи.
НЕДОвывезенный хлеб.
НЕДОвыпуск...
Видим без товароведа
Весь набор привычных НЕДО.
Сам я к выводу пришел,
Что и в строчках этих тоже
НЕДОбор и *НЕДОсол.*

Ср. в переводе романа Ч. Диккенса "Тяжелые времена" использование этого приема для изображения характера и речевой манеры персонажа: "— Ступайте и займитесь чем-нибудь *ологическим*. Миссис Гредграйнд не отличалась ученостью и, посылая детей учиться, ограничивалась обычно этим общим распоряжением о выборе занятий.

— Вздор! — сказала миссис Гредграйнд почти энергически. — Вздор! Как вы можете, Луиза, говорить мне в лицо такие вещи... И это после всех забот о вас!.. После того, как я сама слышала... как вы проходили с учителем *горение, окисление, обызвествление* и всякого рода *ения,* которые могут с ума свести несчастного слабого человека..."

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АФФИКСОВ В КАЧЕСТВЕ БАЗОВЫХ ОСНОВ

Использование аффиксов как свободных слов способствует тому, что они могут служить базовыми основами, порождая слова разных частей речи. Так, Ю. Ивакин в статье "Приемы полемического каратэ", отнесенной им к жанру "спортивно-филологического эссе", создает слова *измизация, щинизация, измизировать* (от суф. *-изм* и *-щина*): «Прием *измизации* оппонента... заключается в том, что вы приписываете оппоненту какой-либо „*изм*" или — лучше — несколько „*измов*". Например: „От теорийки критика Крутихвоста „2×2 — всегда 4, и только 4" отдает фатализмом и мистицизмом". Если вы *измизируете* оппонента определением „натурализма", к последнему стоит присоединить эпитеты „ползучий", „бескрылый" или „приземленный". Эффективность приема *„измизации"* повысится, если вы соедините его с приемом *щинизации* оппонента. Выполняется этот прием так: к фамилии оппонента или (по ходу полемики) другого лица, которое вы не одобряете, прибавляется *„-щина"* (Крутихвост +*„щина"* — *крутихвостовщина*). Таким приемом вы создадите термин-ярлык, очень опасный для противника».

КАЛАМБУРНЫЕ И ПАРОНИМИЧЕСКИЕ "ИГРЫ" СО СЛОВОМ

Известно, сколь велика роль каламбурных столкновений слов при разного рода "играх" с языком. При этом может происходить каламбурное сближение слов родственных, омонимичных (полностью или частично) и паронимичных. Подобного рода "игры" служат и порождению окказиональных слов, и созданию окказиональной членимости у обычного слова. Создание каламбурных окказионализмов: Литературовед. А я, знаете ли, батенька, наоборот, — за точность. Если, скажем, на экране лошади (а в прошлом веке, помнится, ездили на лошадях) — пусть они будут похожи именно на лошадей... Я хочу видеть лошадей во всех их *подробностях* или, извините за каламбур, *ипподробностях* (З. Паперный); Вы еще плясать будете! Паникер! Какие там метастазы! *Не метастазы* у вас, а *дуростазы*! (В. Кетлинская, Вечер. Окна. Люди); Отношение ревизора к делу было откровенно *предвзяточным* (Кр. 1964; ср. *предвзятый, предвзяточный* — от сочетания *перед взяткой*). Обычному РЯ также не чужды шутливые сближения слов, создающие их двойное осмысление и каламбурную членимость: Что же вы сегодня *не пивучий?* (мало чая пьете; ср. узуальное *певучий;* в устной речи при йканье полное совпадение произношения); Лучше принять *цыганистого калия* (ср. *цианистый калий*); Магазин *"Дыры природы"* (ср. *"Дары природы"*).

Противопоставление, сближение слов, нередко различающихся одним звуком, не создают новое слово, но как бы рождают членимость нечленимого, целостного:

Кому *икорка* в ресторане,
Кому *корка* Христа ради.
Д. Сухарев

Дальние околицы, длинные концы.
Сокол и *Сокольники*, Пресня и Фили...
Д. Сухарев

Я устал от засилия "милых людей",
без торчащих из них остриями гвоздей.
В этой *ватной*
приватной
пустой болтовне
не с кем хоть бы иголкой царапнуться мне!
Е. Евтушенко

Прием окказионального членения близкозвучных слов ярко иллюстрирует название поэтического сборника А. Часовникова "*Волга, иволга и таволга*" (Ярославль, 1973). Сопоставление имени реки, птицы и растения (единый природный круг) поддерживается и усиливается звуковым сопоставлением слов. Ср. газетные заголовки: *Форды* и *фонды* (К. пр. 1963); *Поза* и *позиция* (К. пр. 1965).

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели наиболее распространенные способы и приемы порождения окказиональных слов, свойственные современному языку. Многие из этих способов неузуального словопроизводства действовали и ранее, в предшествующие периоды истории русского языка. Проблема связи явлений, их историческая интерпретация — одна из важнейших в науке, однако сопоставление современного неузуального словотворчества с неузуальным словообразованием других эпох, выявление его места в истории — задача специального исследования. Здесь мы можем только констатировать очень высокую активность неузуального словообразования в современном языке, особенно в таких его сферах, как язык периодической печати, язык художественной литературы, разговорный язык. Оценка этих приемов с точки зрения теории прогресса (что "лучше" — новообразования нашей эпохи или XIX в., или XVIII в. и т.д.?) не представляется перспективной. Приведем высказывание О. Мандельштама об использовании теории прогресса в литературе, которое применимо и к языку: «Для литературы... теория прогресса прямо-таки убийственна. Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя, а вовсе не о том, как выполнить свое жизненное дело, или же что все они участвуют в конкурсе изобретения на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит.

Теория прогресса в литературе — самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества. Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое приобретение сопровождаются утратой, потерей. Никакого "лучшего", никакого прогресса в литературе быть не может, хотя бы потому, что нет никакой литературной машины и нет старта, куда нужно скорее других доскакать» [Мандельштам, 1987, 56—57].

Окказиональное словообразование характеризуется не только нарушением законов узуального словообразования. Оно представляет собой

особую подсистему словообразования, для которой характерно снятие ограничений, управляющих законами обычного словообразования. В окказиональном словообразовании снимаются противопоставления между: 1) частями речи в функции базовых основ; 2) семантическими классами слов в функции базовых основ; 3) стилистическими характеристиками сочетающихся строительных элементов слова; 4) словом и единицами большей сложности (словосочетание, предложение) в функции базовых основ; 5) живыми и мертвыми словообразовательными типами.

Происходит нейтрализация таких противопоставлений, как "лицо/нелицо","одушевленность/неодушевленность", "конкретное/абстрактное" (ср.: [Александрова, 1980]).

Разрешается соединение в сложном слове в принципе неограниченного количества элементов.

Четкость, прозрачность членения, к которой стремится узуальное слово, не является законом построения окказионального слова. В сфере построения окказионализмов действуют специфические принципы членимости: междусловное наложение, контаминация, псевдочленение, рождающее каламбур, оживляющее потухшую внутреннюю форму или создающее псевдоэтимологизацию.

Основной движущей силой создания окказионализмов является аналогия. При этом аналогия использует в качестве образца и словообразовательные типы (модифицируя, преобразуя их), и отдельные слова (производные, членимые или псевдочленимые). В качестве строительных средств, кроме того, используются не только "нормальные" аффиксы, но и унификсы, псевдоаффиксы, отдельные сегменты слова (ср. понятие "квазиморфема" в кн.: [Степанов, 1975, 52—53]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремление увидеть общее в отдельных атомарных фактах характеризует любую науку. Как создать порядок из хаоса — вот задача исследователя (ср.: [Пригожин, Стенгерс, 1986]). В словообразовании эта задача может быть реализована разными путями. Один из них (как мы отмечали в гл. I) — построение системного описания путем исчисления типовых словообразовательных парадигм, свойственных тем или иным лексико-семантическим группам слов.

Существует и другой путь описания словообразования. Это путь, идущий от средств выражения деривационных значений и дающий классификацию всех значений деривационных аффиксов в связи с теми основами, с которыми они сочетаются. Этот путь, используемый в ряде работ (см., в частности: [Земская, 1952; Erben, 1975]), для наших целей не представлялся перспективным.

При изучении динамического аспекта словообразования, который составлял суть нашего исследования, мы сочли более плодотворным использовать функционально-семантический подход к организации материала, т.е. идти от характеристики общих функций словообразования в языке, а также от тех словообразовательных значений, которые выражаются производными словами в пределах более общих единиц — словообразовательных категорий. Было выделено пять функций словообразования: номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная и стилистическая. Наиболее подробно в книге исследовалась номинативная функция (на материале имен существительных). Прочие функции словообразования рассматривались суммарно (см. гл. I и II, а также IV, V).

Изучение динамического аспекта словообразования позволяет понять, как именно строится человеком наивная картина мира*, реализуемая в том или ином языке, ибо существеннейшую и интереснейшую понятийную часть этой картины составляет "внутренняя форма" производного слова. Слова, рождаемые на наших глазах, отражают определенное восприятие действительности человеком, социальную и индивидуальную оценку явлений жизни.

Приведем цитату из письма читателя в "Лит. газету" (1986. 24 сент.),

*Ср.: "Идея наивной картины мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка" [Апресян, 1986, 5].

которая показывает, как в языке осмысляются факты реальности: «Действительно, язык наш довольно точно отражает процессы, происходящие в обществе. Мне хотелось бы обратить внимание на слово "внедрение". Ясность и образность русского языка, умение отразить в слове "внедрение" всю многогранность причинно-следственных связей очень точно подметил академик П.Л. Капица.

"Известно, что у нас всегда освоение достижений науки и техники промышленностью проходит медленно и с трудом. Это видно из того слова, которое мы обычно употребляем, — "внедрение". Мы говорим: "внедрение новой техники", "внедрение достижений науки". Слово "внедрение" в русском языке означает, что продвижение вперед происходит при сопротивлении окружающей среды. Мы так привыкли, что всякое новое научное достижение и достижение техники при их освоении встречают сопротивление, что уже давно применяем слово "внедрение", не замечая, что этим словом мы характеризуем ненормальные условия в освоении новой техники. Когда мы начнем употреблять слово "освоение" новой техники, можно будет считать, что мы достигли нормальных условий для ее развития".

Понятие "внедрение" предполагает, что кто-то со стороны придет на производство и после мощного натиска или длительной осады что-то изменит в производстве к лучшему. Понятие "освоение" предполагает, что производство берет предлагаемое новое и органически вводит его в свою структуру».

Язык чутко реагирует на жизнь. Возникают слова, отражающие новые явления действительности: *агропром, госприемка, самофинансирование, науковедение, компьютеризация, многосменка, телемост, перестроечник, антиперестройщик, "рыночник"* (сторонник рыночной экономики), *веломобиль, электромобиль, аэробус, энэлошник, липучка, марлевка, варенки, кроссовки* и т.п. Активно рождаются слова, клеймящие негативные явления нашей жизни, как бы дающие сатирические зарисовки действительности: *долгострой, несун, несунизм, лысенковщина, сталинщина, брежневщина, шарафрашидовщина, сталиноид, спидник, итэдэшник, антиспид, одеколонщик* (об алкоголике, пьющем одеколон), *какбычегоневышлисты, какбычегоневышлизм.*

События реальной жизни влияют на номинации не только той сферы, для которой они непосредственно предназначены, но и производят радиацию на иные, казалось бы, далекие от этой сферы области действительности. Влиятельной в последние десятилетия оказалась сфера космоса, и наряду с собственно "космическими словами" (*космодром, ракетодром, луноход, лунник, лунодром, прилуниться* и т.д.) стали создаваться слова типа *поэтодром, собакодром, змеедром,* свидетельствующие о влиятельности "космического элемента" в номинативной системе языка, даже далекой от космоса.

Деятельностный характер словообразования обнаруживается в "конечном продукте" этой деятельности — новообразованиях того или иного времени. В книге изучению был подвергнут значительный массив новых слов, регистрируемых в разных сферах русского литературного

языка 60—90-х годов XX в. Рассматривались как возможные три пути отбора материала:

1. Изучение узуальных слов, появившихся в названный период. Эти слова отражают действие механизма словообразования во всех его функциях.

2. Изучение потенциальных слов, т.е. слов, порождаемых по наиболее продуктивным моделям, ибо они с наибольшей обнаженностью показывают динамический характер словообразования, не "лексичность", но построенность слова.

3. Изучение слов неузуальных — индивидуально-авторских. Основной их разряд составляют окказиональные слова. Этот класс слов выявляет специфические стороны динамического аспекта словообразования.

В книге был избран комплексный подход к проблеме, т.е. исследовались все три названных класса слов, ибо они по-разному выявляют деятельностный механизм словообразования и изучение лишь одного из них дало бы одностороннюю картину. Рассмотрение этих столь различных классов новообразований было важно в теоретическом отношении, так как в каждом из них по-разному реализуется не только действие механизма словообразования, но и словотворческая способность человека.

При порождении единиц окказионального и — шире — неузуального словообразования обнаруживается не только своеобразие протекания деривационных процессов, но и общие особенности устройства речевого акта. При порождении неузуального производного слова два важнейших языковых начала — когнитивное и эмоциональное — выступают совместно, действуя как важнейшие стимулы [Daneš, 1987].

Явления "языковой игры", наблюдаемые в подсистеме окказионального словообразования, реализуют две противонаправленные тенденции. С одной стороны, они демонстрируют возможности словообразовательной системы языка, с другой — показывают пределы ее действия. Триада "система — узус — норма" находит здесь своеобразное воплощение.

Анализ как узуальных, так и неузуальных новообразований показывает, что в языковую компетенцию говорящего входит владение механизмом построения новых слов, причем не только по моделям обычного общеязыкового словообразования, но и по моделям словообразования окказионального, экзотичного. Подсистема окказионального словообразования особенно наглядно демонстрирует весомость (силу) действия аналогии в языке. Поэты и любые словотворчески одаренные лица не только заполняют пустые клетки словообразовательной системы, но и действуют вне общеязыковой системы, за ее пределами. Нарушая логику обычного языка, "словотворцы" производят, выражаясь словами Хлебникова, "восстановление утраченных слов" [Григорьев, 1986, 91].

Сравнение семантики и структуры, а также способов порождения узуальных и окказиональных слов показывает глубокое различие между системами узуального и окказионального словообразования.

Узуальные новообразования ярко демонстрируют рост агглютинативности в структуре производного слова. Это обнаруживается:

1) в ослаблении такого явления морфемного шва, как чередование фонем; остаются высокопродуктивными лишь чередования фонем по твердости/мягкости; некоторые виды чередований ослабляются и совсем не представлены в новообразованиях или представлены в единичных случаях;

2) в росте префиксации, ибо известно, что граница префикс/основа более агглютинативна, чем граница основа/суффикс;

3) в росте аббревиатур разных видов;

4) в активизации единиц типа *теле-, фото-, радио-, метро-* и т.д., ср. новые: *видео, диско, рок* и др. Все те явления, которые В. Дресслер считает типичными для структуры производного слова, соответствующего технике "естественной морфологии", свойственны узуальным новообразованиям современного русского языка [Dressler, 1982].

Окказиональное словообразование, напротив, часто выступает как явление антиагглютинативное, нарушающее принципы той "шкалы технических средств", которая присуща естественной морфологии.

Изучение новообразований разных разрядов (как узуальных, так и неузуальных слов) показывает очень высокую роль аналогии в действии механизма словообразования. Новые производные слова создаются не только в рамках словообразовательных типов, но и под влиянием аналогического воздействия производных той же словообразовательной категории, того же гнезда. Текстовые связи с одноструктурными, однокоренными, синонимическими и паронимическими словами играют роль катализатора в словообразовании. Особенно велика в активизации процессов словопроизводства роль словообразовательных категорий, т.е. единиц плана выражения.

В конце ряда глав книги даны выводы, касающиеся различных аспектов деятельностного механизма словообразования. Поэтому здесь отметим лишь следующее:

1. Имя существительное — наиболее пополняемая новообразованиями часть речи; второе место занимает прилагательное, третье — глагол, четвертое — наречие.

2. Имена лиц занимают важнейшее место в сфере номинативного словообразования. Человек называет прежде всего себя и лишь во вторую очередь своих любимцев века НТР — механизмы, науки и под. Таким образом, словообразованию свойствен антропоцентризм.

В той "наивной картине" мира, которую наш современник рисует средствами словообразования, преобладают наименования артефактов. Наименования биофактов протекают менее активно. В классе биофактов подлинной активностью обладает лишь именование деривационными средствами модификационных производных (имена детенышей и самок животных).

Наименования отвлеченных действий и признаков обнаруживают высокую продуктивность, реализуя конструктивную функцию словооб-

разования и служа средством свертывания пропорции и порождения текстовых номинаций.

3. В сфере имен прилагательных наиболее активны относительные прилагательные; они служат важнейшим конструктивным средством создания составных наименований [Земская, 1991]. Прилагательные качественные заметно уступают относительным в активности.

4. В области глаголов наиболее активна префиксация, порождающая разные виды модификационных производных (пространственных, временны́х, количественных и количественно-временны́х).

5. Среди семантических категорий, которые активно выражаются средствами словообразования, большое место занимают категории оценки и квантификации. Средством оценки является прежде всего экспрессивное словообразование (многообразные специализированные суффиксы и приставки, а также суффиксы, совмещающие номинативную функцию с оценочной). Функцию квантификации выполняют разнообразные словообразовательные способы и средства. Имеется специализированный разряд суффиксальных существительных-квантификаторов (типа *тысячник, миллионщик, трехсотка*), называющих предмет или лицо по количеству чего-либо (в качестве базовой основы выступает числительное). Кроме того, количественные характеристики предметов, признаков и действий выражают специальные морфемы, не относящиеся к числительным. В сфере имен это высокоактивные первые части сложных слов: *много-, мало-, высоко-, глубоко-, полу-, все-*, а также заимствованные *мини-, микро-, макро-*; в сфере глаголов – префиксы *недо-* и *пере-*. Некоторые из имен совмещают количественную номинацию с качественно характеризующей оценкой (*глубоко-, высоко-, много-* — положительной; *мало-, полу-* — отрицательной).

6. Активизируется подсистема производных слов, имеющих в качестве базовой основы различные группы собственных имен. Сюда относятся и нейтральные существительные с отвлеченным значением (типа *тэтчеризм, рейганизм*) и противопоставленные им по наличию ярко выраженной негативной оценки слова на *-щина* (*сталинщина, бериевщина, рашидовщина, алиевщина*). Особую группу среди производных от имен собственных занимает терминологическая лексика — названия минералов и химических элементов (типа *пушкинит, гагаринит, менделеевий*). Эти слова характеризуются условной мотивацией [Ермакова, 1989].

7. Набор словообразовательных морфем русского языка пополняется заимствованными элементами, вычленяющимися из состава ранее нечленимых или слабочленимых слов. Эти единицы служат для наименования предметов, в первую очередь связанных с развитием науки и техники (таковы *-дром, -мобиль, -бус, -фон, -тека, -истика* и др.).

8. Возрастает число многоморфемных слов, производных не первой ступени деривации. Этому способствует активизация таких способов словообразования, как разные виды словосложения и сра-

щения. Однако в русском словообразовании по-прежнему ведущее место занимает аффиксация, а внутри этого способа — суффиксация. С помощью суффиксации происходит и номинация новых явлений, и компрессия уже имеющихся длинных наименований, и экспрессивизация имен и глаголов, и стилистическая маркировка многих лексических единиц.

9. Функции словообразования, охарактеризованные в книге, по-разному реализуются в разных сферах языка. Номинативная функция словообразования присуща всем сферам языка. Особо следует отметить высокую активность конструктивной функции в современном языке. Интенсивное протекание процессов номинализации действий и признаков характеризует не только язык науки и официально-деловую сферу, но и РЯ, и газетно-публицистическую сферу. Компрессивная функция — в зависимости от способа ее реализации — находит разное применение в разных сферах языка. Суффиксальная универбация и усечение действуют преимущественно в РЯ и газетно-публицистической сфере, аббревиация и сложносокращенный способ — в языке науки, официально-деловой и газетно-публицистической сферах. Экспрессивная функция обнаруживается преимущественно в РЯ и газетно-публицистической сфере. Что касается стилистической функции словообразования, то специальная маркировка производного слова словообразовательной морфемой характеризует РЯ [существительные с суф. *-к(а)*] и официальную сферу речи (глаголы с приставкой *за-*).

10. Русский язык двух последних десятилетий свидетельствует об очень высокой степени динамизма современного словообразования (ср. анализ современного словацкого языка в кн.: [Horecký et al., 1989]. Деятельностный характер словообразования обнаруживается наиболее активно в таких сферах, как РЯ, газетно-публицистическая речь, нестрогая профессиональная речь. Чужда ему только официально-деловая сфера языка.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987.

Александрова О.И. Русское поэтическое словотворчество: (организация плана выражения) // Художественная речь: Традиции и новаторство / Межвуз. сб. науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та. Куйбышев, 1980. Т. 238.

Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой "картины мира") // 1987. N 3.

Бакина М.А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы. М., 1977.

Белошапкова В.А. О двух типах отношений в деривационной парадигме: (К вопросу о связи словообразования и синтаксиса) // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.

Бесценная Е.Д. Существительные с суффиксами *-щик* и *-ник* в современном русском языке: (К проблеме синонимичных словообразовательных типов): Автореф. дис....канд. филол. наук. М., 1980.

Баинова О.И. Явления мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.

Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984.

Виноградова В.Н. Словообразовательные средства иронии // Рус. яз. в шк. 1987. N 3.

Винокур Г.О. Маяковский — новатор языка. М., 1941. Изд.2. М.: КомКнига, 2005.

Волоцкая З.М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов // Славянское языкознание. 1976. N 6.

Гак В.Г. Новое в русской лексике: Словарные материалы-78 // ВЯ. 1981. N 5.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2.

Гловинская М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Голанова Е.И. Активные процессы в префиксации современного русского литературного языка (на материале имен существительных): Автореф. дис....канд. филол. наук. М., 1973.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. Т. 1.

Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.

Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.

Григорян Э.А. Суффиксоиды в системе современного русского языка: Автореф. дис....канд. филол. наук. М., 1981.

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Давыдова Н.В. Структура словообразовательных парадигм вещественных существительных в современном русском языке (злаки, металлы, драгоценные камни): Дис....канд. филол. наук. М., 1989.

Даниленко В.П. Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964а.

Даниленко В.П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964б.

Девкин В.Д. Ксеноденотатная направленность лексических сем // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976. Вып. 7, ч. 1.

Девкин В.Д. Переименование // Речевые аспекты изучения современного немецкого языка / МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1984.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семантики. М., 1973.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Рус. яз., 1984.

Ермакова О.П. О соотношении понятий "производность" и "мотивированность" // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1989.

Ермакова О.П., Земская Е.А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. N 6.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К уточнению отношений синхронной производности // Russian Linguistics. 1991. N 3.

Зайченкова М.С. Экспериментально-ономасиологическое исследование словообразовательного контекста (на материале современного русского языка): Автореф. дис....докт. филол. наук. Свердловск, 1988.

Зверев А.Д. О словообразовательном значении // Актуальные вопросы деривато-логии и дериватографии. Владивосток, 1986.

Земская Е.А. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов: Дис....канд. филол. наук. М., 1952.

Земская Е.А. О развитии приставочного словообразования глаголов // Рус. яз. в шк. 1962. N 2.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. Изд.2. М., 2005.

Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. Т. 1.

Земская Е.А. Как делаются слова. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Земская Е.А. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности // Рус. яз. в шк. 1965. N 3.

Земская Е.А. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам словообразования: Тез. докл. М., 1974.

Земская Е.А. Продуктивность и членимость // Развитие современного русского литературного языка: Словообразование. Членимость слова. 1972. М.: Наука, 1975.

Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния: (Виноградовские чтения I—VIII). М.: Наука, 1978.

Земская Е.А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка //Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1991.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: ЯСК, 1998.

Иванов В., Михальчи А. Новое в русской лексике // Книжное обозрение. 1981. N 31.

Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. Praha, 1971.

Калниязов М.У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975а. Ч.1.

Калниязов М.У. Членимость окказиональных и потенциальных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975б. Ч.1.

Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики (суффиксальные имена существительные): Автореф. дис....канд. филол. наук. М., 1978.

Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Об актуализации морфемной членимости слова в речи: (Употребление префиксальных слов в устной речи) // Развитие современного русского литературного языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975.

Китайгородская М.В. К характеристике структурно-семантических типов производных и членимых глаголов в русской разговорной речи. // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

Клобукова Л.П. Структура словообразовательных парадигм русских имен прилагательных: Дис....канд. филол. наук. М., 1982.

Красильникова Е.В. Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Красильникова Е.В. К соотношению словообразования и словоизменения // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: ЯСК, 1998.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. М.: ЯСК, 2004.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кубрякова Е.С. О понятии словообразовательного правила // Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. Владивосток, 1986.

Лопатин В.В. Рождение слова. М., 1973.

Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы. М.: Наука, 1974.

Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Ч. 1.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

Лыков А.Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово). М.: Высш. шк., 1976.

Мандельштам О. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987.

Манучарян Р.С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий: (на материале русского и армянского языков) // Вопросы семантики: Тез. докл. М., 1971.

Минина Л.И., Бартков Б.И. Диахроническая и синхроническая продуктивность, модельная и суммарная частотность суффиксоидов русского языка // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. Владивосток, 1986.

Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М.: Наука, 1987.

Морозова Т.С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Дис....канд. филол. наук. М., 1980.

Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов, 1986.

Николаева Т.М. Качественные прилагательные и отражение "картины мира" // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983.

Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста.

Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.

Панов М.В. О членимости слова на морфемы // Памяти акад. В.В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971а.

Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971б.

Панов М.В. О переводах на русский язык баллады "Джаббервокки" Л. Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987.

Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. Владивосток, 1986.

Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. Изд.5. М.: КомКнига, 2005.

Пугачев И.А. Структура словообразовательной парадигмы названий лиц в современном русском языке: Дис....канд. филол. наук. М., 1987.
Рамишвили Г.В. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.
Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
Резанова З.И. Словообразующие возможности существительного: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1983.
Реферативный журнал: Общественные науки за рубежом. Сер. 6: Языкознание. 1982. N 6.
Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.
Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.
Русский язык и советское общество: Морфология современного русского литературного языка. М., 1968а.
Русский язык и советское общество: Словообразование. М., 1968б.
Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности: (Образование и функционирование производного слова в русском языке): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Л., 1980.
Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.
Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. Изд.2.УРСС, 2005.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
Степанова М.В. Словообразование, ориентированное на содержание, и некоторые вопросы анализа лексики // ВЯ. 1966. N 6.
Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1, 2.
Улуханов И.С. Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов // НДВШ. Филол. науки. 1974а. N 4.
Улуханов И.С. Словообразование путем замены морфем // Рус. речь. 1974б. N 5.
Улуханов И.С. О словообразовательной категории: (на материале глаголов, мотивированных глаголами) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. N 1.
Улуханов И.С. Обратное словообразование: (образование окказионализмов путем усечения) // Рус. речь. 1977а. N 2.
Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М.: Наука, 1977б.
Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ. 1984. N 1.
Ханпира Э. Об окказиональных словах и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966.
Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.
Шабуришвили К. Теория текста и синтаксический механизм словообразования. Тбилиси, 1983.
Шанский Н.М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
Шатуновский И.Б. Коммуникативные функции слова и отношения мотивации // НДВШ. Филол. науки. 1982а. N 6.
Шатуновский И.Б. Проблемы словообразовательной транспозиции: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1982б.
Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. М.: Наука, 1988.
Шкатова Л.А. Развитие ономасиологических структур: (на примере наименований лиц по профессии в русском языке). Иркутск, 1984.
Шмелев Д.Н. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.
Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
Юсупова Н.Г. Структура словообразовательных парадигм имен существительных в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1980.

Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: Набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Янко-Триницкая Н.А. Возникновение форм *маслята* и *опята* в современном русском языке // Мысли о современном русском языке. М., 1969.

Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975а.

Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975б. Ч. I.

Янко-Триницкая Н.А. Членимость слов типа *ножка, ручка* // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975в.

Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Ярцлина Т.С. Словообразовательные возможности русских непроизводных глаголов: (К вопросу взаимодействия грамматики и словообразования): Дис. ...канд. филол. наук. М., 1980.

Bartoszewicz A. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке: (nomina konkreta от nomina konkreta). Poznań, 1972.

Bielfeldt H. Rückläufiges Wörterbuch der Russischen Sprache der Gegenwart. B., 1958.

Buzássyová Kl. Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava, 1974.

Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Vorabdruck der Plenarvorträge. XIV. Internationaler Linguistenkongress. B., 1987.

Daneš F., Dokulil M. et al. Tvoření slov v češtině, 2. Odvozování postatných jmen. Praha, 1967.

Der Neologismus: sociolonguistische, semantische und morphologische Aspekte // Linguistische Arbeitsberichte 17, 18. Leipzig, 1977.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině, I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.

Dressler W. On word formation in natural morphology // International Congress of linguists, 13th. Tokyo, 1982.

Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. B.: Erich Schmidt Verlag, 1975.

Gamkrelidze Th.V. [Гамкрелидзе Т.В.] The problem of "l'arbitraire du signe" // Language. 1974. Vol. 50, N 1.

Guilbert L. la création des mots. P., 1975.

Horecký T., Buzássyová Kl., Bosák T. a kolektiv. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda, 1969.

Jachnow H. et al. Zur Erklärung und Modelierung diachroner Wortbildungsprozesse: (anhand russischer substantivischer Neologismen). München, 1980.

Koester-Thoma S., Rom E. Wörterbuch des modernen russischen Umgangssprache: Russisch-Deutsch. München: Max Hueber Verlag, 1985.

Malberg B. Wilhelm von Humboldt und spätere Lingistik //Vorabdruck der Plenarvorträge. XIV. Internationaler Linguistenkongress. B., 1987.

Martincová J. Problematika neologismu v soucasné spisovné češtině. Praha, 1983.

Motsch W. On inactivity, productivity and analogy in derivational processes. B., 1987.

Nehmann W. Wilhelm von Humboldt — Anreger und Antizipient der modernen Sprachwissenchaft // Vorabdruck der Plenarvorträge. XIV. Internationaler Linguistenkongress. B., 10—15 August 1987. Materialen eines Kolloquiums). Leipzig, 1977.

Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachfergleih: Russisch — Deutch. Leipzig, 1987.

Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung: Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Sprache // Gattungen in den slavischen Literaturen: Festschrift für Alfred Rammelmeyer. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1988.

Robins R.H. Wilhelm von Humboldt's notion of creativity // Vorabdruck der Plenarvorträge. XIV. Internationaler Linguistenkongress. B., 10—15 August 1987.

Straková Vl. Новое в русской лексике // Československá rusistika. Praha. 1981. N 3.

Volek Br. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987.

Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АиК	— Авиация и космонавтика.
АиФ	— Аргументы и факты.
БАС	— Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948—1965. Т. 1—17.
ВМ	— Вечерняя Москва.
ВЯ	— Вопросы языкознания.
Гр.-70	— Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
Гр.-80	— Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
ДН	— Дружба народов.
Зв.	— Звезда
Зн.	— Знамя.
Изв.	— Известия.
К. пр.	— Комсомольская правда.
Кн. об.	— Книжное обозрение.
Кр.	— Крокодил.
ЛГ	— Литературная газета.
Л. пр.	— Ленинградская правда.
МАС	— Словарь русского языка. М., 1957—1961. Т. 1—4; 2-е изд. М., 1981—1984. Т. 1—4.
МГ	— Медицинская газета.
МЦ	— Молодой целинник.
М. пр.	— Московская правда.
Н.	— Неделя.
НДВШ	— Научные доклады высшей школы.
НМ	— Новый мир.
НС	— Наш современник.
НС-60	— Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971.
НС-70	— Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов/ Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
НС-77	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-77. М., 1980.
НС-78	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-78. М., 1981.
НС-79	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-79. М., 1982.
НС-80	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-80. М., 1984.
НС-81	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-81. М., 1986.
НС-82	— Новое в русской лексике: Словарные материалы-82. М., 1986.
Ог.	— Огонек.
Пр.	— Правда.
СЖ	— Сельская жизнь.
СК	— Советская культура.
Сл. Даля	— *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903. Т. 1—4.
Сл. Ож.	— *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
Сл. Уш.	— Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. 1—4.
С. сп.	— Советский спорт.
ТВ	— Телевидение.
Уч. газ.	— Учительская газета.
Юн.	— Юность.

SUMMARY

Proceeding from L.V. Ščerba's proposed division of word-formation into two categories — 1) how existing words were formed, and 2) how new words are formed — the author adresses this second, active category. Word-formation is examined as a special mecanism of language that is employed to build new words and through which a person's creative powers are realized. This study explores the active processes of Russian word-formation from the 1960s to the 1990s.

This book is based on a vast quantity of source materials for new formation that arose during the given period. These sources reflect a whole variety of domains of contemporary Russian: periodical literature, recordings of actual conversational speech, scholary language and imaginative literature.

The monograph consists of an introduction, five chapters and a conclusion.

In the introduction the overall tasks of the study are described.

Chapter 1 examines the most important concepts of the theory of synchronic word-formation. Here the author refines such concepts as derivational meaning, derivational type, derivational category and derivational paradigm.

Chapter 2 contains linguistic descriptions of three thousand new derivations recorded in the periodical press during three months in 1981. As data for the analysis were chosen new formation that were attested in the book "Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy 1981" ("Recent Developments in the Russian Lexicon. Lexicographic Materials 1981". Moscow: Russkij jazyk, 1986). The author gives a comparative quantitative analysis of new derivations of various parts of speech, of various ways and means of word-formation.

Chapter 3 is devoted to the naming aspect of word-formation. Here word-formation of various classes of nouns (first and foremost — the naming of people and objects) is examined and their onomastic structure is established.

Chapter 4 contains an examination of other problems. First, the functions of word-formation are studied, in particular as a means of cohesion, expressivization and structuralization of the text. Second, the author establishes those featuries of a text that promote the mechanism of word-formation: the creation of textual designations and the formation of derivational meaning, series of words of a single derivational type and the derivational paradigm or nest.

Chapter 5 goes beyond the limits of the study of commonly used words, examining potential and occasional words. Potential words are formed by putting into practice hitherto unrealized derivational possi-

bilities inherant in the system. Occasional words are formed in violation of the usual formation rules for "common" words. The author describes the means of derivation of occasional words and compares the rules and regulations that are operative in the realm of common and uncommon word derivation.

The conclusion sums up the results of the study. It includes a linguistic descriptions of the most active categories of new derivations with regards to those features of social reality that stimulate their appearance. The author also examines several new types of derivations and individual words that have arisen as a result of the processes of contemporary life (language and perestrojka). Finally, the author establishes the specific features that most clearely characterize word-formation in the final decades of the 20th century.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 4
О структуре книги ... 6
Функции словообразования в языке ... 8
Новые производные слова и их общественная и индивидуальная оценка ... 12

Глава I.
О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ТЕОРИИ СИНХРОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ... 17
О понятии "словообразовательная парадигма" ... 17
Словообразовательные категории и их виды ... 25
О понятии "словообразовательное значение" ... 27
К уточнению понятия "словообразовательный тип" ... 36

Глава II
НОВЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИИ ... 40
Введение ... 40
Составные наименования ... 43
Имя существительное ... 43
Глагол ... 44
Словосложение ... 44
Имя прилагательное ... 44
Имя существительное ... 46
Наречие ... 49
Глагол ... 49
Словосложение в сочетании с суффиксацией ... 49
Имя существительное ... 49
Имя прилагательное ... 50
Сращение ... 50
Аббревиация ... 50
Контаминация ... 51
Сложносокращенные слова, состоящие из сокращенной части и целого слова ... 54
О характере функционирования сокращенных элементов и их лингвистическом статусе ... 58
Расширение состава аналитических прилагательных ... 60
Суффиксация ... 62
Имя существительное ... 62
Отвлеченные существительные ... 62
Имена признака ... 62
Имена действия ... 64
Имена лиц ... 65
Наименования женщин ... 67
Оценочные и размерные наименования ... 68
Имена предметов ... 68
Названия механизмов, машин, агрегатов ... 70
Названия веществ, минералов ... 71
Названия наук ... 71
Значение невзрослости ... 71
Локальность ... 71

www.ruslang.ru

Значение собирательности ... 71
Имя прилагательное ... 73
Относительные прилагательные ... 73
Качественные прилагательные ... 74
Притяжательные прилагательные ... 75
Наречие ... 75
Глагол ... 76
Префиксация и префиксально-суффиксальный способ ... 77
Именная префиксация ... 77
Префиксально-суффиксальный способ в именах ... 80
Имя прилагательное ... 81
Имя существительное ... 82
Наречие ... 83
Глагольная префиксация ... 83
Префиксальные глаголы, обозначающие временные и количественные модификации действия ... 83
Префиксальные глаголы, обозначающие локальные модификации действия ... 84
Префиксально-суффиксальный способ в глаголах ... 85
Префикс + глагол + *-ся* ... 85
Префикс + именная основа + суффикс ... 85
Усечение ... 86
Субстантивация ... 86
Varia ... 86
Неузуальное словообразование ... 86
Каламбурное словообразование ... 87
Повтор-отзвучие ... 87
Использование деривационного аффикса как слова ... 88
Заключение ... 88

Глава III
АКТИВНОЕ НОМИНАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ) ... 92
Имена лиц ... 93
Отыменные имена лиц ... 97
Nomina actoris (производные на *-ник* и *-щик*/*-чик*) ... 97
Имена лиц на *-ник* ... 97
Имена лиц на *-(ш)ник* ... 101
Имена лиц на *-щик*/*-чик* ... 101
Наименования лиц, содержащие форманты, сочетающиеся только с именными базовыми основами ... 104
Имена лиц на *-ист* ... 104
Имена лиц на *-овик* ... 108
О соотношении единиц *-ик*, *-овик* и *-ник* (К вопросу о функции интерфиксов в составе слова) ... 109
Наименования лиц по принадлежности месту или коллективу ... 110
Имена лиц на *-ан(-ин)* ... 110
Имена лиц на *-ец* ... 111
Отглагольные имена лиц ... 113
Имена лиц на *-щик*/*-чик*, *-льщик* ... 113
Профессиональные имена ... 114
Непрофессиональные имена ... 116
Имена лиц на *-ник*, *-льник* ... 117
Имена лиц на *-тель* ... 118
Имена лиц с аффиксоидами *-вед*, *-вод*, *-лог* ... 119
Суффиксальная синонимия в кругу имен лиц и проблема гетеронимности ... 121
Выводы ... 122
Имена предметов ... 124
Появление новых строительных элементов словообразования ... 125
Механизмы (наименования предметов — производителей действия) ... 129
Имена предметов на *-тель* ... 129

Имена предметов на *-ник, -льник* 130
Имена предметов на *-щик/-чик* 131
Наименования механизмов на *-вод, -провод, -мет* 131
Наименования средств передвижения 132
Наименования на *-воз, -ход, -лет* 132
Наименования инструментов на *-лка* 133
Пространственные наименования 134
Имена на *-ище* 135
Имена на *-ница* 135
Имена на *-ник* 136
Имена на *-лка* 136
Имена на *-ловка* 136
Имена на *-арий, -ариум* 137
Слова-характеристики (названия городов и стран) 138
Слова на *-град* 138
Названия стран на *-ландия* и *-ия* 139
Наименования наук, отраслей знания, деятельности 140
Имена на *-ика* 140
Имена на *-истика* 141
Имена на *-логия* 142
Имена на *-ведение* 142
К проблеме сознательно сконструированных слов 143
Наименования минералов на *-ит* 143
Наименования веществ, материалов 144
Имена на *-ит* 144
Имена на *-ин* 144
Имена на *-лон* 145
Наименования элементов на *-ий* 145
Слова-квантификаторы 146
Модификационные словообразовательные категории 147
Категория женскости 147
Наименования женщин 148
Имена на *-щик/-чик~-щица/-чица* 149
Имена на *-льщик~-льщица* 150
Имена на *-ник~-ница* 150
Имена на *-тель~-тельница* 151
Имена на *-ка* 151
Имена на *-ша* 152
Имена на *-иха* 153
Имена на *-иня* и *-есса* 154
Наименования самок 155
Категория собирательности 156
Категория единичности 158
Категория невзрослости 160
По поводу модификационной категории подобия 161

Глава IV
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕКСТ 163
Выявление деятельностного характера словообразования в тексте 164
Порождение производного слова на основе предтекста 165
Номинализация 165
Создание текстовых номинаций 166
Актуализация словообразовательной структуры слова 167
Функционирование в одном контексте однокоренных слов, имеющих разные деривационные значения 171
Построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение 172
Каламбурное столкновение слов, порождающее псевдочленение слова 172
Семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов 173
Характер использования текстовых номинаций 174
Крещение новым именем 174

Пояснение номинации ... 175
Корректировка узуальной номинации ... 175
Градуирующая номинация ... 177
Интенсифицирующая номинация ... 177
Выводы ... 178

Глава V
НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА) ... 180
Введение ... 180
Продуктивность, окказиональность и аналогия ... 181
Окказиональное слово, творческая индивидуальность и художественная выразительность ... 184
Крайности сходятся ... 187
Способы и приемы, специфические для порождения окказионализмов ... 190
Междусловное наложение ... 191
Контаминация ... 191
Слияние ... 193
Образования по конкретному образцу ... 194
Построение слов с вымышленными корнями ... 195
Важность начального согласного ... 196
"Словообразовательный куст" ... 196
Высвобождение аффиксов и других частей слова ... 196
Использование аффиксов в качестве базовых основ ... 198
Каламбурные и паронимические "игры" со словом ... 198
Выводы ... 199

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 201

ЛИТЕРАТУРА ... 207

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ... 212

SUMMARY ... 213

CONTENTS

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

INTRODUCTION 4
About the structure of this book 6
The function of word-formation in language 8
New derivatives and their social and individual evaluation 12

Chapter 1

ON CERTAIN CONCEPTS IN THE THEORY OF SYNCHRONIC WORDFORMATION 17
On the concept of the "derivational paradigm" 17
Derivational categories and their types 25
On the concept of "derivational meaning" 27
Toward a refinement of the concept of "derivational type" 36

Chapter 2

NEW DERIVATIVES ACCORDING TO LEXICOGRAPHICAL DATA 40
Introduction 40
Compound designations 43
Nouns 43
Verbs 44
Compound word-formation 44
Adjectives 44
Nouns 46
Adverbs 49
Verbs 49
Compound word-formation with suffixation 49
Nouns 49
Adjectives 50
Fusion 50
Abbreviation 50
Contamination 51
Compound-abbreviations (consisting of an abbreviated elements and a whole word) 54
On the functional character of abbreviated elements and their linguistic status 58
The expansion of the composition of analytic adjectives 60
Suffixation 62
Nouns 62
Adjectives 73
Adverbs 75
Verbs 76
Prefixation and the prefixal-suffixal means 77
Noun prefixation 77
Prefixal-suffixal means in the nouns 80
Verb prefixation 83
Prefixal-suffixal means in the verbs 85
Truncation 86
Substantivisation 86
Varia 86
Unconventional word-formation 86

www.ruslang.ru

Pun word-formation 87
Comical doubling 87
The use of derivational affixes as words 88
Summing-up 88

Chapter 3
ACTIVE NAMING WORD-FORMATION (SUFFIXAL NOUNS) 92
Names of persons 93
Adnominal names of persons 97
Adverbial names of persons 113
Names of persons with *-ѣѣдъ, -ѣодъ, -лоз* 119
Suffixal synonymy in the sphere of the names and the problem of heteronymy 121
Summing-up 124
Names of objects 124
The appearance of new structural elements in word-formation 125
Mechanisms (the designation of objects that are agents of an action) 129
The designation of means of transportation 132
The designation of instruments in *-лка* 133
Spatial designations 134
Characterizations (names of cities and countries) 138
Designation of sciences, of branches of knowledge, of activities 140
Toward the problem of consciously constructed words 143
Quantifiers 146
Modificative derivational categories 147
Category of the feminine 147
Category of collectivity 156
Category of singularity 158
Category of young 160
Concerning the modificative category of similarity 161

Chapter 4
WORD-FORMATION AND TEXT 163
The manifestation of the active character of word-formation in the text 164
The generation of derivations on the basis of pre-text 165
The actualization of the derivational structure of the word 167
The functioning of words having the same root, but different derivational meanings in the same context 171
The formation of words that manifest one and the same meaning 172
The juxtaposition in puns which engenders pseudo-segmentation 172
The semantic juxtaposition of words with the same root or paronyms 173
The character of the use of textual designations 174
Giving a new name 174
Explanation of a designation 175
Correction of a common designation 175
Graduated designation 177
Intensifying designation 177
Summing-up 178

Chapter 5
UNCONVENTIONAL WORD-FORMATION (OCCASIONAL AND POTENTIAL WORDS) 180
Introduction 180
Productivity, occasionality and analogy 181
The occasional word, creative individuality and artistic expressivity 184
Extremes converge 187
Specific means and devices for the genesis of occasionalisms 190
Interword placement 191
Contamination 191
Merging 193
Formation according to a concrete model 194

Forming words with invented roots 195
Importance of the initial consonant 196
"Derivational bush" 196
Disengagement of affixes and other parts of the word 196
The use of affixes as base forms 198
Pun and paronymic games with words 198
Summing-up 199

CONCLUSION 201

BIBLIOGRAPHY 207

LIST OF ABBREVIATIONS 212

SUMMARY 213

Научное издание

Земская Елена Андреевна

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Утверждено к печати
Институтом русского языка РАН

Заведующий редакцией *Г.И. Романова*
Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *И.В. Монастырская*
Технический редактор *Л.В. Русская*
Корректор *Н.Л. Солубиова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 47852

Подписано к печати 19.05.92
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 2
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,3. Уч.-изд.л. 16,1
Тираж экз. Тип. зак. 2000

www.ruslang.ru

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовятся к печати:

Русский язык в его функционировании.

20 л.

Книга непосредственно примыкает к монографии "Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект" (1989 г.). В ней рассматривается использование языковых средств всех подсистем языка (фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса, лексики) в различных типах речи, таких, как официально-деловая, научная, публицистическая, а также в разговорной и художественной (сценической) речи. Основная ценность книги состоит в разработке различных методик исследования проблем функционирования языка. Она содержит богатейший фактический материал. Авторы убедительно показывают, в каких сферах речи и каким образом функционируют те или иные языковые категории и единицы.

Для лингвистов, литературоведов, журналистов.

Литературная норма в массовой коммуникации.

15 л.

Книга продолжает серию тематических сборников отдела культуры русской речи Института русского языка РАН под общим названием "Культура русской речи". В ней исследуются вопросы развития русского литературного языка и его норм на материале средств массовой информации и коммуникации — периодической печати, других массовых изданий, а также радио, телевидения, театра и др. Представлены исследования общих вопросов развития русского литературного языка, функционирования и изменения норм в современную эпоху. Разрабатываются конкретные и частные вопросы современной литературной нормы в связи с ее нормализацией и кодификацией. Теория и практика русской массовой печати дается в историческом аспекте.

Для научных работников, журналистов и редакторов, а также для самой широкой аудитории читателей, интересующихся вопросами культуры речи.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ "АКАДЕМКНИГА" С УКАЗАНИЕМ МАГАЗИНОВ И ОТДЕЛОВ "КНИГА—ПОЧТОЙ"

Магазины "Книга—почтой":

252208 *Киев*, пр-т Правды, 80-а; 117393 *Москва*, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2. ; 197345 *Санкт-Петербург*, ул. Петрозаводская, 7.;700185 *Ташкент*, ул. Дружбы Народов, 6

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой":

480091 *Алма-Ата*, ул. Фурманова, 91/97 "Книга—почтой"; 370005 *Баку*, ул. Коммунистическая, 51 "Книга—почтой"; 720001 Бишкек, бульвар Дзержинского, 42 "Книга—почтой"; 232600 *Вильнюс*, ул. Университето, 4; 690088 *Владивосток*, Океанский пр-т, 140 "Книга—почтой"; 320093 *Днепропетровск*, пр-т Гагарина, 24 "Книга—почтой"; 734001 *Душанбе*, ул. Рудаки, 95 "Книга—почтой"; 620151 *Екатеринбург*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 "Книга—почтой"; 375002 *Ереван*, ул. Туманяна, 31; 664033 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289 "Книга—почтой"; 420043 *Казань*, ул. Достоевского, 53 "Книга—почтой"; 252142 *Киев*, пр-т Вернадского, 79. ; 252030 *Киев*, ул. Ленина, 42; 252025 *Киев*, ул. Стретенская, 17; 277012 *Кишинев*, пр-т Штефана Великого, 148 "Книга—почтой"; 343900 *Краматорск* Донецкой обл., ул. Марата, 1 "Книга—почтой"; 660049 *Красноярск*, пр-т Мира, 84; 22012 *Минск*, Ленинский пр-т. 72 "Книга—почтой"; 117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7.; 103009 *Москва*, ул. Тверская, 19-а.; 630076 *Новосибирск*, Красный пр-т, 51.; ;630090 *Новосибирск*, Морской пр-т, 22 "Книга—почтой"; 142284 *Протвино* Московской обл., ул. Победы, 8. ; 142292 *Пущино* Московской обл., МР "В", 1 "Книга—почтой"; 443002 *Самара*, пр-т Ленина, 2 "Книга—почтой"; 191104 *Санкт-Петербург*, Литейный пр-т, 57; 199164 *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2. ; 194064 *Санкт-Петербург*, Тихорецкий пр-т, 4. ; 700029 *Ташкент*, ул. Газеты "Правда", 73; 700000 *Ташкент*, ул. Ю. Фучика, 1. ; 700100 *Ташкент*, ул. Ш. Руставели, 43. ; 634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18; 450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 "Книга—почтой"; 450025 *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49. ; 310078 *Харьков*, ул. Чернышевского, 87 "Книга—почтой"